

HD WIDENER



Hw B3JH A

www.libtool.com.cn

US
2319
44.10

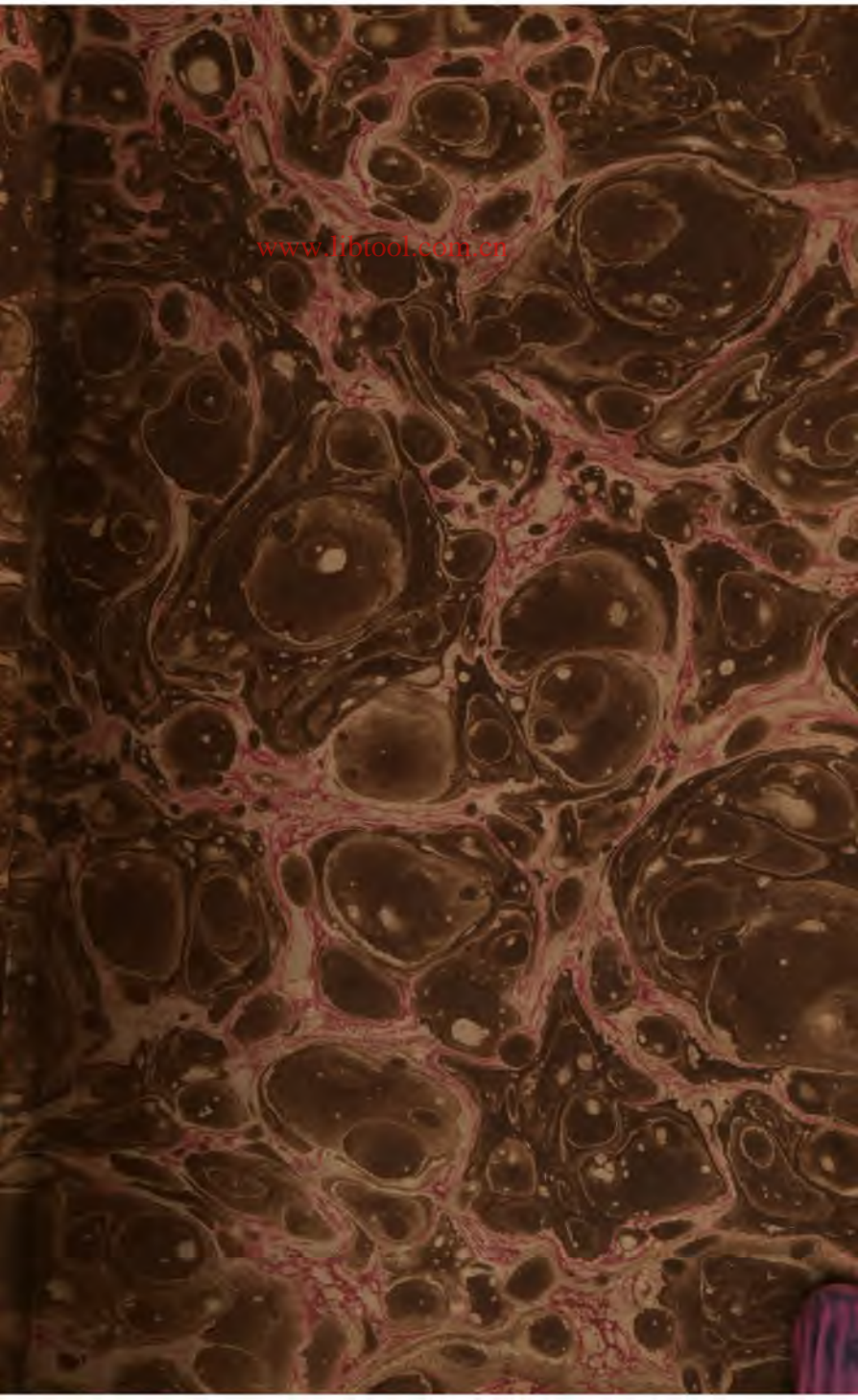
www.libtool.com.cn

Harvard College
Library



FROM THE BEQUEST OF
SUSAN GREENE DEXTER

www.libtool.com.cn



www.libtool.com.cn

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КНИЖНЫЙ ФОНД.

866

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

ИСТОРИЯ

ЖИЗНИ И ПУТЕШЕСТВИЙ

ХРИСТОФОРА КОЛОМБА.



www.libtool.com.cn

ИСТОРИЯ

www.libtool.com.cn

ЖИЗНИ И ПУТЕШЕСТВИЙ

ХРИСТОФОРА КОЛОМБА.

СОЧИНЕНІЯ

ВАШИНГТОНА ИРВИНГА.

Переводъ съ Французскаго,

НИКОЛАЯ ВРЕДЕННА.

Venient annis
Saecula seris, quibus Oceanus
Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat tellus, Typhisque novos
Detegat orbés, nec sit terris
Ultima Thule.

SENeca, *Medea.*

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИЦЕ.

1837.

US 2319.4.4.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
DEXTER FUND

FEB 12 1931

www.libtool.com.cn

011

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представле-
ны были въ Ценсурный Комитетъ три эк-
земпляра.

СПб., Сентября 29 дня, 1856 года.

Ценсоръ А. Фрейганъ.

www.libtool.com.cn

ПРИЛОЖЕНИЯ

КЪ ИСТОРИИ

ХРИСТОФОРА КОЛОМБА,

СОДЕРЖАЩАЩИ ВЪ СЕБѢ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ

И

НЕИЗДАНЫЯ ДОКУМЕНТЫ.

www.libtool.com.cn

INTERNATIONAL

LECTURE

THE HISTORY OF THE

OF THE

OF THE

OF THE

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

СТРАНА

1) Перевезеніе останковъ Колумба изъ Санта-Доминго въ Гаванну	1
2) Подробности о потомкахъ Колумба	10
3) Фернандо Колумбъ	45
4) Предки Колумба	50
5) Мѣсто рожденія Колумба	56
6) Колумбы	71
7) Экспедиція Іоанна д'Анжу	76
8) Взятіе въ плѣнъ Венеціанскихъ галеръ Колумбомъ-Младшимъ	81
9) Америкъ Веспуччі	87
10) Мартинъ Алонсо Пинсонъ	121
11) Слухи, носившіеся о лоцманѣ, умершемъ въ домъ Колумба	125
12) Мартинъ Беэръ	132
13) Путешествія Скандинавовъ	140

VIII

	СТРАН.
№ 14 Путешествія древнихъ вокругъ Африки	152
15 О судахъ Колумба	158
16 О путяхъ, которыми слѣдовалъ Колумбъ въ первое свое путешествіе	164
17 Правила, по которымъ упоминаемыя въ этомъ сочиненіи суммы принадлежи въ новѣйшія монеты	196
18 Марко Поло	200
19 Сочиненіе Марка Поло. Зипангу, Зипангри, или Чипанго	214
20 Сиръ Джонъ Мандевиль	224
21 О зонахъ, или земныхъ поясахъ	228
22 Объ Атлантидѣ, Платона	232
23 Мнимый островъ Санъ-Бранданъ	236
24 Островъ Семи-Городовъ	251
25 Открытіе острова Мадеры	255
26 Ласъ-Касасъ	264
27 Пьеръ Мартиръ	282
28 Овидо	295
29 Лосъ-Палаціосскій патеръ	298
30 « Navigazione del re de Castiglia delle isole e paese nuovamente ritrovate. — Navigatio Christophori Columbi. »	300
31 Антоніо де-Геррера	303
32 Епископъ Фоксека	308
33 Завѣщаніе Колумба	314
34 Подпись Колумба	335

КОНЕЦЪ ОГЛАВЛЕНІЯ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНИЕ № I.

ИЗЪЯВЛЕНІЕ ОСТАНКОВЪ КОЛОМБА ВЪ САНЬ-ДОМИНГО ВЪ ГАВАННУ.

По окончаніи войны между Франціей и Испаніей, въ 1795 году, всѣ Испанскія владѣнія на островѣ Испаніолѣ были уступлены Франціи IX-ю статьею мирнаго договора. Для надзора за исполненіемъ трактата была отправлена къ этому острову, въ условенное время, Испанская эскадра, подъ начальствомъ донъ Габріеля де-Аристисабалы, генераль-лейтенанта королевскаго флота.

11-го декабря 1795 года генераль Аристисабаль написалъ къ маршалу и губернатору Испаніолы, донъ Иоахиму Гарсіа, въ его резиденцію, Сань-Доминго, письмо слѣдующаго содержанія: «Извѣстясь, что смертные останки знаменитаго адмирала, донъ Христофора Колумба, погребены въ соборной церкви здѣшняго города; я, какъ Испанецъ и главнокоман-

дующій дѣйствующею эскадрой его величества, ~~считаю~~ ~~долгомъ~~ просить васъ дозволить мнѣ перевезть прахъ героя на островъ Кубу, имъ-же открытый, и на которомъ онъ первый водрузилъ знамя креста. » Далѣе, генераль изъявляетъ желаніе, чтобъ этотъ церемоніаль былъ совершенъ гласно, съ возможною торжественностью и соблюденіемъ всѣхъ формальностей, » дабы отвратить тѣмъ всякую возможность утратить изъ виду, по небреженію или безпечности, смертные останки великаго человѣка, съ которыми связано воспоминаніе о событіи, составляющемъ славнѣйшую эпоху Испанской Исторіи, и доказать всѣмъ народамъ, что Испанцы, несмотря на теченіе вѣковъ, никогда не переставали чтить память своего *достойнаго и державнаго генерала морей* и не оставили даже праха его въ то время, когда мѣстные власти Испанскаго правительства удалялись съ острова. » Въ заключеніе, донъ Аристисабаль прибавляетъ, что хотя онъ, по недостатку времени и важнымъ затрудненіямъ, не можетъ испросить на этотъ счетъ разрѣшенія его величества, однакожь увѣренъ, что донъ Іоакимъ, какъ губернаторъ, по присвоенной ему власти, можетъ удовлетворить и самъ его желаніе и дозволить ему перевезть прахъ адмирала въ Кубу на корабль *Санъ-Лоренсо*.

Губернаторъ принялъ живѣйшее участіе въ намѣреніи благороднаго Испанца. Онъ от-

въчалъ ему, что герцогъ де-Верага, происходящій отъ Коломба по прямой линіи, относился къ нему съ той-же просьбой и уже сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія по этому предмету, на свой счетъ, изъяснивъ притомъ желаніе, чтобъ и останки адлантадо, донъ Варфоломея Коломба, были также перевезены изъ Испаніи, и послалъ уже надписи для ихъ гробницъ; наконецъ, что онъ, губернаторъ, хотя дѣйствительно не имѣетъ на этотъ случай королевскаго повелѣнія, однакожь, какъ предложеніе генерала совершенно согласно съ признательными чувствами Испанскаго народа и одобрено всѣми мѣстными властями, то онъ готовъ способствовать ему всѣми зависящими отъ него средствами. Получивъ этотъ отвѣтъ, генераль Аристисабаль написалъ къ архіепископу Кубы, донъ Фернанду Портильо-и-Торресъ, находившемуся тогда въ Санъ-Доминго, что онъ надѣется получить его благословеніе и содѣйствіе въ столь благочестивомъ дѣлѣ.

Отвѣтъ архіепископа состоялъ изъ самыхъ лестныхъ выраженій для достойнаго предводителя эскадры и самыхъ почтительныхъ для памяти Коломба. Онъ изъяснилъ всю ревность, которою былъ одушевленъ — воздать должную дань признательности и уваженія къ праху челоуьба, такъ много сдѣлавшаго для славы Испаніи. Особы, уполномоченныя герцогомъ де-Верагой дѣйствовать отъ его

имени, также почтенный деканъ катедральной церкви съ своимъ причетомъ, и всѣ прочія лица и мѣстные власти, къ которымъ относился донъ Габріель де-Аристисабаль, изъявили столь-же ревностную готовность содѣйствовать исполненію этой трогательной и торжественной церемоніи.

Послѣ этихъ предварительныхъ сношеній почтеннаго генерала Аристисабала, въ которыхъ были соблюдены всѣ правила этикета и всѣ обычныя формальности, приступили къ совершенію церемоніала, съ пышностью и торжественностью, соотвѣтственными важности предмета.

20-го декабря 1795 года почетнѣйшія особы города, духовные сановники и чиновники гражданскіе и военные собрались въ эпархіяльномъ соборѣ. Въ присутствіи этого важнаго собранія отворили небольшой склепъ за хорами, въ капитальной стѣнѣ, по правую сторону большаго алтаря, и вынули оттуда обломки свинцоваго гроба, кости и небольшое количество земли, очевидно образовавшейся изъ остатковъ человеческого тѣла. Все это тщательно собрали и заключили въ свинцовый вызолоченный ящикъ, около полуаршина длины и ширины и въ четверть аршина вышины, съ жемъзнымъ замкомъ, отъ котораго ключъ вручили архіепископу. Потомъ ящикъ поставили въ гробъ, обитый чернымъ бархатомъ и украшенный золотыми галунами

и бахромой, а гробъ положили въ нѣкотораго рода особый временный склепъ, или мавзолей.

На другой день совершили надъ останками Коломба торжественное поминаеніе въ соборной церкви. Послѣ всенощной, архіепископъ, въ полномъ облаченіи, отслужилъ панихиду въ присутствіи главнокомандующаго флотомъ, доминиканцевъ, францисканцевъ, братьевъ-милосердія и другихъ членовъ почетнаго собранія, присутствовавшаго наканунѣ при выносѣ тѣла; послѣ панихиды архіепископъ произнесъ надгробную рѣчь.

Въ тотъ-же день, въ четыре часа по полудни, гробницу перенесли на корабль съ торжественнѣйшимъ церемоніаломъ, въ сопровожденіи духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ сановниковъ, подъ знаменами, обтянутыми крепомъ, при пѣніи гимновъ и залпахъ изъ крѣпостной артиллеріи. Почетнѣйшіе члены разныхъ сословій несли гробъ по очереди на себѣ. Губернаторъ принялъ ключъ изъ рукъ архіепископа и вручилъ его намѣстнику Гаванны, для храненія до-тѣхъ-поръ, пока послѣдуетъ на этотъ счетъ высочайшая воля. Гробъ поставили на бригантину *Открытие*, которая, какъ и всѣ прочіе корабли эскадры, выкинули траурные флаги. Весь флотъ салютовалъ праху Коломба и отдалъ ему всѣ почести, присвоенныя адмиральскому рангу.

Изъ Санъ-Домингскаго порта его перевезли

въ заливъ Окоа и передали тамъ на корабль *Санъ-Лоренсо*, вмѣстѣ съ портретомъ Колумба, присланнымъ изъ Испаніи герцогомъ де-Верагой, съ тѣмъ чтобъ онъ былъ помѣщенъ у того мѣста, гдѣ будутъ погребены останки знаменитѣйшаго изъ всѣхъ его предковъ. Корабль тотчасъ-же поднялъ паруса и прибылъ въ Гаванну, на островъ Кубъ, 15-го января 1796 года. Память открывшаго этотъ островъ была почтена жителями изъявленіемъ столь-же глубокихъ чувствъ признательности какъ и въ Испанію. Главные мѣстные начальники, въ сопровожденіи высшихъ офицеровъ арміи и флота, отправились на корабль. Церемоніаль повторился съ тою-же торжественностью, какъ и въ Санъ-Доминго. Останки адмирала приняли съ корабля съ благоговѣніемъ и перемѣстили на фелуку, которая перевезла ихъ на берегъ, въ сопровожденіи трехъ рядовъ фелукъ и малыхъ судовъ королевскаго флота, украшенныхъ прилично обстоятельствамъ и исполненныхъ заслуженными офицерами и гражданскими чиновниками. За ними слѣдовали еще двѣ фелуки: одна съ почетною морскою стражей, которой знамена и барабаны были обтянуты чернымъ флеромъ; на другой находились главнокомандующій, министръ морскихъ силъ и главный штабъ. Когда суда вошли въ портъ, военные корабли, стоявшіе въ немъ на якорѣ, отдали имъ почести, принадлежащія за-

ніямъ адмирала и главнокомандующаго флотомъ. На берегу процесію встрѣтилъ губернаторъ съ генералами и штабомъ. Отъ самаго берега гробницу несли черезъ двойной рядъ войскъ, выстроенныхъ вдоль улицъ доobeliska на Большой-Площади, гдѣ поставили ее на погребальныя дроги, приготовленныя заблаговременно. Здѣсь останки Колумба и ключъ отъ гробницы были переданы съ прежними формальностями генераль-губернатору острова; открыли гробъ и освидѣтельствовали, въ присутствіи всѣхъ сопровождавшихъ, находящееся въ немъ. Послѣ того всѣ отправились большою процесіей въ соборъ, гдѣ, по отслуженіи епископомъ обѣдни и нанихиды, смертныя останки Колумба были закладены въ стѣну, по правую сторону большаго алтаря. « При этой почетной церемоніи, » говоритъ авторъ сочиненія, изъ котораго мы почерпнули вышеприведенныя подробности (1), « присутствовали всѣ духовныя и свѣтскіе сановники, Гаваннское дворянство и всѣ сословія города, въ изъявленіе высокаго уваженія и благоговѣйнаго воспоминанія о памяти героя, который открылъ Новый-Свѣтъ и первый осѣнилъ этотъ островъ знаменемъ святаго креста. »

Это былъ послѣдній случай, гдѣ Испанія

(1) Navarrette, tome, II., p. 365.

могла изъяснить свои чувствованія къ Колумбу, и авторъ приведеннаго нами сочиненія съ живѣйшимъ удовольствіемъ воспользовался собранными имъ свѣденіями, чтобъ описать обстоятельно этотъ трогательный и торжественный церемоніаль, исполненный благородныхъ чувствъ во всѣхъ его подробностяхъ, и дѣлающій столько чести характеру націи. Но это-же самое описаніе о перемѣщеніи праха Колумба изъ Санъ-Доминго въ Гаванну по истеченіи почти трехъ вѣковъ, съ гражданскими и военными почестями, съ величественными и торжественными обрядами Церкви и съ искренними изъясненіями почитанія знатнѣйшихъ людей и первѣйшихъ сановниковъ государства, — невольно увлекаетъ воображеніе къ той эпохѣ, когда онъ былъ отправленъ изъ того - же Санъ - Домингскаго порта, обремененный позорными цѣпами, сопровождаемый ругательствомъ черни, — когда имущество и добрая слава его, казалось, погибали подѣ однимъ ударомъ.

Всѣ подобныя почести ничего не значать для мертвыхъ, и не могутъ вознаградить сердца, переставшаго биться для жизни, за перенесенныя имъ страданія и несправедливости: совсѣмъ тѣмъ, онѣ заключаютъ въ себѣ обильный источникъ утѣшенія для знаменитыхъ людей, гонимыхъ и оклеветанныхъ современниками; онѣ помогаютъ имъ мужественно бороться со всѣми несправедливостями.

ми въ настоящемъ, показывая на дѣлѣ, что истинное достоинство переживаетъ клевету— и рано или поздно вознаграждается славой и удивленіемъ позднѣйшихъ вѣковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Подробности о потомках Колумба.

По смерти Колумба, сынъ его, Діэго, наследовалъ его право на званія вице-короля и губернатора Новаго-Свѣта, на основаніи договора, заключеннаго Испанскими государями съ отцемъ его. По единогласному свидѣтельству историковъ, Діэго Колумбъ отличался строгою честностью, обладалъ замѣчательными дарованіями и имѣлъ характеръ открытый и благородный. Геррера часто упоминаетъ о кроткомъ и любезномъ его обращеніи, и говоритъ, что онъ былъ исполненъ благородства и — врагъ всякой лживости. Эта неспособность скрывать свои ощущенія часто повергала его въ сѣти людей коварныхъ, посѣдвшихъ въ обманахъ, которые отравляли жизнь его непрерывными огорченіями. Но врожденное правдушіе и непреодолимая сила истины поддерживали его въ такихъ затруднительныхъ

обстоятельствахъ, въ которыхъ люди болѣе его расчетливые и гибкіе потерялись-бы совершенно.

Непосредственно послѣ смерти Колумба, донъ Діэго, какъ его наслѣдникъ по прямой линіи, потребовалъ передачи ему родовыхъ достоинствъ и преимуществъ, которыми отецъ его не пользовался въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Но если холодный и подозрительный Фердинандъ былъ способенъ забыть долгъ благодарности и справедливости въ отношеніи къ Колумбу, тѣмъ менѣе могъ ожидать отъ него сынъ адмирала. Донъ-Діэго упорно требовалъ отъ него возстановленія правъ своего дома въ продолженіе двухъ лѣтъ сряду, — но безъ всякаго успѣха. Недовѣрчивость Фердинанда къ Колумбамъ повидимому усилилась еще болѣе дарованіями новаго представителя ихъ фамиліи, получившаго воспитаніе на его глазахъ въ качествѣ пажа королевскаго двора, котораго характеръ онъ имѣлъ столько случаевъ узнать и оцѣнить. Наконецъ, по возвращеніи Фердинанда изъ Неаполя въ 1508 году, донъ Діэго сдѣлалъ ему совершенно прямой вопросъ, съ тою откровенностью, которую приписываютъ ему историки: «Почему его величеству не угодно даровать ему, какъ милости, того, что принадлежитъ ему по праву, и положиться на вѣрность чловѣка обязаннаго ему своимъ воспитаніемъ?» Фердинандъ отвѣчалъ, что

онъ увѣренъ въ немъ, но не въ дѣтяхъ и наслѣдникахъ его. Діэго возразилъ, что несправедливо наказывать его за вины дѣтей, которыхъ, можетъ-быть, онъ вовсе не будетъ и имѣть.

Несмотря на то, что разумъ и справедливость были на сторонѣ молодаго адмирала, онъ не могъ склонить упорнаго короля исполнить его просьбу. Наконецъ, убѣдясь въ невозможности получить удовлетвореніе отъ личнаго правосудія и великодушія Фердинанда, онъ просилъ у него позволенія представить свои права на разсмотрѣніе и рѣшеніе гражданскихъ судовъ. Король не могъ отказать ему въ столь законной просьбѣ, и донъ Діэго подалъ прошеніе въ «Совѣтъ о дѣлахъ Индіи», о возвращеніи ему всѣхъ достоинствъ и преимуществъ, утвержденныхъ правительствомъ въ его родѣ договорами, заключенными королемъ и королевою съ его отцемъ, — вступивъ такимъ-образомъ съ Фердинандомъ въ тяжбу.

Его притязанія опровергали доводомъ, что договоръ Коломба съ правительствомъ, заключенный въ 1492 году, по которому адмиралу и наслѣдникамъ его представлялось право на безсмынное намѣстничество въ новооткрытыхъ земляхъ, недействителенъ: во-первыхъ потому, что онъ противенъ выгодамъ государства; во-вторыхъ, что онъ противорѣчитъ положительному закону, изданному въ

1480 году въ Толедъ, по которому ни одно мѣсто, заключающее въ своемъ вѣдомствѣ управленіе судебною частью, не можетъ быть наследственнымъ. Поэтому, говорили ему, право на вице-королевское званіе могло быть дано адмиралу только по его смерти, и даже при жизни онъ справедливо былъ лишенъ его за злоупотребленіе власти. Къ этому присовокупляли еще, что подобныя пожалованія противны преимуществамъ, присвоеннымъ Испанской коронѣ, отъ которыхъ она не можетъ отказаться. Противъ недѣйствительности договора, донъ Діэго возражалъ, что означенный договоръ есть «взаимное и добровольное условіе, обязывающее по законамъ къ исполненію обѣ стороны, заключившія его, и что, слѣдственно, онъ, Діэго, не можетъ быть лишенъ ни одной изъ привилегій, въ немъ означенныхъ, пока не откажется отъ нихъ добровольно-же; что если королевскими указами отъ 2 іюня 1506 года изъ Вилла-Франка и 28 августа 1507 года изъ Альмазана, повелѣно выдавать ему десятую часть доходовъ Индіи, то и всѣ другія права его должны быть также признаны; что-же касается до отрѣшенія отца его отъ должности вице-короля за злоупотребленіе власти, то это совершенно ложно: потому-что одна только неслыханная дерзость Бобадиллы была причиной его арестованія въ 1500 году, противъ воли и повелѣній государей, какъ доказываетъ это собствен-

норучное письмо ихъ къ адмиралу изъ Валенціи-де-ла-Торры, въ 1502 году, въ которомъ они изъявляютъ сожалѣніе о случившемся и обнадѣживаютъ, что онъ получитъ справедливое удовлетвореніе и что всѣ права его, личныя и наслѣдственныя, останутся неприкосновенными (1). »

Эта достопамятная тяжба началась въ 1508 году и продолжалась нѣсколько лѣтъ. Кромѣ приведенныхъ нами здѣсь доводовъ, право донъ Діэго оспаривали еще тѣмъ, будто-бы отецъ его не первый открылъ твердую землю, а послѣ другихъ, и то нѣкоторыя только части ея. Это возраженіе было опровергнуто положительнымъ образомъ несомнѣнными доказательствами противнаго. Притязанія донъ Діэго были разсмотрѣны во всѣхъ подробностяхъ и строго повѣрены. Наконецъ клеветники славы Коломба принуждены были умолкнуть навсегда единогласнымъ рѣшеніемъ Совѣта — въ пользу донъ-Діэго, — рѣшеніемъ, которое дѣлаетъ столько чести правосудію и самостоятельности этого судилища (2).

Не смотря на то, хитрый Фердинандъ постоянно находилъ предлоги уклоняться отъ утвержденія въ фамилии Коломбовъ столь об-

(1) Извлеченіе изъ подлинниковъ тяжбнаго дѣла, историкомъ Мюнносомъ. MS.

(2) Въ статьѣ: «Америка Веспуччіи», подробности этой тяжбы изложены полнѣе (См. Прил. № 9).

ширной власти, съ которою весьма неохотно раставалась его **недовѣрчивая** политика. Молодой адмираль обязанъ былъ окончательнымъ успѣхомъ въ своемъ дѣлѣ удачному совершенію дѣла совсѣмъ другаго рода. Онъ влюбился въ донну Марію де-Толеда, дочь Фернанда де-Толеда, великаго командора Ліона, и племянницу донъ Фабриція де-Толеда, знаменитаго герцога Альбы, перваго любимца короля. Донъ Діэго простиралъ свои виды слишкомъ высоко: отецъ и дядя донны Маріи были могущественнѣйшіе гранды гордой Испаніи и двоюродные братья Фердинанда. Несмотря на то, слава Колумба, отразившаяся на дѣтяхъ его, и права Діэго, признанные «Совѣтомъ о дѣлахъ Индіи», утверждали за нимъ достоинства и доходы, достаточные для притязанія на знаменитѣйшіе союзы въ королевствѣ. Онъ получилъ руку донны Маріи безъ всякаго затрудненія, и такимъ образомъ чужеземная фамилія Колумбовъ привилась къ отрасли благороднѣйшаго дома въ Испаніи. Изъ этого вышло то, что необходимо выходитъ въ подобныхъ случаяхъ. Донъ Діэго вдругъ приобрелъ то волшебное могущество, которое въ свѣтъ означаютъ словомъ *связи*, — и вмѣстѣ съ нимъ благоклонность Фердинанда, которой такъ долго не удостоивался сынъ Колумба, и которую такъ легко получилъ племянникъ герцога Альбы. Отецъ и дядя супруги донна Діэго

успѣли наконецъ, хотя съ большимъ трудомъ, побѣдить сопротивление монарха и склонить его на удовлетвореніе хотя части справедливыхъ требованій дона Діэго. Онъ утвердилъ его въ достоинствахъ и власти, которыми пользовался Николай, — Овандо но благоразумно устранилъ титулъ вице-короля.

Овандо былъ отозванъ, чтобъ очистить мѣсто дону Діэго; этимъ поступкомъ король вмѣстѣ исполнялъ, хотя довольно поздно, и обѣщаніе, данное имъ Изабеллѣ на смертномъ ея одрѣ: умирающая королева взяла съ Фердинанда слово — лишить губернатора мѣста, въ наказаніе за истребленіе бѣдныхъ ея дикихъ подданныхъ, и за жестокою позорную казнь, которой онъ подвергъ жену кацика Каонабо, Анакоану.

Но исполняя просьбу королевы, Фердинандъ однакожъ не лишилъ Овандо своей благосклонности. Онъ не имѣлъ того великодушнаго состраданія къ бѣдствіямъ ближнихъ, которымъ было преисполнено сердце Изабеллы. Овандо поступками своими съ дикими Американцами нарушилъ всѣ права человечества; но это не мѣшало ему оставаться въ глазахъ короля дѣятельнымъ и полезнымъ ему чиновникомъ. Впрочемъ, притѣснительная система Овандо вполне согласовалась съ духомъ его собственнаго правленія. Фердинандъ далъ повелѣніе флоту, на которомъ отправился новый губернаторъ, возвратиться подѣ

начальствомъ Овандо, и всѣ принадлежащія ему помѣстья и невольниковъ оставилъ въ полномъ его владѣніи.

Нѣкоторые писатели изображаютъ Овандо человекомъ вовсе не корыстолюбивымъ и утверждаютъ, что онъ вымучивалъ сокровища у жителей Новаго - Свѣта насильственными мѣрами отнюдь не для себя, а для своего государя. Шарльвуа намѣкаетъ, что тайная причина удаленія его отъ должности заключалась болѣе во враждѣ къ нему неумолимаго и всемогущаго Фонсеки, которую онъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя (1).

Новый адмиралъ отправился изъ Санъ-Люкара 9-го іюня 1509 года, съ супругою, братомъ донъ Фернандомъ, который достигъ тогда совершеннолѣтія и получилъ отличное воспитаніе, и двумя дядями своими — донъ Варфоломеемъ и донъ Діэго, въ сопровожденіи многочисленнаго кортежа рыцарей, послѣдуемыхъ своими супругами и молодыми знатными дѣвицами — болѣе примѣчательными по благородству крови, нежели по огромности доходовъ, которыхъ послали родственники въ Новый-Свѣтъ — искать богатыхъ жениховъ (2).

Хотя король и не далъ дону Діэго титула вице-короля, однакожъ всѣ вообще, изъ вѣж-

(1) Charlevoix, chap. 5, p. 272 et 274.

(2) Las Casas, lib. II, cap. 49, MS.

ливости, величали его этимъ званіемъ; также и супругу его называли вице-королевой.

Донъ-Діэго началъ свое правленіе съ великолѣпнѣмъ, невиданнымъ до-того въ колоніи. Вице-королева, дама съ большими достоинствами, образовала при себѣ изъ благородныхъ рыцарей и дѣвиць лучшихъ фамилій, составлявшихъ ея свиту, родъ двора, разившаго нѣкоторый блескъ на этотъ полудикій островъ. Вскорѣ прибывшія съ нею дѣвицы вышли замужъ за богатѣйшихъ колонистовъ и сильно содѣйствовали къ смягченію общественныхъ нравовъ, огрубѣвшихъ отъ недостатка спасительной узды, налагаемой вліяніемъ женщинъ. Донъ-Діэго считалъ себя на правахъ вице-короля; но скорѣ Фердинадъ сдѣлалъ распоряженіе, которое показало, что онъ отнюдь не признавалъ его притязаній. Не предуведомивъ донъ-Діэго, онъ раздѣлилъ Даріенской перешеекъ чертой, мысленно проведенною черезъ заливъ Ураба, на двѣ большія провинціи, и одну изъ этихъ провинцій, именно восточную, названную имъ *Новою-Андалузіей*, отдалъ въ управленіе Алонсо де-Ойедъ, а губернаторомъ другой, западной, заключающей въ себѣ богатые берега Вераги, и наименованной — *Кастилла дель-Оро*, или Золотой Кастиліей, назначилъ рыцаря Діэго де-Никуэса. Еслибъ при этомъ назначеніи король руководствовался чувствами признательности и спрavedливости, управленіе

Верагскимъ берегомъ слѣдовало-бы поручить адмантадо, донъ Барфоломею Коломбу, который участвовалъ въ открытіи новыхъ странъ, и съ братомъ своимъ, адмираломъ, такъ жестоко пострадалъ въ его предпріятіяхъ. Кроме того, необыкновенныя дарованія адмантадо, должны-бы были указать на него политикъ короля, какъ на челоуѣка болѣе всякаго другаго способнаго занять это мѣсто; но Фердинандъ зналъ возвышенный духъ адмантадо, и опасался, что, получивъ губернаторство, онъ потребуеть отъ него и преимуществъ, соотвѣтственныхъ своему званію и чувству собственнаго достоинства: поэтому оставилъ его въ сторонѣ и предпочелъ ему авантюристовъ болѣе сговорчивыхъ и покорныхъ его волѣ.

Донъ-Діэго былъ крайне недоволенъ этой мѣрой, приведенной въ дѣйствіе безъ его соучастія. Онъ справедливо считалъ ее нарушеніемъ договора, заключеннаго правительствомъ съ отцемъ его, и нѣсколько разъ утвержденнаго какъ за нимъ, такъ и за наслѣдниками его. Кроме того, онъ встрѣтилъ еще новыя затрудненія по поводу управленія островомъ Санъ-Хуаномъ, или Порто Рико, завоеваннымъ около того-же времени, и на которомъ тогда учреждалась колонія. Однакожь, послѣ множества препятствій, назначенные имъ чиновники были окончательно утверждены правительствомъ въ ихъ званіяхъ.

Подобно отцу своему, онъ принужденъ былъ бороться съ злоумышленными партіями, потому-что враги Колумба обратили ненависть свою на его сына. Нѣкто Мишель Пассамонтъ, королевскій казначей, вступилъ съ нимъ въ открытую вражду подь покровительствомъ, и даже по наущенію, епископа Фонсеки, питавшаго къ донъ Діэго ту-же непримиримую ненависть, которую сохранялъ до смерти къ адмиралу. Множество мелочныхъ обстоятельствъ поселили неудовольствія между губернаторомъ и нѣкоторыми низшими чиновниками колоніи; къ нимъ присоединились оставшіеся сторонники Рольдана (1), и вскорѣ на островъ образовались двѣ партіи: одна адмиральская, другая казначея Пассамонта, которой цѣлью было — стараться всѣми средствами вредить дону Діэго и чернить передъ правительствомъ всѣ его поступки клеветой и доносами, исполненными злости и нелюбости. Между прочимъ взводили на него, будто бы онъ намѣренъ былъ объявить себя независимымъ владѣтелемъ острова, и въ доказательство приводили, что онъ подь предлогомъ дома, въ которомъ было множество оконъ, строить для себя укрѣпленіе. Король, отягченный лѣтами, предоставлялъ разсмотрѣніе большей части дѣлъ Новаго-Свѣта, Фонсекѣ, постоянно ими завѣдывавшему, и слѣдо-

(1) Herrera, decad. 1, lib. VII, cap. 12.

валъ всѣмъ внушеніямъ прелата, который, не находя причинъ благоприятствовать потомкамъ Колумба, съ такимъ искусствомъ давалъ всѣ жалобы, поступающимъ изъ колоніи на донъ-Діэго, что Фердинандъ въ 1510-мъ году учредилъ въ Санъ-Доминго верховное судилище, подъ названіемъ «Королевской-Аудіенціи», куда разрѣшено было подавать апелляціи на всѣ опредѣленія адмирала, даже по тѣмъ предметамъ, которыхъ рѣшеніе непосредственно зависѣло до-того времени отъ правительства. Донъ-Діэго счелъ эту мѣру оскорбительною для себя, и явно клонящеюся къ уничтоженію его власти.

Молодой адмиралъ съ своимъ правдошнымъ, открытымъ, довѣрчивымъ характеромъ, не могъ состязаться съ хитрою политикою своихъ враговъ, соединившихся противъ него, всегда готовыхъ воспользоваться малѣйшими его ошибками и представить ихъ въ видѣ преступленій. Онъ встрѣчалъ на каждомъ шагѣ новыя затрудненія, которыхъ не въ силахъ былъ преодолѣть. Вступая въ должность губернатора, онъ былъ исполненъ благороднѣйшихъ намѣреній: рѣшился уничтожить всѣ притѣсненія; исправить злоупотребленія, -- и всѣ благонамѣренные люди радовались его назначенію. Но вскорѣ онъ увидѣлъ, что слишкомъ много положился на свои силы и не сообразилъ ихъ съ затрудненіями, ожидавшими его на этомъ новомъ для него

поприщѣ. Всѣ свои расчеты онъ основывалъ на добротѣ своего сердца, не имѣя полнаго понятія о развращеніи людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Онъ воспротивился раздѣлу туземцевъ между колонистами, въ качествѣ невольниковъ, — этому источнику жестокостей всякаго рода; но всѣ богатые колонисты и многіе вельможи при дворѣ возстали противъ него и старались поддержать это злоупотребленіе, столь выгодное для нихъ. Убѣжденный, съ одной стороны въ опасности покушенія уничтожить эту мѣру и въ сомнительности успѣха своихъ усилій, съ другой — онъ видѣлъ, что эта самая несправедливость приносить ему огромную прибыль. Личная выгода присоединилась къ другимъ уважительнымъ причинамъ, — и онъ призналъ наконецъ неисполнимымъ то, что сначала казалось ему только труднымъ. Однимъ словомъ, раздѣлъ остался въ прежнемъ видѣ, въ какомъ былъ и до него, съ тою только разницею, что онъ смѣнилъ нѣкоторыхъ приставовъ, обвиняемыхъ въ жестокостяхъ, и опредѣлилъ на ихъ мѣста другихъ чиновниковъ, по своему избранію, — которые ни чѣмъ не уступили въ варварствѣ своимъ предшественникамъ. Эта уступчивость привела въ уныніе преданную ему партію и ободрила его противниковъ. Между тѣмъ друзья смѣненныхъ имъ чиновниковъ возстали противъ него съ громкими воплями, и дѣла дошли до такого

неприятнаго состоянія, что еслибъ не умеръ около того-же времени Овандо, то полагають, что онъ былъ-бы присланъ изъ Испаніи смѣнить дона Діэго. Покореніе острова Кубы и устройство на немъ колоніи, въ 1510 году, были счастливыми происшествіями въ правленіи молодаго адмирала. Онъ донесъ объ этомъ Фердинанду, поздравляя его съ пріобретеніемъ величайшаго и прекраснѣйшаго острова въ цѣломъ мірѣ, не потерявъ ни одного человѣка. Это извѣстіе было очень пріятно королю; но вмѣстѣ съ нимъ было привезено также и множество жалобъ на адмирала.

Фердинандъ, несмотря на свое равнодушіе къ дону Діэго, зналъ очень хорошо, что большая часть этихъ жалобъ несправедлива и проистекала изъ злобы и зависти враговъ губернатора. Совсѣмъ тѣмъ, онъ счелъ нужнымъ послать въ 1512 году въ Испанію донъ Варфоломея Колумба съ самою подробною инструкціей племяннику его, адмиралу.

Донъ Варфоломей еще носилъ званіе «алантадо Индіи», хотя Фердинандъ, по расчетамъ себялюбія, постоянно удерживалъ его въ Испаніи, употребляя для открытій людей низшаго достоинства. Онъ прибавилъ къ его содержанію пожизненное владѣніе и управленіе небольшимъ островомъ Мона; назначилъ ему въ удѣлъ двѣсти невольни-

ковъ и далъ мѣсто главнаго надсмотрщика всѣхъ рудниковъ, какіе откроются на островѣ Кубъ: это послѣднее мѣсто оказалось въ послѣдствіи весьма прибыльнымъ (1). Въ инструкціи, данной королемъ дону Діэго, онъ приказывалъ, между прочимъ, уменьшить, согласно представленію братьевъ доминиканцевъ, треть работъ туземцевъ, добывая въ облегченіе имъ черныхъ невольниковъ изъ Гвинеи (2), и для отличія ихъ отъ Караибскихъ невольниковъ, предназначенныхъ для болѣе тяжелыхъ работъ, чѣмъ всѣ прочія туземныя племена, налагать всякому Караибу на ногъ клеймо раскаленнымъ желѣзомъ (3).

Когда Ойеда и Никуэсса, назначенные Фердинандомъ для управленія Даріенскимъ перешейкомъ, на Твердой Землѣ, съ обязанностью завести тамъ поселенія, не успѣли въ этомъ предпріятіи, король написалъ въ 1514 году въ Испанію, что дозволяетъ адмантадо, донъ Варфоломею Колумбу, если онъ пожелаетъ, учредить колонію на Верагскомъ берегу и управлять всѣмъ этимъ краемъ подъ главнымъ начальствомъ адмирала донъ Діэго, сообразно съ властью и преимуществами послѣдняго. Если-бъ монархъ взялъ въ соображеніе собственныя свои выгоды и уважилъ дарованія и заслуги адмантадо, онъ распоря-

(1) Charlevoix, *Hist. de Saint-Domingue*, p. 531.

(2) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. IX, cap. 5.

(3) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. IX, cap. 5.

дился-бы такимъ образомъ гораздо ранѣе; но теперь уже было поздно. Болъзнъ не дозволила адантадо исполнить этого предпріятія: дѣятельная, трудолюбивая жизнь его приближалась къ концу.

Множество доносовъ, исполненныхъ клеветы, которые были посланы въ Испанію Пассамонтомъ и другими врагами дона Діэго, и разныя мѣры правительства, которыя адмираль считалъ несоотвѣтственными своему достоинству и нарушающими данныя ему преимущества, побудили наконецъ его просить позволенія явиться ко двору, для объясненій и оправданія своихъ дѣйствій. Получивъ разрѣшеніе, онъ отправился въ Испанію 9 апрѣля 1515 года, оставивъ съ вице-королевой донной Маріей, дядю своего, адантадо. Король принялъ его съ отличными знаками уваженія, которыхъ онъ, конечно, заслуживалъ. Всѣ его предпріятія, какъ самимъ имъ веденныя, такъ и выполненныя по его указаніямъ, были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Въ его правленіе заведена прибыльная ловля жемчужныхъ раковинъ на Кубагскомъ берегу; покорены, и частію vzdланы, острова Куба и Ямайка, безъ кровопролитія; должность губернатора онъ исправлялъ съ безкорыстіемъ; и если подалъ поводъ къ жалобамъ на себя, то единственно только усиліями облегчить угнѣтеніе туземцевъ. Король далъ повелѣніе прекратить всѣ

тяжебныя дѣла, производившіяся въ аппелляціонномъ судѣ и другихъ мѣстахъ, по жалобамъ частныхъ лицъ на убытки, понесенныя ими постановленіемъ губернатора о раздѣлѣ невольниковъ, и всѣ акты по этимъ дѣламъ представить къ нему, на личное его разсмотрѣніе. Однакожь, несмотря на всѣ эти знаки благоволенія, когда адмираль потребовалъ части доходовъ съ провинціи Кастилладель-Оро, на томъ основаніи, что онѣ открыты отцомъ его, какъ это доказывалось ясно названіями многихъ мѣстъ, какъ напримѣръ: *Помбра-де-Діосъ, Порто-Белло* и *Эль-Ретрета*, — король велѣлъ снять показаніе съ экипажей, сопутствовавшихъ Колумбу при его открытіяхъ, въ надеждѣ доказать, что Даріенскій перешеекъ и Заливъ-Ураба открыты не имъ. «Такимъ образомъ, говоритъ Геррера, донъ Діэго былъ безпрестанно вовлекаемъ въ споры съ казной, и можно сказать, что онъ наследовалъ вполнѣ всѣ хлопоты и заботы своего отца (1).»

Вскорѣ послѣ отъѣзда донъ Діэго изъ Санъ-Доминга, дядя его, донъ Варфоломей, скончалъ свою дѣятельную и трудолюбивую жизнь. До насъ не дошли подробности о его смерти, и нигдѣ не упоминается о годахъ его жизни, должно однакожь полагать, что онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ. Говорятъ,

(1) Herrera, decad. II, lib. IX. cap. 7.

что это событіе сильно опечалило Фердинанда, который имѣлъ высокое мнѣніе о характерѣ и дарованіяхъ адлантадо. «Этотъ чловѣкъ, говоритъ Геррера, не уступалъ въ достоинствахъ брату своему, адмиралу, и обнаружилъ бы ихъ блистательнымъ образомъ, еслибъ былъ употребленъ въ дѣла; что онъ былъ храбръ, превосходный мореходецъ и преисполненъ благородства (1).» Бездѣйствіе, въ которомъ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни, Шарльвуа приписываетъ ревнивому духу короля Фердинанда. Фамилія Коломбовъ и безъ того уже казалось ему слишкомъ могущественною, и еслибъ адлантадо открылъ Мексику, то онъ могъ потребовать отъ него такихъ-же выгодныхъ условій, какія заключилъ братъ его, адмиралъ, съ правительствомъ (2).

«Говорили, прибавляетъ Геррера, что король, желая отвлечь вниманіе адлантадо отъ дѣлъ Новаго-Свѣта, старался занимать его въ Европѣ, употребляя въ разныя порученія.» По смерти адлантадо, островъ Мона, дарованный ему въ пожизненное владѣніе, снова отошелъ подъ управленіе короля, который утвердилъ свой участокъ (*gerartimiento*) двухсотъ невольниковъ за вице-королевой, донной Маріей.

(1) Herrera, *decad. I, lib. X, cap. 16.*

(2) Charlevoix, *Hist. de Saint-Domingue, liv. V.*

Между-тѣмъ, пока донъ Діэго ходатайствовалъ о назначеніи ему аудіенціи для оправданія своихъ дѣйствій, Фердинандъ умеръ 28 генваря 1516 года. Внукъ его и наследникъ, принцъ Карль, впоследствии императоръ Карль V, находился тогда во Фландріи, и управленіе государствомъ оставалось нѣкоторое время въ рукахъ кардинала Хименеса, который не хотѣлъ взять на себя рѣшенія дѣла адмирала. Такимъ образомъ, не прежде какъ уже въ 1520 году адмираль получилъ отъ императора Карла V формальное объявленіе, что всѣ доносы, сдѣланные на него, ложны. Императоръ, удостовѣрившись что обвиненія Пассамонта и сторонниковъ его не что иное какъ сдѣланіе явныхъ клеветъ, повелѣлъ донъ Діэго вступить снова въ исполненіе своей должности, хотя его тяжба съ казной еще не была рѣшена, и написать къ Пассамонту, чтобъ онъ предалъ забвенію всѣ минувшіе поводы къ неудовольствіямъ и несогласіямъ и впредь сохранилъ-бы дружелюбныя сношенія съ донъ Діэго. Между прочими вознагражденіями, онъ призналъ право донъ Діэго на управленіе островомъ Испаніей и всѣми землями, открытыми отцомъ его, въ качествѣ вице-короля и губернатора (1). Однакожь его власть была значительно ограничена новыми постановленіями.

(1) Herrera, decad. II, lib. IX, cap. 7.

ми: надъ нимъ учредилось нѣкотораго рода надзирательству **изъ особаго**, назначеннаго императоромъ сановника, которому дано было право доносить на него въ Советъ, — но безъ всякой власти. Донъ Діаго отправился изъ Испаніи вначалѣ сентября 1520 года. По пріѣздѣ въ Санъ-Доминго, онъ нашелъ, что многіе чиновники, пользуясь его продолжительнымъ отсутствіемъ, устранили отъ себя всякое вліяніе главнаго управленія надъ колоніями и употребляли во зло свою власть. Онъ немедленно смѣнилъ ихъ, назначивъ на ихъ мѣста другихъ, и потребовалъ отъ нихъ отчета въ управленіи внутренними имъ частями. Этой мѣрой онъ вооружилъ противъ себя множество дѣятельныхъ и сильныхъ враговъ, какъ въ колоніяхъ, такъ и въ самой Испаніи.

Въ продолженіе отсутствія адмирала произошли значительныя перемѣны на островѣ Испаніоль. Разработка минъ упала, потому что разведеніе сахарнаго тростнику оказалось источникомъ вѣрнѣйшаго обогащенія. Въ Испаніи вошло въ пословицу, что великолѣпные дворцы, воздвигнутые Карломъ V въ Мадридъ и Толедъ, построены изъ Испаніольскаго сахару. Множество невольниковъ было вывезено изъ Африки, по той причинѣ, что они оказались способнѣе слабыхъ туземцевъ къ воздѣланію сахарнаго тростнику. Съ бѣдными Неграми обходились съ необыкновен-

ною жестокостью; они даже не находили себѣ защитниковъ между сострадательными людьми, потому-что рабство дикихъ Новаго-Свѣта основывалось единственно на правѣ сильнаго, между-тѣмъ какъ Негровъ считали по самому цвѣту ихъ тѣла рожденными для невольничества, и такъ-какъ ихъ продавали и покупали въ собственномъ ихъ отечествѣ, то и находили, что это состояніе должно быть естественно имъ. Однакожъ, несмотря на всю природную терпѣливость Негровъ и на всю привычку ихъ къ страданіямъ, варварское обращеніе съ ними Европейцевъ, довело ихъ наконецъ до мщенія.

27 декабря 1522 года въ Испанію открылось первое возмущеніе Африканцевъ. Оно началось въ сахарной плантаціи дона Діэго, гдѣ около двадцати Негровъ, къ которымъ присоединилось почти столько-же изъ соседней плантаціи, достали оружіе, напали на владѣльцевъ своихъ, умертвили ихъ и разсѣялись въ окрестностяхъ, въ намѣреніи разграбить нѣкоторыя плантаціи, истребивъ Испанцевъ, и усилившись освобожденіемъ изъ оковъ своихъ соотечественниковъ, овладѣть городомъ Агуа, или, въ случаѣ неудачи, укрыться въ горахъ.

Донъ Діэго, получивъ извѣстіе объ этомъ возмущеніи, тотчасъ-же отправился изъ Санъ-Доминго съ нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ жителей преслѣдовать бунтовщиковъ. На

другой день похода онъ остановился на берегу Нисао, чтобы дать отдыхъ своимъ спутникамъ и дожидаться подкрѣпленія. Въ это время одинъ изъ сопровождавшихъ его владѣльцевъ, по имени Мельхиоръ де-Кастро, узналъ, что Негры опустошили его плантаціи, разграбили домъ и увели съ собой его туземныхъ невольниковъ, безъ дозволенія адмирала отправился ночью съ двумя товарищами къ своей плантаціи; нашелъ тамъ все разхищеннымъ и пустился преслѣдовать Негровъ, приславъ къ адмиралу нарочнаго просить подкрѣпленія. Къ нему отправили на-скоро восемь кавалеристовъ, вооруженныхъ копьями и щитами, съ шестью иѣшными солдатами, которыхъ посадили къ нимъ за сѣдла. Сверхъ этого подкрѣпленія, де-Кастро имѣлъ съ собой трехъ кавалеристовъ, и съ этимъ малымъ отрядомъ, на разсвѣтъ дня, онъ настигъ Негровъ. Возмущившіеся невольники, вооруженные камнями и копьями, увидѣвъ своихъ притѣснителей, тотчасъ-же устроились въ боевой порядокъ, испуская ужасные вопли. Испанскіе кавалеристы, взявъ щиты въ лѣвыя руки, опустили копья и ударили на нихъ во всю конскую скачку. Африканцы въ то-же мгновеніе смѣшались и обратились въ бѣгство къ горамъ, оставя на мѣстѣ шесть убитыхъ и нѣсколько раненыхъ. Между-тѣмъ къ де-Кастро подоспѣлъ адмиралъ съ своимъ отрядомъ, и оба они продолжали преслѣдовать

бѣгущихъ, которыхъ, по мѣрѣ того какъ они попадались въ ихъ руки, тотчасъ-же вѣшали на ближайшихъ деревьяхъ и оставляли въ такомъ положеніи, въ намѣреніи поселить этимъ зрѣлищемъ ужасъ между ихъ соотечественниками. И въ самомъ дѣлѣ, это безотлагательное наказаніе отвратило на будущее время всякое покушеніе къ возстанію Африканскихъ невольниковъ (1).

Между тѣмъ многочисленные враги донна Діэго въ колоніяхъ и въ Испаніи не оставались въ бездѣйствіи. Давній противникъ его, казначей Пассамонтъ, сдѣлалъ доносъ, которымъ обвинялъ его въ присвоеніи всей почти власти «Королевскій-Ауедіенціи,» и въ нарушеніи указа его величества, возстановившаго адмирала въ вице-королевскомъ званіи, которому онъ придалъ такое обширное значеніе, какого очевидно вовсе не заключалось въ намѣреніяхъ государя. Это обвиненіе произвело желаемое дѣйствіе при дворѣ: въ 1523 году донъ Діэго получилъ отъ «Совѣта о дѣлахъ Индіи» весьма строгій выговоръ. Его упрекали во всѣхъ взведенныхъ на него врагами злоупотребленіяхъ и въ присвоеніи излишней власти, и приказывали подъ опасеніемъ лишенія всѣхъ титуловъ и преимуществъ, уничтожить сдѣланныя имъ нововведенія и привести все въ прежній порядокъ;

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. III, lib. IV, cap. 9.

а чтобъ онъ не имѣлъ повода отговориться неполученіемъ этого повелѣнія, Совѣтъ въ то же время предписалъ « Королевской-Аудиенціи » обнародовать его и приказать всѣмъ и каждому сообразоваться съ нимъ и наблюдать за надлежащимъ его исполненіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Совѣтъ увѣдомлялъ его особымъ письмомъ, что его присутствіе необходимо въ Испаніи для объясненій по всѣмъ означеннымъ предметамъ и для совѣщанія о мѣрахъ противъ разныхъ злоупотребленій и на счетъ преобразованій въ управленіи невольниками, для ихъ облегченія: однимъ словомъ, его требовали ко двору — не ожидая дальнѣйшихъ повелѣній (1).

Донъ-Діаго ясно видѣлъ, что его отзываютъ отъ должности, и немедленно повиновался. По пріѣздѣ въ Испанію, онъ тотчасъ - же явился ко двору, находившемуся тогда въ Виторіи, съ смѣлымъ видомъ и самоувѣренностью человѣка, которому не въ чемъ упрекать себя. Онъ защищался такъ хорошо, что не только доказалъ императору и Совѣту свою невинность по всѣмъ статьямъ доноса, но даже совершенно убѣдилъ ихъ въ своей вѣрности по исполненію возложенныхъ на него обязанностей; въ усердіи къ общественному благу и къ славѣ державы, и доказалъ, что всѣ жалобы на него проистекли изъ за-

(1) Herrera, decad. I, lib. V, cap. 4.
Т. IV.

висти и вражды Пассомонта и других королевских чиновников в колониях, для которых нестерпима всякая высшая власть, обуздывающая их своеволие. Оправдавшись совершенно и обнаружив клевету врагов своих, донь Д'Эго льстил себя надеждой, что послѣ этого скоро получить справедливое удовлетвореніе по требованіям своим на казну. Но это дѣло касалось денег и обширных, богатых провинцій, и потому онъ встрѣтилъ здѣсь затрудненія и проволочки, неразлучныя съ требованіями подобнаго рода. Наконецъ императоръ, побуждаемый убѣдительными просьбами адмирала, велѣлъ учредить по этому предмету особую комисію изъ великаго-канцлера брата Лойасы, — духовника императора и президента «Совѣта о дѣлахъ Индіи,» — и многих другихъ первостепенныхъ сановниковъ, которымъ было поручено изслѣдовать разныя обстоятельства, относяціяся къ требованіямъ адмирала на казну и къ тяжбынымъ дѣламъ, производившимся въ Совѣтѣ, съ полною властью произнести окончательное рѣшеніе, какъ справедливость потребуетъ.

Но изслѣдованіе шло такъ медленно, сопровождалось такими прѣпятствіями, притѣсненіями и неприятностями, что несчастный Діэго, подобно отцу своему, умеръ прежде рѣшенія дѣла. Цѣлыхъ два года онъ скитался

за дворомъ изъ города въ городъ, въ Виторию, Бургось, Валладолиду, Мадридъ и Толеду. Наконецъ зимой 1525 года императоръ переѣхалъ ихъ Толеды въ Севиллу, и адмиралъ собрался отправиться туда же, вслѣдъ за нимъ, несмотря на то, что здоровье его было уже совершенно разстроено трудами и заботами, и что въ это время онъ страдалъ изнурительною лихорадкой. Историкъ Овидо видѣлъ его въ Толедѣ за два дня до отъѣзда и старался, вмѣстѣ съ друзьями адмирала, отклонить его отъ этого путешествія, столь вреднаго для его здоровья въ такое суровое время года. Но ихъ совѣты не подѣйствовали; донъ Діэго не зналъ еще всей опасности своего положенія, и отвѣчалъ имъ, что на пути въ Севиллу заѣдетъ въ церковь Гваделупской Богоматери поклониться ея образу и надѣется, что заступничествомъ Пресвятой Дѣвы-Маріи получить скорое исцѣленіе (1). Онъ отправился изъ Толеды на носилкахъ, 21 февраля 1526 года, исповѣдавшись и причастившись Святыхъ - Таинъ, и въ тотъ же день прибылъ въ Мольтальбанъ, лежащій миляхъ въ шести отъ Толеды. Тамъ болѣзнь его до того усилилась, что онъ почувствовалъ приближеніе смерти. Слѣдующій день онъ посвятилъ на примиреніе своей совѣсти съ Небомъ и умеръ 23 февраля, имѣя не бо-

(1) Charlevoix, *Hist. de Saint-Domingue*, l. IV,

лѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду. Его преждевременная кончина была ускорена огорченіями и несправедливостями, которымъ онъ подвергался почти безпрерывно. « Онъ потребилъ свои силы, говорить Геррера, на защиту правъ своихъ и себя лично противъ клеветы своихъ враговъ, которые старались хитростями и коварствомъ помрачить славу отца и добродѣтели сына (1). »

Мы видѣли, что открытіе Новаго-Свѣта было для Колумба источникомъ оскорбленій, и горестей, наполнившихъ весь остатокъ его жизни, и что зависть и вражда, преслѣдовавшія его, достались въ наслѣдство и его сыну. Теперь намъ остается только рассказать въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, какъ сбылись надежды Колумба на утверженіе въ его родѣ приобретенныхъ имъ богатствъ и почестей.

Въ то время, когда донъ Діэго Колумбъ умеръ, супруга его и семейство находились въ Санъ-Домингъ. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Людовика и Христофора, и трехъ дочерей, Марію, Иоанну и Изабеллу, изъ которыхъ первая вышла за-мужъ за донъ Санчо де-Кордову, вторая за донъ Людовика де-Куэру, третья за донъ Георга Португальскаго, графа де-Гельвеса. Онъ имѣлъ еще од-

(1) Hererra, decad. III, lib. VIII, cap. 15.

ного побочнаго сына, по имени Христофора (1). www.libtool.com.cn

По смерти донъ-Діэго, вице-королева, женщина съ возвышенною и благородною душой, оставшись вдовой съ пятью дѣтьми, заботилась о ссхраненіи и поддержаніи своихъ фамильныхъ правъ. Зная, что на основаніи преимуществъ, данныхъ Христофору Коломбу, дѣти ея имѣли полное право на вице-королевское званіе въ провинціи Верагъ, открытой ихъ дѣдомъ, она просила « Королевскую-Аудіенцію » въ Испанію, разрѣшить ее — набрать людей и снарядить эскадру для населенія означенной провинціи. » Королевская-Аудіенція » отказала ей въ этомъ требованіи и представила просьбу императору, который отвѣчалъ, что рѣшеніе ея должно отложить до-тѣхъ-поръ, пока будетъ признана законность ея требованія, потому-что, хотя онъ въ разныя времена и поручалъ многимъ

(1) *Memorial ajustado sobre el Estado de Veragua.* Шарльвуа упоминаетъ еще объ одномъ сынѣ, по имени Діэго, и называетъ одну изъ дочерей Филиппиною. Споторно говорить, что Марія, дочь Діэго, постриглась въ монахини, смѣшивая ее съ племянницей. Это мелочныя ошибки, которыя исправляются только для избѣжанія упрека въ небрежности. Излагаемыя здѣсь подробности о потомкахъ Коломба согласны съ родословнымъ деревомъ его «ампліа», предъявленнымъ въ «Совѣтъ о дѣлахъ Индіи» въ продолженіе большой тѣжбы за ея права.

лицамъ изслѣдовать сомнѣнія и возраженія, возникавшія **на** **двѣ** **сторона** правительства на счетъ правъ адмирала, однакожь по сѣю-пору еще ничего окончательно не рѣшено (1). Такимъ-образомъ предпріятіе вице-королевы осталось навсегда безъ исполненія.

Спустя нѣсколько времени послѣ этой попытки, она отправилась въ Испанію, въ намѣреніи хлопотать о правахъ старшаго сына своего, донъ Людовика, которому исполнилось тогда шесть лѣтъ. Карла V не было въ Испаніи; но императрица приняла ее весьма благосклонно. Сынъ ея, донъ Людовикъ, былъ немедленно утверждень въ званіи адмирала Индіи; сверхъ-того, императоръ увеличилъ доходы вдовствующей вице-королевы и оказалъ другія милости ея семейству; только титула *вице-короля* никогда и никто не могъ склонить его утвердить за донъ Людовикомъ, несмотря на то, что это званіе было пожаловано отцу его, за нѣсколько лѣтъ до его смерти, какъ наследственное (2).

Въ 1538 году мы видимъ молодаго адмирала, донъ Людовика, которому тогда исполнилось уже около восемнадцати лѣтъ, при дворѣ, отыскивающаго судебнымъ порядкомъ свое право на вице-королевскій титулъ. Два года спустя это дѣло было рѣшено третейскимъ

(1) Herrera, decad. IV, lib II, cap 6.

(2) Charlevoix, *Histoire de Saint-Domingue*, L VI, p. 443.

судомъ, составленнымъ изъ дяди его, донъ-Фердинанда и кардинала Лойасы, председателя «Совѣта о дѣлахъ Индіи.» По ихъ опредѣленію, донъ Людовикъ былъ наименованъ *генераль-капитаномъ* Испаніюлы, — но съ такими ограниченіями, что этотъ титуль потерялъ все свое значеніе. Послѣ этого рѣшенія, донъ Людовикъ отправился въ Испанію; но не долго тамъ пробылъ. Онъ увидѣлъ, что всѣ его званія и преимущества не что иное какъ неизсякаемый источникъ безпрерывныхъ заботъ, которыя наконецъ до того утомили его, что онъ рѣшился предложить Карлу V добровольную сдѣлку, которая обезпечивала его спокойствіе и была пріятна правительству. Этой сдѣлкой онъ отказался отъ всѣхъ притязаній на санъ вице-короля Новаго-Свѣта, и въ замѣнъ его получилъ отъ императора титуль герцога Вераги и маркиза Ямайки (1). Онъ уступилъ также права свои на десятую часть доходовъ съ Индіи, за пенсію въ тысячу золотыхъ дублоновъ (2). Донъ Людовикъ не долго пользовался этимъ доходомъ, умѣреннымъ, но вѣрнымъ, замѣнившимъ великолѣпныя, но безплодныя притязанія. Вскорѣ послѣ сдѣлки онъ умеръ, оставивъ по себѣ одного только побочнаго сы-

(1) Charlevoix, *Histoire de Saint-Domingue*, L. VI, p. 446 et 447.

(2) Spatorno, *Hist. de Colomb*, p. 120.

на, Христофора; но отъ брака съ донной Маріей де-Москуэра онъ имѣлъ двухъ дочерей, Филиппу и Марію; послѣдняя постриглась въ монахини въ Санъ-Квирцскомъ монастырѣ, въ Валенціи.

Такъ-какъ донъ Людовикъ не имѣлъ законнаго сына, то ему наслѣдовалъ племянникъ его, Діэго, сынъ брата его, Христофора. Но двоюродная сестра молодаго наслѣдника, Филиппа, дочь покойнаго донъ Людовика, объявила свои притязанія на наслѣдство, и между ними завязалось тяжба. Между-тѣмъ и Квирцской монастырѣ, въ которомъ постриглась донна Марія, объявилъ свои претензіи, на основаніи ея правъ. Побочный сына донъ Людовика Христофора также вмѣшался въ тяжбу, но его тотчасъ-же устранили, по причинѣ его незаконнорожденности. Наконецъ донъ-Діэго и двоюродная сестра его, Филиппа, расчитавъ, что вмѣсто безконечной тяжбы имъ гораздо выгоднѣе соединить свои права посредствомъ брака, вступили въ супружество, и союзъ ихъ былъ счастливъ; однакожь они не имѣли дѣтей. Діэго умеръ въ 1578 году бездѣтенъ, и съ нимъ пресѣклась прямая мужеская линія дома Христофора Коломба.

Тогда возникла одна изъ важнѣйшихъ тяжбъ, какія только когда-либо существовали въ мірѣ, за помѣстья и титулы великаго человѣка, открывшаго Новый-Свѣтъ. У донъ Діэго было

двѣ сестры, Франсиска и Марія: первая изъ нихъ и дѣти второй объявили права свои на наследство. Потомъ явился Бернардъ Коломбъ де-Коголетто, выдававшій себя за потомка по прямой линіи донъ-Варфоломея Коломба, адлантадо, брата Христофора Коломба; но его притязанія отвергли, потому-что извѣстно было, что адлантадо не оставилъ по себѣ ниодного законнаго или признаннаго сына. Къ нимъ еще присоединился и вступилъ въ дѣятельное соискательство нѣкто Баддассаръ, или Балтазаръ Коломбъ, изъ дома Куччаро и Консано, въ Монферратскомъ герцогствѣ въ Пиемонтѣ, нарочно пріѣхавшій въ Испанію изъ Италіи и проведеншій нѣсколько лѣтъ въ отысканіи своего права на наследство. Онъ предъявилъ родословное дерево своей фамиліи, на которомъ было означено имя Доминика Коломба, синьора де-Куччаро, по увѣренію его, отца адмирала Христофора Коломба. Онъ доказалъ существованіе этого Доминика въ надлежащую эпоху и представилъ разныхъ свидѣтелей, которые показали, что знаменитый мореплаватель дѣйствительно родился въ замкѣ Куччаро и присовокупилъ, что онъ убѣжалъ оттуда съ двумя братьями, будучи еще весьма молодъ, и съ той поры уже не возвращался (1). Въ числѣ свидѣтелей упоминають объ одномъ монахѣ,

(1) Bossi, *Hist. de Colomb, Dissert.*, p. 67.

который присягнул, что Колумб и братья его родились в замкѣ Куччаро; но впоследствии оказалось, что монахъ утверждалъ событие, совершившееся болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до начатія процесса, и искатель принужденъ былъ взять это показаніе обратно. Притязанія Балтазара были отсєргнуты и доказательства его не приняты, потому-что они основывались на однихъ лишь слухахъ и преданіяхъ. По представленнымъ имъ документамъ оказалось, что предокъ его, Доминикъ, умеръ въ 1456 году, между-тѣмъ какъ Доминикъ, отецъ Колумба, по неопровержимымъ доказательствамъ, жилъ еще болѣе тридцати лѣтъ послѣ означеннаго времени.

Тяжба была окончательнo рѣшена « Совѣтомъ о дѣлахъ Индіи » 2 декабря 1608 года. Мужеская линія объявлена пресѣкшеюся. Наслѣдство, съ титуломъ герцога Верагскаго, досталось дону Нунно, или Нунью, Гельвесу де-Португалло, внуку Изабеллы, третьей дочери донъ Діаго, сына адмирала и донны Маріи де-Толеды. Нисходящая линія отъ двухъ старшихъ сестеръ Изабеллы, имѣла болѣшія права; но она еще до рѣшенія тяжбы угасла совершенно. Изабелла вышла за-мужъ за донъ Георга Португальскаго, Графа де-Гельвеса: «и такимъ образомъ, говорить Шарльвуа, имѣнія и достоинства Колумба перешли въ отрасль Португальскаго дома Браганцовъ, основавшагося въ Испаніи, котораго наслѣдники

титуются: *de Portugallo. Colon, duc de Veraguas, marquis de la Jamaica, y almirante de las Indias* (1).»

Требованія Балтазара Коломба де Куччаро, возобновлялись три раза, и всё три раза были отвергнуты Совѣтомъ. Ему отказали и въ вспомогательной пенсіи, назначенной завѣщаніемъ Коломба въ пользу бѣдныхъ родственниковъ, хотя противныя стороны изъявили на то свое согласіе (2).

Онъ умеръ въ Испаніи, послѣ многолѣтняго и бесполезнаго иска. Сынъ его возвратился въ Италію, не отступившись однакожъ отъ своихъ притязаній и продолжая упорно доказывать ихъ дѣйствительность. Онъ говорилъ, что нельзя было и ожидать справедливости отъ Испанцевъ, потому-что они находили свои выгоды не выпускать изъ государства имѣній и титуловъ, принадлежащихъ его дому, и намѣкалъ, что предпочель кончить эту тяжбу частною мировою сдѣлкой съ своими противниками, получивъ съ нихъ двѣнадцать тысячъ золотыхъ дублоновъ. Спорно, основываясь на свидѣтельствѣ Игнатія де-Джіовани, ученаго каноника, называетъ этотъ намѣкъ хвастливою выходкой со стороны претендатора, которою онъ хотѣлъ прикрыть

(1) Charlevoix, *Hist. de Saint-Domingue*, t. 1, l. VI, p. 477.

(2) Bossi, *Dissertation sur la patrie de Colomb*.

неудачу что доказывается всѣмъ извѣстною его бѣдностью (1).

Несмотря на то, однакожь, фамилія Кучаро сохраняетъ по сю-пору свои претензіи и оказываетъ глубочайшее уваженіе къ памяти адмирала, знаменитѣйшаго изъ своихъ предковъ, и нѣкоторые путешественники донныи посѣщаютъ съ благоговѣніемъ древній замокъ ея, какъ мѣсторожденіе открывшаго Новый-Свѣтъ.

(1) Spotorno, p. 127.



ПРИЛОЖЕНИЕ № 5.

Фернандо Колумбъ.

Фернандо Колумбъ, или Колонъ, какъ его называютъ въ Испаніи, побочный сынъ и историкъ адмирала, родился въ Кордовѣ. Неизвѣстно въ точности время его рожденія. Эпитафія опредѣляетъ его 28 сентября 1488 года; а по оригинальнымъ бумагамъ, сохранившимся въ Севильской церкви и рассмотрѣннымъ дономъ Діэго Ортисъ-де-Цунигой, историкомъ того города, можно заключить, что онъ произошелъ на свѣтъ 29 августа 1487 года. Мать его, Беатриса Энрикесъ, принадлежала къ почтенной фамиліи, но не была супругой адмирала, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ ея биографовъ.

Въ началѣ 1495 года Фернандо съ старшимъ братомъ своимъ, Діэго, былъ представленъ ко двору дядей своимъ, донъ Варфоломеемъ, для опредѣленія въ придворный штатъ, пажемъ принца Іоанна, сына и наследника

Фердинанда и Изабеллы. Въ этомъ званіи онъ оставался, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, до самой смерти принца, а потомъ Изабелла взяла ихъ въ свою службу пажами-же. Слѣдственно, оба они получили хорошее воспитаніе, и Фернандо впоследствии обнаружилъ на дѣлѣ пріобретенныя имъ познанія.

Въ 1502 году, еще въ весьма юныхъ лѣтахъ, именно на четырнадцатомъ или пятнадцатомъ году, онъ сопутствовалъ отцу своему въ его четвертой экспедиціи для открытій и переносилъ всѣ трудности плаванія съ мужествомъ, о которомъ адмиралъ рассказываетъ съ похвалою и удивленіемъ.

Послѣ смерти отца своего, Фернандо, какъ жется, еще два раза путешествовалъ въ Новый-Свѣтъ. Онъ сопровождалъ также императора Карла V въ Италію, Фландрію и Германію. Цунига говоритъ (*Annales de Sevilla* 1593; N 3), что онъ путешествовалъ по всей Европѣ и нѣкоторымъ частямъ Африки и Азии. Фернандо былъ одаренъ умомъ, вкусомъ и самыми счастливыми наклонностями, и потому всѣ эти случаи къ пріобретенію познаній не были потеряны для него; онъ имѣлъ обширныя свѣденія въ географіи, навигаціи и естественной исторіи. При любознательномъ умѣ и любви къ чтенію, онъ составилъ себѣ избранную, но многотомную бібліотеку, въ которой заключалось болѣе двадцати тысячъ печатныхъ книгъ и руко-

писей. Съ одобренія императора Карла V, онъ располагалъ учредить въ Севильѣ академію и училище для математическихъ наукъ, и уже приступилъ къ исполненію своего намѣренія, выстроивъ великолѣпное зданіе за стѣнами города, на Гвадалквивирѣ, тамъ, гдѣ нынче монастырь Санъ-Лауреано. Но его здоровье было уже потрясено въ основаніи трудами, понесенными имъ въ продолженіе путешествій его моремъ и землею, и преждевременная смерть не допустила его выполнить этого предпріятія, прервавъ и всѣ другія его занятія. Онъ умеръ въ Севильѣ 12 іюля 1559 года, имѣя отъ рожденія, какъ означено въ эпитафій, пятьдесятъ лѣтъ девять мѣсяцевъ и четырнадцать дней.

Онъ не оставилъ по себѣ дѣтей, и даже вовсе не былъ женатъ. Тѣло его погребено, согласно его желанію, въ Севильской соборной церкви, которой онъ завѣщалъ свою драгоценную бібліотеку. Ее помѣстили, говорить Цунига, въ отдѣльномъ церковномъ зданіи, бывшемъ некогда королевскою часовней, убранномъ чернаго дерева шкафами превосходной отдѣлки, и въ которомъ стѣны и потолокъ росписаны альфреско, — гдѣ эта бібліотека погребена и понынѣ, забытая и потерянная для свѣта (1).

Донъ Фернандо посвятилъ наукамъ боль-

(1) Zuniga, *Annales de Sevilla*, lib. XIV, p. 496.

пую часть своей жизни. Изъ надгробной его надписи видно, что онъ сочинилъ книгу въ четырехъ частяхъ, или четырехъ томахъ, которой заглавіе сглажено временемъ на памятникъ, и самое сочиненіе потеряно для свѣта. Объ этой уtratѣ должно сожалѣть тѣмъ болѣе, что по свидѣтельству Цуниги, основанномъ на остаткахъ надписи, книга эта содержала въ себѣ, между множествомъ историческихъ, нравственныхъ и географическихъ предметовъ, свѣденія о странахъ, въ которыхъ онъ путешествовалъ, и въ особенности о Новомъ-Свѣтѣ и о путешествіяхъ и открытіяхъ его отца. Но важнѣйшее его произведеніе, пережившее всѣ прочія, — «Исторія адмирала,» писанная на Испанскомъ языкѣ, — уцѣлѣла до нашего времени. Ее перевелъ на Италіанскій языкъ Алонсо де-Уллоа, и отъ этого-то перевода, — или лучше-сказать отъ втораго перевода, сдѣланнаго съ Италіанскаго на Испанскій языкъ, — произошли всѣ изданія этого сочиненія, появившіяся впоследствии на разныхъ языкахъ. Странно, что оно сохранилось въ Испаніи не въ подлинникѣ, а въ переводѣ съ Италіанскаго перевода и исполнено ошибокъ противъ орфографіи собственныхъ именъ, также въ числахъ и разстояніяхъ. Донъ-Фернандо былъ очевидцемъ нѣкоторыхъ описанныхъ имъ событій, и именно—всего случившагося въ продолженіе четвертаго путешествія, въ которомъ онъ

сопровождать своего отца. У него находились бумаги и карты адмирала и новѣйшіе документы, изъ которыхъ онъ дѣлалъ извлеченія; наконецъ онъ былъ коротко знакомъ съ болѣею частью лицъ, дѣйствовавшихъ въ описанныхъ имъ происшествіяхъ. Исполненный правосудія и здравомыслія, онъ писалъ съ болѣею хладнокровіемъ, нежели сколько можно было ожидать этого, о предметахъ, касавшихся непосредственно чести, имуществу и благосостоянію отца его, — и если должно сожалѣть о чемъ, такъ это единственно о томъ только, что онъ оставилъ въ неизвѣстности всю жизнь своего отца до самой эпохи открытій, — періодъ, заключающій въ себѣ около пятидесяти шести лѣтъ. Кажется, что онъ съ намѣреніемъ набросилъ тѣнь на этотъ безвѣстный промежутокъ жизни адмирала, желая представить его читателю тогда уже, какъ онъ сдѣлался славенъ своими подвигами и когда исторія его жизни слилась уже, нѣкоторымъ образомъ, съ исторіей человѣчества. Но тѣмъ не менѣе драгоценно его сочиненіе и составляетъ краеугольный камень Исторіи Американскаго материка.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4.

Предки Колумба.

Кто были предки Колумба? Этот вопрос, бывший предметом жарких прений, доньнѣ не рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ. Многія богатія фамиліи, владѣющія помѣстьями въ Плезансъ, Монферратъ и въ разныхъ частяхъ Генуэзской республики, объявляютъ притязанія на происхожденіе адмирала отъ ихъ домовъ, и къ нимъ недавно присоединилась еще одна благородная фамилія въ Моденѣ (1). Причина этого соперничества заключается въ простомъ, естественномъ желаніи — доказать свое родство съ великимъ человѣкомъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это желаніе проявлялось съ большимъ жаромъ, когда къ нему присоединялась надежда наслѣдовать титулы, почести и имущество Колумба, по пресѣченіи мужеской

(1) Spotorno, *Hist. mem.*, pag. 5.

линіи его потомковъ. Этотъ вопросъ окруженъ непроницаемою тмой, такъ что самыя ближайшіе родственники адмирала, повидимому, ничего не знаютъ о своемъ происхожденіи.

Фернандо Коломбъ, въ «Жизнеописаніи адмирала,» послѣ пышнаго предисловія, въ которомъ онъ старается придать предкамъ отца своего какую-то неопредѣленную, неясную знаменитость, слегка упоминаетъ только о покушеніяхъ нѣкоторыхъ писателей затмить его славу предположеніями — будто-бы онъ родился въ той или другой ничтожной деревушкѣ, и распространяется съ большою благосклонностію о тѣхъ, которые опредѣляютъ его рожденіе въ мѣстахъ, гдѣ существовали знатныя фамиліи того-же имени и надгробныя памятники съ гербомъ Коломбовъ и покрытыя ихъ эпитафіями. Онъ рассказываетъ, что услышавъ о родствѣ съ своимъ отцемъ двухъ братьевъ Коломбовъ, живущихъ въ замкѣ Кучурго, онъ лично посѣщалъ ихъ, и что младшему изъ нихъ было тогда уже за сто лѣтъ отъ роду. Однакожь они не могли сообщить ему никакихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Послѣ того онъ обнаруживаетъ презрѣніе ко всѣмъ случайнымъ отличіямъ и объявляетъ, что «гораздо лучше начать родословную его фамиліи славою адмирала, чѣмъ доискиваться: разночинець-ли онъ

быль, или имѣлъ соколовъ (1), » присовокупляя, что каждый день умирають тысячи знатныхъ людей, о которыхъ память исчезаетъ вмѣстѣ съ ними, даже между ихъ сосѣдами и родственниками, такъ-что впоследствии нѣтъ возможности доказать, что они существовали.

Выразивъ такимъ-образомъ, въ этихъ и подобныхъ выраженіяхъ, равнодушіе свое къ суетнымъ отличіямъ свѣта, онъ жестоко возстаётъ на Августина Джіустиніани, называя его лжецомъ, опрометчивымъ, пристрастнымъ или недоброжелательнымъ соотечественникомъ, клеветникомъ адмирала — за то, что онъ сказалъ въ своемъ *Psalterium*, будто-бы Коломбъ въ молодости занимался механическими работами.

Но такъ-какъ, послѣ всѣхъ этихъ разсужденій, Фернандо оставляетъ вопросъ о рожденіи своего отца въ прежней неизвѣстности, — несмотря на то, что его щекотливость легко воспаляется всякой разъ какъ только онъ встрѣчаетъ мѣсто, гдѣ приписываютъ ему скромное происхожденіе, — то все, что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ,

(1) Буквально по оригинальному — *cazador de volatetra, Соколовникъ*. Птичья охота была въ то время увеселеніемъ самыхъ высшихъ сословій, и содержаніе соколовъ было почти необходимою отличительною принадлежностью дворянства.

приводить насъ къ убѣжденію, что онъ не зналъ изъ исторіи своихъ предковъ ничего такого, чѣмъ-бы могъ гордиться.

Въ Геррерѣ есть нѣкоторыя подробности о благородствѣ и древности фамиліи Коломбовъ: вѣроятно отъ одной изъ отдаленныхъ вѣтвей этой фамиліи произошелъ и адмираль. Извѣстно, говоритъ Геррера, что императоръ Оттонъ II въ 940 году утвердилъ за тремя братьями — графами Петромъ, Иоанномъ и Александромъ Коломбо, феодальныя помѣстья, которыми они владѣли въ округахъ городовъ Акви, Савоны, Аста, Монферрата, Турина, Вичели, Пармы, Кремона, Бергама, и есьми другими, которыя принадлежали имъ въ Италіи. Кажется, что эти братья Коломбо и тѣ, которые извѣстны подъ названіями де-Куччаро, де-Кучурео и де-Плезансъ, одни и тѣ же лица, и что императоръ въ томъ-же году даровалъ имъ замки Куччаро, Консано, Россиньяно и другіе, и четвертую часть Бистаніи, принадлежавшей имперіи (1).

Отважнѣйшіе біографы, желавшіе во что-бы то ни стало облагородить происхожденіе Коломба, утверждали, что онъ сынъ владѣтеля Куччаро, Монферратскаго мѣстечка въ Пиемонтѣ, и родился въ замкѣ своего отца, откуда вмѣстѣ съ братьями убѣжалъ и болѣе уже не возвращался. Этотъ фактъ доказыва-

(1) Геррера, *decad. I, lib. I, cap. 7.*

ли во время процесса, послѣдовавшаго по иску извѣстнаго Болдассара или Балтазара Коломбо, гражданина Генуэзскаго, родомъ изъ Куччаро, который объявлялъ притязанія на титулы и имущество фамилии адмирала послѣ смерти Діэго Коломбо, герцога Верагскаго, его правнука и послѣдняго потомка по прямой мужеской линіи. Но «Совѣтъ о дѣлахъ Индіи» не призналъ притязаній Болдассара на это родство.

Эта романическая исторія, какъ и всѣ относящіяся къ благородству происхожденія Коломбо, явно противорѣчатъ цѣлой его жизни, въ которой онъ принужденъ былъ бороться съ бѣдностью, незначительностью своего положенія въ свѣтъ и тѣмъ предубѣжденіемъ, которое обыкновенно имѣютъ противъ людей неизвѣстныхъ фамилій.

« Можно ли повѣрить, говорить Босси, чтобъ человекъ, котораго враги безпрестанно укоряли въ низкомъ происхожденіи, не отвѣчалъ на ихъ обвиненія доказательствомъ своего благородства; еслибъ онъ былъ дѣйствительно потомокъ синьйоровъ де-Куччаро, де-Кансано или де-Россиньяно, и не воспользовался именами своихъ предковъ, которыя, послужили-бы ему столь сильною рекомендаціей въ глазахъ Испанскаго дворянства (1)? »

(1) *Dissertation, etc.*

Различныя фамиліи Коломбовъ, имѣющія притязанія на родство съ этимъ великимъ мореходцемъ, составляютъ, какъ кажется, вѣтви одного дерева, и невозможно сомнѣваться, чтобъ самъ онъ не происходилъ отъ какой нибудь дальней отрасли этого почтеннаго корня.

Совсѣмъ тѣмъ, ближайшіе предки Коломба, очевидно, принадлежали къ смиренному, но, трудолюбивому сословію Генуэзскихъ гражданъ, до самаго Жіакомо Коломба, который, по словамъ историка Споторно, въ 1311 году былъ чесальщикомъ шерсти. И это легко согласуется съ намѣкомъ Фернандо Коломба, что фамилія его отца была нѣкогда очень богата, но впала въ глубокую бѣдность отъ послѣдствій Ломбардскихъ войнъ. И въ самомъ дѣлѣ, междоусобія, раздиравшія тогда Италіянскія республики, расторгли и разсѣяли множество благороднѣйшихъ фамилій, которыхъ однѣ отрасли сохранили обладаніе своими замками и помѣстьями, а другія смѣшались съ самыми низшими классами городскихъ обывателей.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5.

Мѣсторожденіе Колумба.

Мѣсторожденіе Колумба составляетъ предметъ важныхъ изслѣдованій. Колоссальность славы его такъ сильно поражаетъ умы, что многія государства стараются наперерывъ причислить его къ сонму своихъ сыновъ. И это очень естественно: никакое событіе не озаряетъ городъ такимъ блескомъ, какъ рожденіе въ немъ великаго человѣка.

Первоначальное и общепринятое мнѣніе было въ пользу Генуи; но въ послѣдствіи Пизанскія, и въ особенности Пиемонтскія, области объявили и поддерживали свои претензіи съ такою настойчивостью, что Генуэзская Академія Наукъ и Изыщной Словесности рѣшилась въ 1812 году назначить для изслѣдованія ихъ притязаній особую комисію изъ трехъ членовъ своихъ, синьйоровъ Серра, Карреги и Пиаччіо.

Прежде всѣхъ писателей, оспаривающихъ честь мѣсторожденія Колумба въ пользу то-

го или другаго города, является Петро Марія Кампи, который утверждает, съ своей Церковной Исторіи города Плезанса, что Коломбъ родился въ сосѣдственной съ этимъ городомъ деревнѣ Праделло. По надлежащемъ разобраніи дѣла, оказалось вѣроятнымъ, что Бертолино Коломбо, прадѣдъ адмирала, владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ Праделло, съ котораго доходы получалъ впоследствии Доминикъ Коломбо, уроженецъ Генуэзскій, а послѣ его смерти, дѣти его, Христофоръ и Варфоломей. Но допустивъ даже несомнѣнность этого факта, мы не видимъ въ немъ доказательства, чтобъ адмиралъ, или отецъ его, или дѣдъ, были уроженцы деревни Праделло; напротивъ того, эти самыя обстоятельства приводятъ насъ къ заключенію, что постояннымъ мѣстопробываніемъ ихъ — была Генуя.

Притязанія Пиемонта поддерживались болѣе вѣроятными доводами. Было доказано, что нѣкто Доминикъ Коломбо владѣлъ замкомъ Куччаро въ Монферретъ въ эпоху рожденія Христофора Коломба, который, какъ утверждали, былъ его сынъ и родился въ его замкѣ. Балтазаръ Коломбо, потомокъ Доминика, по пресѣченіи прямой мужеской линіи адмирала, вступилъ съ прошеніемъ въ «Совѣтъ о дѣлахъ Индіи» о признаніи его наслѣдникомъ титуловъ и имѣній адмирала. Однакожь Совѣтъ, какъ мы уже сказали выше (Приложеніе No 2), отвергъ его требованія,

потому-что, по разобраніи дѣла, оказалось, что Доминикъ Колумбо, отецъ адмирала, жилъ въ Генуѣ прежде смерти своего однофамильца, синьора де-Куччаро, и долго еще послѣ него. Коммисары, назначенные Генуэзскою Академіею Наукъ и Изящной Словесности для изслѣдованія всѣхъ этихъ притязаній, послѣ продолжительныхъ и тщательныхъ розысканій, представили пространное и обстоятельное донесеніе въ пользу Генуи. Полное изслѣдованіе этого дѣла коммисіею помѣщено въ *Историю Колумба*, Босси, который подтверждаетъ ея мнѣніе въ одной ученой диссертациі обь этомъ предметѣ. Еще можно присовокупить, что Пьеръ Мартиръ и Варфоломей Ласъ-Касасъ, современники Колумба, знавшіе его лично, также Португальскій историкъ Хуанъ де-Барросъ, единогласно утверждаютъ, что Колумбъ родился — въ Генуэзской республикѣ.

Но послѣ этого главнаго рѣшенія, возникъ другой вопросъ, подавшій поводъ къ новымъ преніямъ, — но уже между самими Генуэзцами, именно о томъ, гдѣ родился Колумбъ: въ самомъ-ли городѣ Генуѣ, или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ республики? Финале, Онегліа и Савона — города, лежащіе въ западной части Лигуріи, — Боччіаско, Коголетта и многіе другіе города и деревни, съ жаромъ доказываютъ свои права на эту честь. Фамилія Колумба владѣла небольшимъ помѣстьемъ

въ одной деревушкѣ, между Квинто и Нерви, которая называется *Torre dei Colombo* (1).

Барфоломей Коломбъ, братъ адмирала, въ Латинской надписи на картѣ, представленной имъ Генриху VII, королю Англійскому, прибавилъ къ своей фамилии — *de-Terra rubra*, и Фернандо Коломбъ говорить въ «Исторіи» своего отца, что и адмираль,» обыкновенно такъ подписывался до своего возвышенія.

Въ продолженіе нѣкотораго времени Коголетта одерживала верхъ надъ всѣми состязающимися городами. Въ этомъ городѣ есть нѣсколько фамилій, которыя считаютъ знаменитаго мореплавателя въ числѣ своихъ предковъ и хранить его портретъ. Говорять, что причина преимущества въ спорѣ Коголетты надъ другими городами заключается въ смѣшеніи адмирала, открывшаго Новый-Свѣтъ, съ двумя другими адмиралами того-же имени, которые родились въ ней, и изъ которыхъ съ однимъ, а можетъ быть и съ обоими, Коломбъ ѣздилъ къ морскія экспедиціи (2).

Притязанія Генуэзскаго города Савоны недавно были поддержаны съ большою силою синьоромъ Жіовани Баттиста Беллоро, Савонскимъ адвокатомъ, въ остроумной диссертациі, написанной въ видѣ письма отъ 12 мая 1826 года къ барону Заху, издателю одного весь-

(1) Bossi, Французскій переводъ, Парижъ, 1824, стр. 69.

(2) Bossi, Французскій переводъ, Парижъ, 1824, стр. 66.

ма уважаемаго астрономическаго и географическаго журнала (1).

Синьоръ Беллоро утверждаетъ, какъ достовѣрный фактъ, что Доминикъ Коломбо долгое время былъ гражданиномъ Савоны; что онъ жилъ въ этомъ городѣ, и что Христофоръ Коломбъ подписалъ тамъ одну рукопись въ 1472 году.

Онъ говоритъ, что въ концѣ XIV столѣтiя одна изъ площадей этого города называлась *Platea Columbi*; что самому округу Савоны Лигурiйское правительство дало названiе *Jurisdixione di Columbi*, въ полной увѣренности, что великiй мореплаватель — Савонскiй уроженецъ, и наконецъ, что Коломбъ наименовалъ одно изъ первыхъ своихъ открытiй, — небольшой островокъ не вдалекѣ отъ Испанiолы, — *Савоной*.

Беллоро ссылается на многихъ Савонскихъ писателей, и въ особенности на поэтовъ; приводитъ также мѣста изъ разныхъ иностранныхъ историковъ и поэтовъ, и такимъ образомъ утверждаетъ фактъ, поддерживаемый многими особами, которыхъ авторитетъ весьма уважается, что Коломбъ — уроженецъ Савонскiй. Но въ особенности онъ опирается на свидѣтельство Маньифика Франсуа Спинолы, которое приводитъ Альбертъ Поллеро.

(1) *Correspondance astronomique et géographique du baron de Zach*, vol. XIV, Cahier 6, lettre XXIX, 1826.

Спинола говорить, что онъ видѣлъ въ Севильѣ гробницу Христофора Колумба съ эпитафией, которая положительнымъ образомъ опредѣляетъ мѣсторожденіе адмирала въ Савонѣ. *«Nec jacet Christophorus Columbus, Savonensis* (1). Доказательства синьйора Беллоро обнаруживаютъ его усердіе къ славы своего роднаго города, — но они недостаточны для оправданія факта, который онъ старается утвердить. Онъ ясно доказываетъ, что многіе писатели почитаютъ Колумба урожденцемъ Савонскимъ; но можно привести еще гораздо большее число другихъ авторовъ, изъ которыхъ многіе были современники адмирала, нѣкоторые — короткіе друзья, иные — сограждане, свидѣтельствующихъ, что онъ родился въ городѣ Генуѣ. Даже изъ Савонскихъ писателей, Юлій Салиноріо, глубоко изслѣдовавшій этотъ предметъ, положительно выводитъ то-же заключеніе: *«Genova, citta nobilissima, era la patria de Colombo* (2). »

Синьйоръ Беллоро, кажется, справедливо утверждаетъ, что Доминикъ, отецъ адмирала, долго жилъ въ Савонѣ. Но изъ самой диссертациі его видно, что Христофоръ, подписав-

(1) *Philippo Alberto Pollero Epicherema, cioè breve Discorso per difesa di sua persona e caratteri.* Torino, per Gio. Bat. Zap-pata, 1696 (читай: 1694); in 4^o, pag. 47.

(2) Благороднѣйшій городъ Генуя былъ отечествомъ Колумба.

шій въ 1472 году, какъ свидѣтель, одну духовную, **самъ именуется свѣ** ней «Генуэскимъ урожденцемъ:» *Christophorus Colombus Lanegerius de Januá*. Этотъ фактъ приводится и другими авторами, которые полагаютъ, что означенный Христофоръ былъ именно мореходецъ Коломбъ, навѣстившій своего отца въ промежуткѣ первыхъ путешествій своихъ. Слѣдственно, это обстоятельство не опровергаетъ, а утверждаетъ мнѣніе, что Коломбъ родился въ Генуѣ.

Эпитафія, на которую въ особенности описывается синьоръ Беллоро, не можетъ быть принята какъ доказательство. Христофоръ Коломбъ былъ погребенъ не въ Севильскомъ соборѣ, и ему не воздвигнуто въ этомъ зданіи никакого памятника. Гробница, о которой говоритъ ученый прелатъ Филиппъ-Альбертъ Поллеро, вѣроятно, заключала въ себѣ прахъ Фернандо Коломба, сына адмирала, погребеннаго именно въ Севильскомъ соборѣ, которому онъ завѣщалъ свою прекрасную бібліотеку, и въ которомъ сооруженъ ему памятникъ. Быть-можетъ также, что надпись, приведенная синьоромъ Беллоро, была ошибочно снята Маньификомъ Франсуа Спинолой, на память, и подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія — что онъ передъ собой видѣлъ гробницу адмирала. Къ невѣрности памяти Маньифика должно отнести и прозваніе *Savonensis*, потому-что Фернандо Коломбъ родился въ Кордовѣ.

Исслѣдованіемъ вопроса о мѣсторожденіи Колумба занимался также, съ величайшею тщательностію, Д. Жіовани-Батиста Споторно, ученый королевскаго университета въ Генуѣ, въ своихъ «*Историческихъ Запискахъ* о Колумбѣ,» и рѣшилъ его въ пользу Генуи. Въ доказательство, что фамилія Колумбовъ издавна жила въ этомъ городѣ, онъ приводитъ одну выписку изъ маклерской книги (*registre du notariat*), въ которой значится, что въ 1311 году гражданинъ, по имени Жіакомо Колумбо, ремесломъ чесальщикъ шерсти, жилъ за воротами Св. Андрея; а изъ одной Записки (*Memoire*), изданной Генуэзскою Академіей, видно, что въ 1489 году Доминикъ Колумбо имѣлъ собственный домъ, давку и садъ съ колодеземъ въ улицѣ Андреевскихъ-Воротъ, находившейся прежде внѣ города, — именно въ томъ самомъ мѣстѣ, какъ полагають, гдѣ жилъ Жіакомо Колумбо, — и что онъ нанималъ еще другой домъ, принадлежащій монастырю Св. Стефана, въ Віа-Мульченто, ведущей изъ Андреевской улицы въ Страда-Джуліа (1).

Синьйоръ Босси говоритъ, что въ документахъ, недавно отысканныхъ въ монастырѣ Св. Стефана, часто упоминается имя Доминика Колумбо, съ 1456 по 1459 годъ, и что онъ означается въ нихъ сыномъ Джіовани

(1) Spotorno (Англійскій переводъ), стр. 11 и 12.

Коломбо, мужемъ Сусанны Фонтанароссы и отцомъ Христофора, Варфоломея и Жакомо, или Діэго (1), и присовокупляетъ, что изъ приходной книги канониковъ видно, что послѣдняя сумма, слѣдующая за наемъ Доминикомъ Коломбомъ монастырскаго дома, уплачена имъ въ 1489 году. Онъ предполагаетъ, что адмираль родился въ этомъ самомъ домѣ, въ Віа-Мульченто, и былъ крещенъ въ церкви Св. Стефана. Онъ же говоритъ, что комиссарамъ, назначеннымъ отъ Генуэзской академіи, была представлена на разсмотрѣніе одна древняя рукопись, съ отмѣткой нотариуса на полѣ, что «имя Христофора занесено въ приходскую книгу этой церкви, въ которой онъ получилъ крещеніе (2).»

Андрей Бернальдесъ, Лосъ-Палаціосскій патеръ, искренній другъ Коломба, говоритъ, что онъ родился въ Генуѣ (3). Августинъ Джіустиніани, современникъ Коломба, утверждаетъ тоже въ своемъ *Psautier polyglotte*, изданномъ въ Генуѣ въ 1516 году. Антоніо де-Геррера, авторъ отличающійся особенною точностью, хотя и не современникъ Коломба, но имѣвшій случай разсматривать достовѣрнѣйшіе документы, также положительно говоритъ, что онъ родился въ городѣ Генуѣ.

(1) Босси (Франц. перев.) стр. 76.

(2) Босси (Франц. перев.), стр. 76.

(3) *Cara de los Palacios*, cap. 118, MS.

Къ этимъ именамъ можно еще присовокупить имя Александра Джеральдини, брата нунція, наставника дѣтей Фердинанда и Изабеллы и короткаго пріятеля Коломба (1); Антонія Галло (2), Варфоломея Сенарайа (3) и Уберто Фоглиетто (4), — которые всѣ были современники Коломба и уроженцы Генуэзскіе, и еще одного неизвѣстнаго автора, издавшаго въ Венеціи въ 1509 году описаніе своего путешествія, предпринятаго для открытій (5). Безполезно ссылаться на позднѣйшихъ историковъ, раздѣлявшихъ тоже мнѣніе, потому-что, конечно, они почерпали свѣденія изъ приведенныхъ нами источниковъ.

Мы вошли въ эти подробности о мѣсто-рожденіи Колумба потому, что вопросъ о немъ былъ предметомъ жаркихъ преній, продолжающихся и понынѣ. Можно однакожъ считать этотъ споръ окончательно рѣшеннымъ, величайшимъ изъ всѣхъ авторитетовъ въ этомъ дѣлѣ, то-есть — словами самого Колумба, который въ духовномъ завѣщаніи своемъ, писанномъ въ 1498 году и принятомъ Испанскими судебными мѣстами за документъ въ тяжбѣ его потомковъ, объявляетъ въ двухъ мѣстахъ,

(1) Alexandre Geraldini, *Itin. ad reg. sub ocquin.*

(2) Ant. Gallo, *Annales de Génes.* — Muratori, tom. XXIII.

(3) Senaraya. — Muratori, tom. XXVI.

(4) Foglietto, *Elog. clar Ligur.*

(5) Grineus, *Nov. Orb.*

что онъ родился въ городъ Генуѣ: *Siendo yo nacido en Genova* — « я, уроженецъ Генуэзской, » и далѣе повторяетъ эти слова какъ-бы желая обратить на нихъ особенное вниманіе своихъ наслѣдниковъ и тѣмъ побудить ихъ къ выполненію нѣкоторыхъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ завѣщаніемъ и доказывающихъ его привязанность къ мѣсту своего рожденія. « Приказываю, упомянутому донъ-Діэго, сыну моему, или тому кто наслѣдуетъ вышеозначенное майоратство, имѣть всегда въ городъ Генуѣ одного члена нашей фамиліи, назначивъ ему такую пенсію, чтобъ онъ могъ содержать себя прилично, какъ слѣдуетъ родственной намъ особѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ жилъ тамъ постоянно съ своимъ семействомъ, — и не прерывать своихъ связей съ Генуей, а считаться ея гражданиномъ, дабы означенный родственникъ, въ случаѣ надобности, могъ всегда найти тамъ помощь и защиту: *ибо я оттуда и родился тамъ* (1). »

(1) « Mando al dicho don Diego, mi hijo, o à la persona que herederà el dicho mayorazgo, que tenga y sostenga siempre en la ciudad de Génova una persona de nuestro linage que tenga allí casa y muger, y le ordene renta con que pueda vivir honestamente, como persona tan llegata à nuestro linage, y haga pie y raiz en la dicha ciudad como naturalde ella, porque podrá haber de la dicha ciudad ayuda y favor en las cosas del menester suyo, *por que de ella salt y en ella naci.* »

Въ другомъ мѣстѣ духовной онъ выражаетъ свои чувства къ Генуѣ съ сыновною нѣжностью. «Приказываю упомянутому Діэго, или тому, кто наслѣдуетъ майоратство, во всѣхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ всегда имѣть въ виду славу, благоденствіе и приращеніе могущества города Генуи, и употреблять всѣ средства и способы на защиту и увеличеніе благосостоянія и славы этой республики, во всемъ, что не будетъ противно служенію Церкви Господней и достоинству короля и королевы, нашихъ государей, и преемниковъ ихъ.»

Около 1785 года было найдено въ библіотекѣ Корсини, въ Римѣ, еще другое завѣщаніе Коломба, писанное имъ въ Валадолидѣ 4-го мая 1506 года, за шестнадцать дней до его смерти, безъ соблюденія установленныхъ формъ и незасвидѣтельствованное никакимъ судебнымъ мѣстомъ. Это завѣщаніе названо «Походнымъ,» потому что оно принадлежало къ роду тѣхъ духовныхъ, которыя законъ дозволяетъ писать военнымъ людямъ наканунѣ сраженія и вообще во всѣхъ случаяхъ, когда имъ угрожаетъ смерть. Оно было написано адмираломъ на чистой страницѣ молитвенника, подареннаго ему папою Александромъ VII. Коломбъ завѣщаль эту книгу «любезному отечеству своему, Генуэзской республикѣ.»

Въ этомъ «Походномъ завѣщаніи» Коломбъ приказываетъ своему наслѣднику учредить въ

Генуь больницу для бѣдныхъ; назначаетъ ей опредѣленный доходъ на содержаніе и утверждаетъ республику преемницею своего имущества по « адмиральству Индіи » въ случаѣ пресѣченія мужеской линіи его потомства.

Въ достовѣрности этого документа многіе сомнѣвались. Говорили, что вовсе неправдоподобно, чтобъ Коломбъ прибѣгнулъ къ обычаю, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, не былъ ему извѣстенъ. На это возраженіе можно сказать, что Коломбъ, напротивъ того, очень хорошо зналъ всѣ особенности военной жизни, и не одинъ разъ, въ минуты опасности, когда угрожало ему какое-нибудь роковое событіе, писалъ письма изъ предосторожности. По числу, выставленному на этомъ завѣщаніи, видно, что оно было написано за нѣсколько дней до его смерти, — быть можетъ, въ тѣ часы, когда онъ считалъ себя при послѣднемъ издыханіи. Это обстоятельство можетъ объяснить нѣкоторое различіе между обыкновеннымъ его почеркомъ и тѣмъ, которымъ написано завѣщаніе, тѣмъ съ болѣею вѣроятностью, что припадки хирагры часто не позволяли ему писать иначе какъ только по ночамъ. Несходство подписи подало въ особенности поводъ къ сомнѣніямъ; но, кажется, Коломбъ не всегда подписывался одинаковымъ образомъ, и притомъ еслибъ завѣщаніе было подложно, то составитель его именно на эту часть обратилъ-бы особенное

вниманіе. Кромѣ того, подложность этого акта не представляла никакой выгоды обманщику, и во все время никто не дѣлалъ нисколько попытки извлечь изъ него пользу. Въ 1502 году Колумбъ, приготовляясь къ отплытію въ четвертое и послѣднее путешествіе для открытій, отослалъ къ другу своему, Николо Одериго, бывшему Генуэзскому посланнику при Испанскомъ дворѣ, засвидѣтельствованныя Севильскими алькадами копии со всѣхъ данныхъ ему Испанскими государями жалованныхъ грамотъ и высочайшихъ повелѣній, которыми возлагались на него разныя порученія, и въ тоже время просилъ особымъ письмомъ банкъ Св. Георгія въ Генуѣ выдавать этому городу десятую часть его доходовъ на уменьшеніе пошлины съ хлѣба, вина и другихъ припасовъ.

Что могло-бы побудить Колумба принимать столь живое участіе въ благоденствіи Генуи, еслибъ онъ родился не въ ней, а въ какой-нибудь другой Италіанской области, изъ числа оспаривающихъ честь называться мѣстомъ его рожденія? Онъ ничѣмъ не былъ обязанъ Генуѣ; провелъ въ ней немногіе годы своей молодости, и она же, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, отвергла его предложеніе объ открытіи «съ презрѣніемъ.» Ни что не можетъ объяснить его привязанности къ Генуѣ, кромѣ того сыновняго чувства, которое влечетъ сердце чело-

вѣка къ его родинѣ, какъ-бы далеко онъ не жилъ отъ ней, какъ бы давно въ ней не былъ, и какъ-бы мало не былъ обязанъ ей. И еслибъ Колумбъ родился въ которомъ нибудь изъ Генуэзскихъ городо́въ или деревень, объявляющихъ на это притязаніе: съ какой стати онъ сдѣлалъ-бы всѣ эти завѣщанія — именно въ пользу города Генуи, а не роднаго своего города или деревни?

Эти завѣщанія очевидно были внушеніемъ того тайнаго чувства любви, которое привязываетъ насъ къ отечественному краю. Въ то время, когда онъ писалъ ихъ, онъ стоялъ уже выше всякаго вліянія ложнаго стыда на этотъ счетъ. Слава его была столь блистательна, что озарила-бы собой и самую убогую хижину, а любовь его къ родинѣ такъ сильна, что онъ не могъ въ послѣднія минуты своей жизни не заняться ею, не обнаружить ее явными доказательствами, и съ краю могилы не бросить взгляда на свою колыбель. Уже однихъ этихъ причинъ, почерпнутыхъ изъ естественнаго чувства, кажется достаточно, чтобъ рѣшить вопросъ въ пользу Генуи.

П Р И Л О Ж Е Н І Е № 6.

К о л о м б ы.

Въ первую половину жизни Коломба существовали два другіе мореплавателя того же имени, занимавшіе довольно важныя мѣста во флотѣ и пользовавшіеся нѣкоторою знаменитостію. По словамъ Фернандо Коломба (1), оба они были родственники отца его, который участвовалъ иногда съ ними въ морскихъ экспедиціяхъ; а самъ Коломбъ въ одномъ письмѣ своемъ говорить: «Я не первый адмиралъ въ нашемъ родѣ.»

Эти однофамильцы были — дядя и племянникъ. Последняго историки называютъ Коломбомъ-Младшимъ, а Испанскіе писатели — Коломбомъ - эль - Мозо. Дядя служилъ во Французской службѣ, вѣроятно вступивъ въ нее въ то время, когда Генуя находилась подъ покровительствомъ или, лучше сказать, подъ властью Франціи. Говорятъ, что онъ

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 1.

участвовалъ въ экспедиціяхъ Іоанна д'Анжу противъ Неаполя, и что Коломбъ бывалъ съ нимъ въ морскихъ предпріятіяхъ. Цурита упоминаетъ о старшемъ Коломбѣ, участвовавшемъ въ войнѣ Испаніи съ Португаліей, возгорѣвшейся по поводу требованій принцессы Іоанны на Кастильскій престолъ (1). Въ 1476 году Португальскій король рѣшился отправиться во Францію Средиземнымъ-Моремъ, въ намѣреніи склонить Людовика XI, своего союзника, внести войну въ провинцію Гвипускоа.

« Король, говоритъ Цурита, оставилъ Торо 13 іюня и проплылъ внизъ по рѣкѣ до города Порто, гдѣ остановился въ ожиданіи эскадры Французскаго короля, состоявшей подъ начальствомъ Колона (Коломба), долженствовавшей пройти Гибралтарской-Проливъ и бросить якорь въ Марсели.

« По нѣкоторомъ замедленіи, именно въ концѣ іюля, Коломбъ прибылъ съ Французскою эскадрой въ Бормео, на Бискайскомъ берегу, гдѣ претерпѣлъ сильную бурю и потерялъ адмиральскій корабль. Оттуда онъ отплылъ къ берегамъ Галиціи, въ намѣреніи атаковать Рибальдо, и потерялъ тамъ много людей. Наконецъ отправился къ Лиссабону, чтобъ принять на флотъ Португальскаго короля, который и отплылъ на его судахъ, въ

(1) *Annales de Arragon*, liv. XI, p. 261.

августъ, посадивъ на нихъ двѣ-тысячи-двѣсти человекъ пѣхоты и четыреста-семдесятъ кавалеристовъ, для усиленія Португальскихъ гарнизоновъ на Варварійскихъ берегахъ. Эта эскадра состояла изъ двѣнадцати кораблей и пяти каравелъ.

« Остановясь на нѣсколько времени у Цейты, флотъ отправился къ Колибръ, гдѣ король вышелъ на берегъ въ половинѣ сентября, потому-что бурное погода не позволила эскадрѣ дойти до Марсели (1). »

Этотъ Коломбо очевидно тотъ самый морской офицеръ, о которомъ Жоржъ Шофье, въ своемъ *Supplement au Dictionnaire de Bayle* (2), говоритъ слѣдующее :

« Незнаю, до какой степени должно вѣрить факту, приведенному въ *Ducatianna* (Т. 1, ст. 143) что Коломбъ (онъ разумѣетъ Христофора Коломба) начальствовалъ сильною эскадрой Людовика XI, и въ отмщеніе Испанцамъ, вторгшимся около того времени въ Руссильйонъ, счелъ себя въ правѣ, ненарушая мира между двумя державами, захватить ихъ суда, напавъ на двѣ галеры, зафрактованныя нѣсколькими частными лицами, и овладѣвъ ими. Король Фердинандъ, получивъ жалобу на этотъ поступокъ, требовалъ отъ Людовика XI удовлетворенія, называя, въ письмѣ своемъ

(1) Zurita, liv. XIX, p. 51.

(2) Tome II, page 126.

къ нему отъ 9 декабря 1474 года, **Христофора Колумба** Французскимъ подданнымъ, потому-что онъ, какъ извѣстно, родомъ изъ Генуи, которой настоящей государь Людовикъ XI, хотя герцогъ Миланскій и владѣль ею и Савоной въ качествѣ леннаго владѣтеля съ его согласія (1). »

Кажется, что флотъ, появившійся въ 1475 и 1476 годахъ въ Левантъ и атаковавшій въ одномъ дѣлѣ Венеціанскую эскадру, прикрывавшую островъ Кипръ, былъ тотъ самый, которымъ командовалъ тотъ-же Колумбъ — дядя. Объ этомъ дѣлѣ упоминается въ одномъ письмѣ, писанномъ въ 1476 году двумя Миланскими дворянами къ своему герцогу, и на него ссылаютъ Босси, а за нимъ Споторно.

Колумбъ племянникъ, прозванный Испанцами Колумбо эль-Мозо, также командовалъ нѣсколько лѣтъ спустя Французской эскадрой, и имя его сдѣлалось ужасомъ Средиземнаго-Моря, какъ увидимъ въ другой статьѣ (Приложеніе № 8). Имена этихъ двухъ Колумбовъ, дяди и племянника, являясь изрѣдка и неопредѣленно въ темный періодъ жизни адмирала, ввели въ заблужденіе многихъ историковъ, которые смѣшали его съ ними. Фернандо Колумбъ говоритъ, что отецъ его въ продолженіе многихъ лѣтъ участвовалъ въ морскихъ экспедиціяхъ Колумба-Младшаго (1).

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 5.

Быть-можетъ, онъ и занималъ, въ разное время, въ эскадрахъ дяди и племянника какія-нибудь низшія командныя мѣста и участвовалъ въ описанныхъ нами произшествіяхъ.



ПРИЛОЖЕНІЕ № 7.

Экспедиція Іоанна д'Анжу.

Около того времени, какъ Колумбу исполнилось двадцать три года, Альфонсъ Аррагонскій, король Неаполитанскій, угрожалъ Генуѣ вторженіемъ. Это распространило всеобщее смятеніе въ его отечественномъ городѣ и подвергло его опасности. Генуя, чувствуя свое безсиліе бороться съ столь могущественномъ врагомъ и не найдя помощи въ Италіи, прибѣгнула къ покровительству Карла VII, короля Французскаго, который послалъ ей на помощь Іоанна д'Анжу, сына Рене, или Ренато, короля Неаполитанскаго, сверженнаго съ престола Альфонсомъ. Іоаннъ д'Анжу, иначе называемый герцогомъ Калабрійскимъ (1), немедленно принялъ начальство надъ городомъ,

(1) Титулъ герцога Калабрійскаго принадлежалъ сыну и наслѣднику короля Неаполитанскаго, какъ титулъ принца Гальскаго въ Англіи.

исправилъ его укрѣпленія и заперъ входъ въ гавань крѣпкими цѣпями. Въ продолженіе этого времени, Альфонсъ набралъ сильную сухопутную армію и соединилъ свой флотъ, состоявшій изъ двадцати кораблей и десяти галеръ у Анконы, на границахъ Генуи. Республика находилась въ величайшей опасности, какъ вдругъ Альфонсъ занемогъ *калантурой* (родъ воспалительной морской горячки, соединенной съ припадками бѣшенства) и умеръ, оставивъ королевство Аррагонское и Сицилійское брату своему, Іоанну, а Неаполитанское — сыну, Фердинанду.

Смерть Альфонса и послѣдовавшее за ней раздѣленіе его владѣній избавили Геную отъ опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ возродили надежды дома д'Анжу до-того, что герцогъ Іоаннъ, ободряемый тайными агентами Неаполитанскаго дворянства, рѣшился на отважное предпріятіе — возстановить оружіемъ свои права на Неаполитанскій престоль. Генуэзцы приняли живѣйшее участіе въ его дѣлѣ и снабдили его кораблями, галерами и деньгами. Отецъ Іоанна, Рене или Ренато, снарядилъ для этой экспедиціи въ Марсельскомъ портѣ двѣнадцать галеръ, и велѣлъ обѣщать значительныя денежныя пособія и содѣйствіе Французскаго короля. Блестательная цѣль этой экспедиціи обратила на себя вниманіе предпріимчивыхъ умовъ того вѣка и привлекла подъ знамена герцога Кабрійскаго множе-

ство дворянъ, исполненныхъ рыцарскаго духа, простыхъ солдатъ, искателей фортуны; неустрашимыхъ корсеровъ, отважныхъ авантюристовъ и частныхъ людей, жаждущихъ добычи. Историки говорятъ, что въ это время Колумбъ служилъ въ Генуэзскомъ ополченіи на эскадръ, состоявшей подъ начальствомъ одного изъ своихъ однофамильцевъ и родственниковъ.

Экспедиція противъ Неаполя подняла паруса въ октябрь 1459 года и бросила якорь на высотъ Сессы, между устьями рѣкъ Гарилиано и Вольторно. Вѣсть о прибытіи эскадры была знакомъ къ всеобщему возстанію въ Неаполь. Мятѣжные бароны и васалы ихъ тотчасъ присоединились къ знаменамъ д'Анжу, и вскорѣ лучшія Неаполитанскія провинціи подчинились герцогу, между тѣмъ какъ онъ съ арміей и эскадрой угрожалъ самому городу Неаполю.

Въ исторіи этой экспедиціи находимъ одинъ случай, показывающій дерзкую отважность флота, на которомъ находился тогда Колумбъ.

Армія Іоанна д'Анжу, будучи окружена и тѣсно сжата при устьѣ рѣки Сарно превосходнѣйшимъ непріателемъ, находилась въ опасномъ положеніи. Въ это время главнокомандующій эскадрой сдѣлалъ съ своими экипажами высадку на берегъ и занялъ окрестности, въ надеждѣ пробудить своимъ появленіемъ въ народѣ прежній энтузіазмъ къ

знаменамъ д'Анжу и, быть-можетъ даже, овладѣть Неаполемъ нечаяннымъ нападеніемъ. Матросы, вовсе незнакомые съ дисциплиной сухопутныхъ регулярныхъ войскъ и проникнутые духомъ морскихъ разбогъ и корсерствъ, разсѣялись по окрестностямъ для грабежа. Непрiятель выслалъ противъ нихъ отрядъ пѣхоты, который сильнымъ натискомъ обратилъ ихъ въ бѣгство съ значительнымъ урономъ. Между-тѣмъ жители Соренты успѣли занять дефилеи, лежащiе на пути къ ихъ флоту, — нанали на нихъ, и послѣ кровопролитной и ожесточенной драки, разбили на голову, такъ что очень немногіе только пробились къ кораблямъ. Говорятъ, что во время этого истребленiя многіе матросы, въ изступленiи отчаянiя, низвергались съ высокихъ скалъ въ море.

Борьба Іоанна д'Анжу съ Альфонсомъ за Неаполитанскiй престоль продолжалась четыре года. Сначала счастье благоприятствовало Іоанну, такъ что онъ былъ уже, повидимому, близокъ къ цѣли своихъ усилiй; но наступила несчастная полоса; онъ претерпѣлъ пораженiе на многихъ пунктахъ; возмущившіеся дворяне отстали отъ него одинъ за другимъ и покорились Альфонсу. Наконецъ герцогъ принужденъ былъ отступить къ острову Искіа, гдѣ онъ находился нѣкоторое время подъ защитой восьми галеръ, которыя въ то же время крейсировали въ Неаполитанскомъ

Заливъ (1). Полагають, что на этой самой эскадрѣ, — столь благородно защищавшей дѣло герцога, въ счастья и несчастья, и оставившей его не прежде какъ уже онъ самъ отказался отъ своего несчастнаго предпріятія, — служилъ и Христофоръ Коломбъ.

(1) Coluccio, *Hist. Esp.*, lib. VII, cap. 17.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8.

Взятіе Венеціанскихъ галеръ Коломбожь-Младшихъ.

Такъ-какъ описаніе морскаго сраженія, во время котораго, по увѣренію Фернандо Коломба, отецъ его былъ выброшенъ на Португальскій берегъ, принято многими весьма уважаемыми историками, то не бесполезно представить здѣсь особенныя причины, по которымъ это событіе не заслуживаетъ вѣроятія.

Фернандо положительно говоритъ, что это случилось въ дѣлѣ, о которомъ упоминаетъ Маркъ-Антоній Сабеликусъ въ восьмой книгѣ своей десятой «Декады;» что эскадрой, въ которой служилъ Коломбъ, командовалъ славный корсеръ, по имени Коломбо-Младшій (Коломбо-Эль-Мозо), и что Венеція отправила къ Португальскому королю посольство — благодарить его за помощь, оказанную имъ Венеціанскимъ капитанамъ и ихъ экипажамъ.

Не подвержено сомнѣнію, что Сабеликусъ упоминаетъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ; но дѣло въ томъ, что сраженіе происходило въ 1485 году, то-есть, уже спустя годъ *посль отъѣзда Колумба изъ Португаліи*. Цурита, въ своей Арагонской Лѣтописи, также говоритъ объ этомъ дѣлѣ, и оно помѣщено у него въ числѣ событій 1485 года. «Въ это время, говоритъ онъ, отплыли отъ Кадикса во Фландрію четыре Венеціянскія галеры, нагруженныя Левантскими товарами и въ особенности произведеніями Сициліи. Около мыса Санъ-Винцента напалъ на нихъ Французскій корсеръ, сынъ капитана Колона (Колумба), съ эскадрой, состоящею изъ семи кораблей, и 21 августа овладѣлъ ими (1).»

Въ «Исторіи Іоанна II», короля Португальскаго, сочиненной Гарсіей де Реезенде, заключаются болѣе подробныя свѣденія объ этомъ сраженіи, которое однакожъ и въ ней отнесено къ 1485 году. Авторъ говоритъ, что Венеціянскія галеры были взяты и ограблены Французами; что капитаны и экипажи этихъ галеръ, раненые и обобранные до чиста, и осыпанные всякаго рода оскорбленіями, были брошены на Каскоэсскомъ берегу, и тамъ получили помощь отъ донны Маріи де-Менезесь, графини Монсанто; что король Іоаннь II, узнавъ объ этомъ происшествіи,

(1) Zurita, кн. XX, гл. 64.

изъявилъ большое сожалѣніе, что подобное несчастье случилось у береговъ его владѣній, и желая доказать свое дружелюбное расположеніе къ Венеціанской республикѣ, велѣлъ ограбленныхъ капитановъ пригласить къ себѣ, приказавъ имъ выдать богатія шелковыя, и изъ другихъ тканей, одежды, также лошадей и муловъ, чтобъ они могли представиться ко двору въ приличномъ видѣ, соответственно своему званію и достоинству республики, и принявъ ихъ съ особенною милостью и отличіемъ, на сказавъ имъ, съ истинно царскою въжливостью, много пріятнаго какъ для нихъ лично, такъ и въ отношеніи къ Венеціанской республикѣ; выслушавъ рассказъ ихъ о сраженіи, въ которомъ они потеряли все, онъ велѣлъ имъ отпустить значительную сумму денегъ на выкупъ галеръ, а узнавъ, что Французскіе крейсера перегрузили всѣ товары на свои корабли, запретилъ своимъ подданнымъ покупать что-либо изъ этого приза на всемъ пространствѣ своихъ владѣній; — что его великодушіе не ограничилось пособіемъ капитанамъ, но что онъ велѣлъ снабдить и экипажи всѣмъ нужнымъ и доставилъ имъ средства возвратиться въ Венецію на собственныхъ галерахъ; — что сановники республики были такъ глубоко тронуты щедростью короля Іоанна, что отправили къ нему большое посольство съ богатыми подар-

ками и съ изъясненіями живѣйшей признательности, возложилъ обязанность представителя посольства на Иеронима Доната, человека извѣстнаго глубокою ученостью и краснорѣчіемъ, котораго Іоаннь принялъ самымъ почетнымъ образомъ и отпустилъ посольство съ подарками, достойными короля, въ числѣ которыхъ находились великолѣпно убранные мулы и клееры и черные невольники въ богатыхъ одеждахъ (1).

Сабеликусъ, въ своей Венеціанской Исторіи (2) рассказываетъ это дѣло слѣдующимъ образомъ:

Четыре Венеціанскія галеры, подъ начальствомъ донъ Варфоломея Миньйо, отплыли съ грузомъ. Когда онѣ находились на Иверійскомъ - Морѣ, Коломбъ - Младшій, племянникъ знаменитаго корсера Коломбо, съ

(1) Obras de Garcia de Reesende, с. 58. Evora, 1554.

(2) Маркъ Антоній Коччейо, извѣстный болѣе подѣ именемъ Сабеликуса, — прозваніе, принятое имъ съ того времени, какъ онъ былъ увѣнчанъ въ педантской академіи Помпонія Летуеа, какъ поэтъ. Онъ былъ современникъ Коломбо, и въ восьмой книгѣ десятой «Декады» своей *Всеобщей Исторіи* упоминаетъ коротко объ его открытіяхъ. Нѣкоторые писатели называютъ его Титомъ Ливіемъ своего вѣка; другіе обвиняютъ въ пристрастіи къ Венеціи. Скалигеръ уверяетъ его въ продажности, и утверждаетъ, что Венеціанское золото имѣло на него вліяніе.

семью вооруженными кораблями, встрѣтилъ ихъ ночью у Сакро-Промонтаріо, что нынѣ мысъ Санъ-Винцентъ. Хотя онъ настигъ эти галеры съ намѣреніемъ овладѣть ими, однакожь не рѣшился вступить въ дѣло до разсвѣта; а чтобъ не потерять ихъ изъ виду, онъ слѣдовалъ за ними такъ близко, что носы его кораблей почти касались кормъ Венеціанскихъ судовъ. Съ наступленіемъ дня корсеръ началъ атаку, противъ которой Венеціанцы, не смотря на превосходство непріятеля въ корабляхъ и экипажахъ, держались нѣсколько времени довольно успѣшно. Рѣдко случается, чтобъ сраженія купеческихъ судовъ съ вооруженными кораблями были сопряжены съ столь огромною потерей людей, потому что первыя почти никогда не вступаютъ въ бой противъ сильнѣйшаго непріятеля, если не бываютъ вынуждены къ тому неизбѣжными обстоятельствами.

По увѣренію нѣкоторыхъ очевидцевъ этого дѣла, на Венеціанскихъ галерахъ погибло триста человекъ. Другіе считаютъ менѣе. Въ числѣ убитыхъ находились Лоренсо Мишель, капитанъ одной галеры, и Жіовани Дельфино, братъ другаго капитана. Сраженіе продолжалось отъ зари до двадцатаго часу дня (1). Венеціанцы были разбиты наголову.

(1) Сутки въ Италіи не дѣлятся на двѣ равныя части, по двѣнадцати часовъ въ каждой, — но просто на двадцать четыре часа.

Сначала сдалась *Дельфина*, а за ней и прочія три галеры. Люди, участвовавшіе въ этомъ упорномъ бою, говорили, что по окончаніи сраженія, на ихъ суднѣ лежало восемьдесятъ храбрыхъ, распростертыхъ на палубѣ отъ кормы до носа, и что непріятели, увидѣвъ ихъ, не могли воздержаться отъ состраданія и сказали съ гнѣвомъ, что Венеціанцы сами того хотѣли. Убитыхъ бросили въ море, а раненыхъ высадили на берегъ. Оставшіеся въ живыхъ были отвезены побѣдителями въ Лиссабонъ и тамъ распущены Король принялъ ихъ милостиво; больныхъ велѣлъ призрѣть, а прочимъ дать одежду и денегъ, каждому по званію. Кроме-того, въ цѣломъ королевствѣ запретилъ покупать товары, отнятые корсерами у Венеціанъ.

Вѣсть объ этомъ несчастномъ происшествіи распространила уныніе въ Венеціи: ея купцы лишились въ этомъ дѣлѣ двухъ-сотъ-тысячъ червонцевъ, но потеря людей была для нихъ источникомъ еще сильнѣйшей горести (1).

(1) Marc. Ant. Sabelico, *Hist. Venet.*, decad. IV, lib. III.



ПРИЛОЖЕНІЕ № 9.

Америкъ Веспучій.

Америкъ Веспучій былъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ способныхъ мореплавателей , путешествовавшихъ по слѣдамъ Колумба. Многіе приписывали ему открытіе южнаго материка, — и по странной прихоти фортуны, именовъ его названъ цѣлый Новый-Свѣтъ. Но противъ этого составилаь сильная противная партія, которая утверждаетъ, что Веспучій не имѣлъ ни малѣйшаго права присвоивать себѣ открытія, и даже никогда не командовалъ никакою отдѣльною экспедиціей , а служилъ на эскадрахъ , которыми начальствовали другіе; что описаніе перваго его путешествія — чистая басня , и что онъ увидѣлъ въ первый разъ твердую землю уже послѣ открытія и обозначенія ея берега Колумбомъ.

Такъ - какъ этотъ вопросъ былъ поводомъ къ жаркимъ и продолжительнымъ преніямъ,

породившимъ цѣлые томы сочиненій въ пользу и противъ него, то мы считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ въ нашемъ произведеніи. Америкъ Веспучій родился во Флоренціи 9-го марта 1451 года отъ благородной, но небогатой фамиліи. Отца его звали Анастасіемъ, мать — Елисаветой Мини. Онъ былъ третій сынъ и получилъ превосходное воспитаніе подъ руководствомъ своего дяди, Георга-Антонія Веспучія, ученаго монаха монастыря Св. Марка, дававшего уроки многимъ знаменитымъ особамъ, того времени.

Америкъ Веспучій прибылъ въ Испанію и поселился въ Севильѣ, для надзора за коммерческими дѣлами Флорентійскаго дома Медичи и для поправленія дѣлъ своего неискusstнаго брата, претерпѣвшаго много убытковъ и неудачъ (1).

Когда именно онъ пріѣхалъ въ Испанію — неизвѣстно; но случивъ числа и обстоятельства, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ, надобно думать, что онъ уже былъ въ Севильѣ когда Колумбъ возвратился изъ перваго своего путешествія.

Отецъ Станиславъ Канове, профессоръ математики во Флоренціи, издатель « Описанія жизни и путешествій Америка Веспучія, » говоритъ, что онъ, Веспучій, былъ принятъ королемъ Фердинандомъ въ службу и посланъ

(1) Baudini, *Vita d'Amer. Vespucci.*

съ Коломбомъ во второе путешествіе для открытій. Онъ основываетъ этотъ фактъ на авторитетъ одного мѣста въ Космографіи Себастьяна Мюнстера, изданной въ 1550 году (1); но Мюнстеръ говоритъ, что Веспуччій сопутствовалъ Колумбу *въ первомъ* его путешествіи: слѣдственно ссылка Конове невѣрна; а сказаніе самаго Мюнстера опровергается письмами Веспуччія, въ которыхъ онъ описываетъ энтузіазмъ, возбужденный въ немъ разсказами о новооткрытыхъ странахъ, и нигдѣ не говоритъ, чтобъ онъ участвовалъ въ которомъ нибудь изъ этихъ путешествій, о чемъ, безъ сомнѣнія, онъ не умолчалъ-бы, еслибъ дѣйствительно совершилъ ихъ, и даже описалъ-бы ихъ въ отдѣльномъ сочиненіи.

Первое положительное свѣденіе, которое мы имѣемъ о пребываніи Веспуччія въ Испаніи, относится къ началу 1496 года. Изъ документовъ, сохранившихся въ королевскомъ архивѣ, видно, что онъ былъ агентомъ, или факторомъ, богатаго купеческаго дома Флорентійца Жуанато Бернарди, жившаго въ Севильѣ и заключившаго съ Испанскими государями условіе о снаряженіи трехъ флотилій, каждую въ четыре корабля, для исправленія мѣстной службы въ новооткрытыхъ странахъ. Кажется, онъ былъ однимъ изъ участниковъ въ этомъ подрядѣ дома купцовъ Бернарди

(1) *Cosm. Munst.*, стр. 108.

потому-что когда Жуанато, въ декабрь 1495 года, умеръ, онъ въ январь слѣдующаго года занимался всѣми дѣлами по снаряженію экспедицій и условливался съ судохозяевами обо всемъ, что относилось къ платѣ и продовольствію припасами, сообразно условіямъ, заключеннымъ покойнымъ Жуанато Бернарди. 21 января 1496 года онъ получилъ отъ Бернарда Пинелло, королевскаго казначея, десять тысячъ мараведовъ и продолжалъ заниматься приготовленіемъ всего нужнаго для снаряженія четырехъ карабель, долженствовавшихъ, на основаніи договора между правительствомъ и домою Бернарди, отплыть въ Новый-Свѣтъ. Эти суда подняли паруса 3-го февраля 1496 года, но 18-го были застигнуты бурей и претерпѣли крушеніе; однакожъ весь экипажъ, кромѣ трехъ челоуѣкъ, спасся (1). Въ продолженіе этихъ занятій Америкъ Веспучій необходимо долженъ былъ имѣть частые случаи къ свиданіямъ съ Колумбомъ, съ которымъ онъ повидимому всегда находился въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, по свидѣтельству самаго адмирала въ письмахъ его къ сыну своему, Діэго. Бесѣды съ адмираломъ и личное участіе Веспучія въ снаряженіи экспедицій возбуждали въ немъ желаніе посѣтить

(1) Всѣ эти подробности почерпнуты изъ рукописныхъ извлеченій, сдѣланныхъ изъ документовъ въ королевскомъ архивѣ Мюнносомъ, весьма уважаемымъ историкомъ.

новооткрытыя страны и взять личное участіе въ предпріятіяхъ, составлявшихъ тогда предметъ всѣхъ разговоровъ. Приобретя достаточныя познанія въ географіи и навигаціи, онъ приготовился устремиться на поприще открытій, и въ непродолжительномъ времени исполнилъ свое намѣреніе. Въ 1498 году Колумбъ, во время третьяго своего путешествія, открылъ берегъ Паріи, принадлежащій къ твердой землѣ, но который онъ принялъ за большой островъ, лежащій недалеко отъ обширнаго материка. Онъ послалъ въ Испанію образцы перловъ, найденныхъ имъ на этомъ берегу, и представилъ самое восторженное описаніе сокровищъ, заключившихся, по его предположенію, въ открытой имъ странѣ.

Въ 1499 году экспедиція, состоящая изъ четырехъ кораблей, подъ начальствомъ Алонсо де-Ойеды, отплыла изъ Испаніи къ берегамъ Паріи, руководствуясь въ пути картами и письмами, полученными правительствомъ отъ Колумба. Эти бумаги были даны Ойеды его покровителемъ, епископомъ Фонсекой, главноуправляющимъ дѣлами Индіи, который исходатайствовалъ ему и самое позволеніе предпринять это путешествіе.

Полагаютъ, что Веспучій участвовалъ въ издержкахъ на снаряженіе этой экспедиціи, и отправился съ ней въ моръ на суднѣ, принадлежавшемъ дому Бернарди. Этимъ способомъ онъ приобрелъ право раздѣлять выгоды

и потери предпріятія, потому-что Изабелла, какъ Кастильская королева, строго воспретила всѣмъ иностранцамъ производить торговлю съ ея за-Атлантическими владѣніями, не исключая даже и жителей королевства Арагонскаго.

Эскадра пристала къ Паріи, и прошедъ нѣсколько сотъ миль вдоль ея береговъ, признала ее за твердую землю. Она возвратилась въ Испанію въ іюнь 1500 года, а въ іюль того-же года Америкъ описалъ свое путешествіе и послалъ его къ Лоренсу-ди Пьерь-Франциско де-Медичи, во Флоренцію. Это описаніе оставалось неизвѣстнымъ, въ рукописи, до-тѣхъ-поръ, пока Бандини отыскалъ его и издалъ въ 1745 году.

Какъ въ описаніи этого путешествія, такъ и во всѣхъ другихъ, о разныхъ своихъ экспедиціяхъ, Веспучій нигдѣ не называетъ имени никого изъ лицъ, участвовавшихъ въ однихъ съ нимъ предпріятіяхъ. Онъ означаетъ время своего отъѣзда; говоритъ, что отплылъ въ море съ двумя карабеллами, — вѣроятно, снаряженными имъ или, вѣрнѣе, домою Бернарди, для этой экспедиціи; описываетъ занимательнымъ образомъ свое путешествіе и сношенія съ дикими, — и это описаніе сходствуетъ во многихъ существенныхъ пунктахъ съ отчетомъ о путешествіи, представленнымъ Ойедой и его спутниками

во время одного процесса, о которомъ мы будемъ говорить [ниже](http://litjke.com.cn).

Въ 1501 году Веспучій, оставивъ безъ видимой причины Испанію, вступилъ въ службу Эммануила, короля Португальскаго, и отправился по его приказанію въ экспедицію, во время которой обозрѣлъ Бразильскіе берега. Это путешествіе онъ описалъ во второмъ письмѣ своемъ къ Лоренсо-ди-Пьерь-Франциско де-Медичи, которое, такъ же какъ и первое его письмо, оставалось долгое время въ рукописи и было издано Бартолоччи уже въ 1789 году.

Но объ этомъ путешествіи Америка Веспучія, предпринятомъ по повелѣнію короля Эммануила, не найдено никакихъ свѣдѣній, ни малѣйшаго слѣда, въ государственномъ архивѣ Португаліи, въ Торре до Томбо, въ которомъ дѣланы были многократныя и весьма тщательныя разысканія по этому предмету. Странно также, что имя Веспучія не упоминается Португальскими историками, весьма точными въ означеніи именъ всѣхъ мореплавателей, занимавшихъ важныя мѣста въ ихъ отечествѣ, или оказавшихъ ему значительныя услуги. Совсѣмъ тѣмъ, не подвержено сомнѣнію, что онъ дѣйствительно совершилъ путешествіе около Бразильскихъ береговъ. По смерти Веспучія, племянникъ его, въ объясненіи по какому-то спорному пункту, опре-

дѣляетъ настоящую высоту мыса Св. Августина « по дневнику своего дяди. »

Въ 1504 году Веспучій писалъ къ тому-же Лоренсо де-Медичи третье письмо, въ которомъ онъ излагаетъ уже гораздо пространнѣе подробности этого самаго путешествія, совершеннаго имъ въ Португальской службѣ. И это-то письмо составляетъ первое официальное извѣстіе объ его путешествіяхъ. Кажется, оно было напечатано на Латинскомъ языкѣ въ Страсбургѣ, въ 1505 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Americus Vespucius, de Orbe Antartico per regem Portugalioe pridem invento* (1).

Второе изданіе этого письма было напечатано въ Виченцѣ, въ 1507 году, въ Собраніи Путешествій, изданномъ Францискомъ ди-Монте-Альбоддо, безъ означенія имени автора; а въ 1508 году оно было переведено и издано въ Миланѣ на Италіанскомъ языкѣ, и въ то-же время перепечатано на Латинскомъ, въ одномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: *Itinerarium Portugalensium*. При составленіи этой статьи мы руководствовались Миланскимъ изданіемъ на Италіанскомъ языкѣ (2) и Ла-

(1) Panzer, tom. VI, pag. 35. *Apud Esame critico*, pag. 88, *anotazione* I.

(2) Это рѣдкое произведеніе, котораго одинъ экземпляръ находится у О. Рича, считается древнѣйшимъ « Собраніемъ Путешествій » изъ всѣхъ существующихъ нынѣ въ

тинскимъ переводомъ Сѣмона Гринеуса, помещеннымъ въ его *Novus Orbis*, изданномъ въ Базель въ 1532 году. Означенное письмо Веспучія относится собственно къ первому путешествію его изъ Лиссабона въ Бразилію, въ 1501 году,

Это-то путешествіе Америка Веспучія въ Бразилію дало поводъ думать, что онъ первый открылъ материкъ Новаго-Свѣта, и называть его именемъ — сначала однѣ южныя

печати. Страницы въ немъ не нумерованы, а только восьмые листы намѣчены внизу азбучными буквами. Оно содержитъ въ себѣ древнѣйшее описаніе путешествій Колумба, начиная съ перваго отъѣзда его и до прибытія въ Кадиксъ, въ оковахъ. Письмо Веспучія къ Лоренсо де-Медичи, наполняетъ всю пятую книгу этого маленькаго тома. Говорятъ, подлинникъ «Собранія» написанъ на Испанскомъ языкѣ, но впоследствии нѣкто, по имени Жовкондо, перевелъ его на Италіанскій. Первое изданіе его, по увѣренію нѣкоторыхъ писателей, было напечатано въ Венеціи Альбертомъ Верчеллезе въ 1504 году году. Составленіе «Собранія» приписываютъ Анджели Тривиджани, секретарю Венеціанскаго посольства въ Испаніи, и, кажется, онъ почерпнулъ много подробностей о путешествіяхъ Колумба изъ рукописныхъ «Декадъ» Пьера Мартира, который несправедливо обвиняетъ въ этомъ похищеніи Алоизіуса Кадамосто, котораго путешествіе помещены въ томъ-же Собраніи. Заглавіе этого произведенія: *Libretto di tutta la navigazione del Re de Spagna, delle isole, e terreni nuovamente trovati.*

страны, а потомъ и весь Новый-Свѣтъ. Важность его путешествія весьма преувеличена. Бразилія была уже открыта въ 1500 году Пинсономъ, который взялъ ее формальнымъ образомъ во владѣніе на имя Испанскихъ государей, и въ томъ-же году Педромъ-Альваресъ-Кабралемъ, который занялъ ее именемъ Португальскаго правительства: оба эти обстоятельства были однакожь неизвѣстны Веспучію и его спутникамъ. Новооткрытая страна осталась за Португаліей на основаніи демаркаціонной линіи, проведенной по взаимному соглашенію обѣихъ державъ.

Веспучій совершилъ другое путешествіе, находясь въ Португальской службѣ, въ званіи, какъ онъ гогорить, — начальника каравеллы въ эскадрѣ, состоявшей изъ шести кораблей, снаряженныхъ для открытія Магаги, гдѣ, по слухамъ, находились магазины и большое коммерческое депо между Гангомъ и Индѣйскимъ-Моремъ. Что экспедиція для этой цѣли отправилась въ море около того же времени, подъ начальствомъ Гонсало Цело, это достоверно. По свидѣтельству Веспучія, эскадра подняла паруса 10 мая 1503 года, и пристала къ островамъ Зеленаго-Мыса, въ намѣреніи заготовить тамъ свѣжими припасами и потомъ продолжать путь вдоль береговъ Сьерра-Леоне; но противные вѣтры и морское волненіе не позволили ей сдѣлать высадки на берегъ. Корабли взяли направленіе

на юго-западъ, и пройдя триста миль, вступили въ третій градусъ южной широты, подь которыми открыли необитаемый островъ, мили въ двѣ длиною и около мили шириной. У этого острова, 10-го августа, однимъ неловкимъ маневромъ, адмиралъ ударилъ свой корабль о скалу. Между-тѣмъ какъ прочія суда спасали людей, Америку Веспучію было поручено обойти островъ и отыскать удобную гавань. Онъ отправился на большомъ шлюпѣ съ половиной своего экипажа, потому что остальные люди были посланы на другомъ шлюпѣ на помощь погибающему судну. Веспучій отыскалъ гавань, но тщетно ожидалъ въ ней нѣсколько дней прибытія кораблей. Отплывъ отъ острова, онъ встрѣтилъ одно судно своей эскадры и узналъ отъ него, что адмиральской корабль потонулъ, а прочіе отправились далѣе. На этомъ суднѣ онъ отплылъ къ Бразиліи, сообразно королевскому повелѣнію, данному на случай раздѣленія между собою кораблей въ морѣ.

Прибывъ къ Бразильскому берегу, онъ открылъ славный заливъ Всехъ-Святыхъ и простоялъ въ немъ два мѣсяца, въ ожиданіи эскадры. Потомъ отошелъ на двѣсти шестьдесятъ миль къ югу и пробылъ въ этомъ мѣстѣ пять мѣсяцевъ, построивъ на берегу укрѣпленіе и нагрузивъ корабль Бразильскимъ деревомъ. Послѣ того, оставивъ въ укрѣпленіи гарнизонъ изъ двадцати-четырехъ чело-

вѣкъ съ оружіемъ и припасами, онъ отправился въ Лиссабонъ и прибылъ туда въ іюнь 1504 года (1). Что случилось съ начальникомъ эскадры и четырьмя прочими судами, совершенно неизвѣстно.

Надобно думать, что Веспучій не былъ вознагражденъ Испанскимъ королемъ соответственно своимъ звелугамъ, потому что въ началъ 1505 года мы находимъ его въ Севильѣ на пути къ Испанскому двору, куда онъ ѣхалъ для исходатайствованія себя должности. Онъ везъ съ собою письмо отъ Колумба къ сыну его, Діэго, въ которомъ адмиралъ говоритъ о немъ съ жаромъ, какъ о своемъ другѣ и намѣкаетъ, что онъ претерпѣлъ неудачи. Вотъ это письмо :

« Любезный сынъ !

« Діэго Мендесъ уѣхалъ отсюда въ понедѣльникъ, 5 числа. Послѣ его отъѣзда я разговаривалъ съ Америкомъ Веспучіемъ ; подавателемъ этого письма, который отправляется ко двору по своимъ морскимъ дѣламъ. Счастье ему не поблагопріятствовало, какъ и многимъ другимъ. Труды его не принесли ему той пользы, какой онъ могъ ожидать по справедливости. Онъ ѣдетъ больше для меня, и очень желаетъ сдѣлать въ мою пользу, что будетъ въ силахъ. Здѣсь не могу придумать, чѣмъ онъ

(1) *Письмо Веспучія къ Содерини, или Рене. Изданіе Канове.*

можетъ быть полезенъ мнѣ при дворѣ, потому-что не ~~знаю~~, ~~человѣкамъ~~ можно просить. Поэтому, подумай, что онъ можетъ сдѣлать для меня и объяснись съ нимъ, чтобъ сообразно съ тѣмъ, онъ могъ говорить и дѣйствовать. Но все это должно остаться въ тайнѣ, чтобъ не навлечь на него подозрѣній. Я рассказалъ ему все, что нужно знать ему по этому дѣлу: сколько я получилъ, сколько мнѣ остались должны, и проч. (1).»

Письмо было писано отъ 5 февраля 1505 года. Около этого времени Америкъ Веспуччій получилъ отъ короля Фердинанда грамоту на право гражданства въ Испаніи, и вскорѣ послѣ того онъ и Пинсонъ были назначены капитанами въ одной эскадрѣ, которая отправлялась въ море для торговли пряными кореньями и для открытія новыхъ странъ. Довнынѣ существуетъ еще королевское повелѣніе, данное въ Торо, 11 апрѣля 1505 года, о выдачѣ Америку Веспучцію (Amerigo de Vesputiche), пребывающему въ Севильѣ, двѣнадцати тысячъ мараведовъ «на подъемъ,» по случаю отъѣзда его въ эту экспедицію, для которой были уже сдѣланы всѣ нужныя приготовления и снаряжены суда; но дѣло кончилось тѣмъ, что предпріятіе было оставлено. Документы, относящіеся къ этому дѣлу-сохранились до нашего времени. Они писа,

(1) Navarette, *Collect. Viag.*, tom. 1, page 351.

ны въ 1505, 1507 и 1508 годахъ и доказываютъ, что Америку Веспучій все это время провелъ въ Севиль, въ занятіяхъ по снаряженію эскадры, до самаго того времени, когда ей дано было другое назначеніе; заготовленные для ней вещи и припасы проданы, и всѣ счета сведены. Въ это время онъ получилъ денежное награжденіе въ тридцать тысячъ мараведовъ. 22 мая 1508 года онъ получилъ должность «главнаго лоцмана,» или «генераль-лоцмана» съ жалованьемъ въ семьдесятъ-пять тысячъ мараведовъ въ годъ. Главнѣйшія обязанности его по этому званію заключались въ приготовленіи картъ, въ испытаніи лоцмановъ въ ихъ познаніяхъ, въ надзорѣ за снаряженіемъ экспедицій, и въ назначеніи путей кораблямъ, отплывающимъ въ Новый-Свѣтъ. Кажется, въ этой должности онъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей въ Севиль 22 февраля 1512 года. Вдова его, Марія Коресо, получила пенсію въ десять тысячъ мараведовъ. По смерти Америка Веспучія, «генераль - лоцманомъ» былъ назначенъ, 22 мая 1512 года, племянникъ его, Хуанъ Веспучій, съ жалованьемъ въ двадцать тысячъ мараведовъ. Пьеръ-Мартиръ относится объ этомъ молодомъ человѣкѣ съ большею похвалою. «Молодой Веспучій, говоритъ онъ, «какъ будто получилъ въ наслѣдство отъ «своего дяди точное познаніе всего, что должно знать искусный морской офицеръ;

« онъ весьма свѣдуць въ употребленіи картъ
« и компаса и въ измѣреніи посредствомъ
« квадранта возвышенія полярной звѣзды....
« Веспучій — мой искренній другъ; это весь-
« ма остроумный молодой человекъ; я нахо-
« жу большое удовольствіе въ его бесѣдѣ и
« очень часто приглашаю его къ себѣ. Онъ
« много путешествовалъ около здѣшнихъ бе-
« реговъ и тщательно записывалъ все, что
« видѣлъ (1). »

Веспучій племянникъ исправлялъ должность генераль-лоцмана до самой смерти Фонсеки, покровителя его дяди и всего ихъ семейства; но послѣ кончины епископа, Совѣтъ вскорѣ, и именно въ мартѣ 1525 года, лишилъ его этого мѣста и присвоеннаго ему жалованья. Въ архивѣ « Совѣта о дѣлахъ Индіи » нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣденій о Веспучіѣ.

Вотъ краткій обзоръ всего поприща Американа Веспучія. Теперь остается намъ только разобрать нѣкоторыя спорныя статьи, относящіяся къ его жизни и къ открытіямъ въ Новомъ-Свѣтѣ.

Вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ послѣдней экспедиціи въ Бразилію, Америкъ Веспучій написалъ изъ Лиссабона письмо, отъ 4 сентября 1504 года, содержащее въ себѣ общее обозрѣніе всѣхъ его путешествій. Это письмо составляетъ важнѣйшій документъ

(1) Pierre Martyr, decad. III, lib. V, Англ. переводъ Eden'a.

для предстоящаго разбора, потому что въ немъ одномъ только упоминается о томъ сомнительномъ путешествіи, которое, еслибъ было доказано — утвердило-бы за Веспучциемъ славу открытія твердой земли Новаго-Свѣта. Кажется, это письмо было писано на Латинскомъ языкѣ къ Рене, герцогу Лотарингскому, принявшему впоследствии титулъ короля Сицилійскаго и Иерусалимскаго. Достоверно только то, что первое известное изданіе этого письма напечатано на Латинскомъ языкѣ въ Сень-діэсъ, въ Лотарингіи, въ 1507 году. Одинъ экземпляръ его найденъ въ Ватиканской библіотекѣ (N 9,688) аббатомъ Канцельери. При составленіи этой статьи мы соображались съ Латинскимъ письмомъ, перепечатаннымъ въ *Novus Orbis*, Гринеуса, изданномъ въ Базель въ 1532 году. Оно содержитъ въ себѣ занимательное описаніе четырехъ путешествій, Америка Веспучія, которыя, по его словамъ, совершилъ онъ въ Новый-Свѣтъ. Въ предисловіи онъ извиняется передъ королемъ Рене, что осмѣливается обращать его вниманіе на старинную дѣтскую пріязнь ихъ, — на то время, когда они учились вмѣстѣ начальнымъ основаніемъ наукъ подъ руководствомъ его дяди; и прибавляетъ, что если это описаніе, которое онъ посвящаетъ ему, не понравится его величеству, то ему останется сказать въ оправданіе тоже, его сказалъ Плиній Меце-

нету: «что эти бездѣлки забавляли его въ свое время (1)» www.libtool.com.cn

Далѣе, въ томъ-же предисловіи, онъ увѣдомляетъ Рене, что пріѣхаль въ Испанію по коммерческимъ дѣламъ, и испытавъ въ ней различныя перемѣны въ состояніи, неразлучныя съ торговыми предпріятіями, рѣшился наконецъ отказаться отъ нихъ и обратитъ свои занятія къ предметамъ болѣе возвышеннымъ. Утвердясь въ этомъ намѣреніи, онъ составилъ для себя планъ дѣйствій, по которому располагалъ — прежде всего посѣтить разныя страны свѣта и осмотрѣть заключающіяся въ нихъ чудеса. Время и мѣсто благопріятствовали этому намѣренію, потому что король Фердинандъ въ самое то время снаряжалъ четыре корабля для открытія новыхъ странъ на Западъ, и назначилъ его въ составъ этой экспедиціи. «Мы подняли паруса, говоритъ онъ, въ Кадиксъ, 20 мая 1497 года; переплыли Великій-Океанъ, и въ полтора года путешествія открыли множество земель и несчетное число острововъ,

(1) Здѣсь очевидная ошибка. Плиній жилъ въ царствованіе Траяна, а Меценатъ — при Августѣ. Слѣдственно Плиній не могъ относиться къ Меценату. Надобно думать, что Америкъ Веспучій намѣкаетъ на слѣдующіе стихи Катула, писанныя имъ къ Корнелію Непоту:

..... Namque tu solebas
Meas esse aliquid putare pigas.

большую часть обитаемых и вовсе неизвестных Старому Свету.»

Копія съ этого письма на Италіянскомъ языкѣ была, какъ говорятъ, послана въ тоже время къ Петру Содерини, бывшему впоследствии «знаменоносцемъ» Флоренціи. Нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 1502, году, оно было издано въ Италіи, подъ заглавіемъ: *Lettera de Amerigo Vespucci delle isole nuovamente trovate in quattro suoi viaggi*. Мы читали Италіянское изданіе этого письма, помѣщеннаго въ «Собраніи» отца Станислава Канове, о которомъ мы уже упоминали,

Одинъ Италіянскій писатель утверждаетъ, что письмо Веспучія было писано собственно къ Содерини, и что Лотарингскій издатель, по ошибкѣ или желая польстить королю Рене, перемѣнилъ адресъ на его имя, вовсе не замѣчая, что воспоминаніе о старинной дружбѣ, относившееся къ Содерини, становилось неприличнымъ въ письмѣ къ монарху. Авторъ, который сдѣлалъ это замѣчаніе, едва-ли читалъ предисловіе Латинскаго изданія, въ которомъ слова: «ваше величество» встрѣчаются безпрестанно, и гдѣ употреблено выраженіе: «знаменитый государь.» Должно замѣтить также, что это письмо было напечатано сначала въ Лотарингіи, и потому невѣроятно, чтобъ издатель позволилъ себѣ подобную вольность съ именемъ своего государя. Остается только узнать, писалъ-ли

Веспучій одно и тоже письмо къ королю Рене и къ Содерини, **которые** оба воспитывались вмѣстѣ съ нимъ, или къ послѣднему онъ послалъ только копію съ письма своего къ королю. Адрессъ Содерини могъ быть выставленъ Италіянскимъ издателемъ по ошибкѣ, тѣмъ болѣе, что оба эти изданія печатались безъ надзора Веспучія.

Путешествіе, о которомъ упоминается въ этомъ письмѣ, совершенное будто-бы въ 1497 году, составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ спорныхъ пунктовъ. Многіе рѣшительно утверждаютъ, что этого путешествія никогда не бывало, и что первая экспедиція Веспучія къ берегамъ Парія — та самая, которою начальствовалъ Ойеда въ 1499 году. Въ шканечныхъ журналахъ эскадры, сохранившихся въ архивѣ «Индѣйскихъ дѣлъ», въ Севильѣ, и рассмотрѣнныхъ нами съ большимъ тщаніемъ, не найдено ни малѣйшаго свѣденія о подобномъ путешествіи, — ни одного документа, который-бы относился къ нему. Кромѣ-того, знающіе основательно законы Испаніи, относящіяся къ подвластнымъ ей колоніямъ, говорятъ, что начальство надъ эскадрой, которое приписываетъ себѣ Веспучій, не могло быть поручено иностранцу, не имѣвшему высочайшей грамоты на гражданство въ Кастильскомъ королевствѣ, — а такая грамота дана ему не прежде какъ уже въ 1505 году, въ видѣ предварительной мѣ-

ры для назначенія его, вмѣстѣ съ Пинсономъ, начальникомъ экспедици.

Изъ этого заключаютъ, что описаніе Веспущія о своемъ путешествіи 1497 года, нечто иное какъ басня, которую онъ выдумалъ въ намѣреніи присвоить себѣ славу открытія Парии; или, вѣроятнѣе, что онъ раздѣлилъ путешествие, дѣйствительно совершенное имъ съ Ойедой въ 1499 году, — извлекъ изъ него нѣкоторые обстоятельства, украсилъ ихъ, прибавилъ описаніе разныхъ странъ и народовъ, и давъ всему этому правдоподобный видъ, представилъ какъ отчетъ въ отдѣльномъ путешествіи, въ которое будто-бы онъ отправился изъ Испаніи въ 1497 году, съ тою цѣлью, чтобъ заставить приписать себѣ первое открытіе Парии.

Въ подкрѣпленіе этого обвиненія указываютъ еще на разныя сходныя мѣста означеннаго путешествія, которое относитъ Веспущій къ 1497 году, съ другимъ, 1499 года, описаннымъ въ первомъ его письмѣ къ Лаврентію де-Медичи. Эти сходства находятъ въ описаніи посѣщенныхъ имъ мѣстъ, свиданій и сраженій съ туземцами и въ числѣ дикихъ, привезенныхъ въ Испанію и проданныхъ въ неволю.

Но достовѣрность этого путешествія подвергаютъ еще сильнѣйшему испытанію. Около 1508 года донъ-Діэго, сынъ и наслѣдникъ Колумба, вступилъ въ процессъ съ Испанскимъ

правительствомъ о правѣ на управленіе нѣкоторыми областями твердой земли Новаго Свѣта и начастъ доходовъ, которые съ нихъ получались, сообразно условіямъ, заключеннымъ отцемъ его съ монархами. Выгоды правительства ебовали доказать, что Парія и Жемчужные-Острова открыты не Коломбомъ: очевидно, что въ нитакоемъ случаѣ притязанія его наслѣдника уничтожились-бы сами собою.

Въ продолженіе этого процесса, въ 1512 и 1513 годахъ, были призваны въ « Казенный-Судъ » (*la cour du fisc* свидѣтели и допрошены подъ присягой около ста человекъ, въ томъ числѣ Алонсо де-Ойеда, приставшій къ берегамъ Паріи спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Коломба. Показанія этихъ свидѣтелей существуютъ и понынѣ въ « Индѣйскомъ архивѣ, » въ Севильѣ, въ числѣ бумагъ адмирала донъ-Людовика Коломба, составлявшихъ часть дѣлопроизводства по тяжбамъ его съ 1515 по 1564 годъ за сохраненіе своихъ преимуществъ. Мы имѣемъ передъ глазами двѣ разныя копіи съ этихъ допросовъ: одну снятую историкомъ Мюнносомъ; другую, списанную въ 1826 году и засвидѣтельствованную дономъ Тотте дела-Гигуэра-и-Лара, смотрителемъ « государственнаго архива Индѣйскихъ дѣлъ » въ Севильѣ. Изъ нихъ ясно обнаруживается, что Америкъ Веспучій въ 1499 году сопровождалъ Ойеду въ его путешествіи въ Новый-Свѣтъ, — во-первыхъ по показа-

нію самого Ойеды, въ которомъ сказано : «Въ это путешествіе упомянутого свидѣтеля, были взяты имъ Іоаннь де-ла-Коса и Мориго Веспучій (Америкъ Веспучій) и другіе лоцманы (1).» Вторымъ доказательствомъ служить сходство многихъ мѣстъ описанія Веспучія съ нѣкоторыми обстоятельствами того же путешествія Ойеды. Одно изъ нихъ въ особенности поразительно. Веспучій, въ письмѣ своемъ къ Лаврентію Медичи, и въ другомъ къ Рене, или Содерини, говоритъ, что суда его, по отплытіи отъ береговъ твердой земли, пристали къ Испаніюль и пробыли тамъ два съ половиною мѣсяца, запасаясь свѣжими припасами; и въ это время, прибавляетъ онъ, мы встрѣтили много затрудненій и подвергались разнымъ опасностямъ даже отъ самыхъ христіанъ, находившихся на этомъ островѣ съ Коломбомъ (что происходило, какъ я полагаю, отъ зависти) (2).

(1) En este viage que este dicho testigo hizo trajo consigo a Juan de la Cosa, piloto, y Morigo Vespuche y otros pilotos.

(2) Por la necessita del mantenimiento fummo all' isola d'Antiglia (Hispaniola) che aquestà che discoperse Cristoval Colombo più anni fa, dove facemmo molto mantenimento e stemmo due mesi e 17 giorni, dove passamo molti pericoli e travagli con li medesimi cristiani che in questa isola stavanno col Colombo (eredo per invidia).

(Письмо Веспучія, изд. Канове).

Извѣстно, что Ойеда простоялъ нѣсколько времени у западной оконечности Испаніи, для снабженія своихъ судовъ съѣстными припасами, и что между его людьми и отрядомъ Рольдана, высланнаго Колумбомъ для наблюденія за его движеніями, вышли важныя несогласія. И такъ, если Веспучій, какъ это показано псдъ присягой, дѣйствительно сопровождалъ Ойеду въ путешествіи 1499 года, то необходимо должно заключить, что путешествія его 1497 года вовсе не было: иначе оно было-бы извѣстно Ойедѣ, который объявилъ-бы Веспучія первымъ виновникомъ этого открытія, не имѣя никакой причины оспаривать у него право на его заслугу и приписывать ее Колумбу, которому онъ вовсе не доброхотствовалъ. Но Ойеда объявилъ положительнымъ образомъ, что берегъ Парія открытъ Колумбомъ; и когда его спросили, почему онъ это знаетъ, онъ отвѣчалъ, что видѣлъ карту, присланную Колумбомъ къ королю и королеви, и отправясь вслѣдъ за тѣмъ въ путешествіе для открытій, удостовѣрился на мѣстѣ, что все означенное на ней адмираломъ въ видѣ новыхъ открытій, совершенно вѣрно (1).

(1) Preguntado como lo sabe, dijo que lo sabe porque vió este testigo la figura que el dicho almirante al dicho tiempo envió a Castilla al rey y reina nuestros señores de lo que había descubierto, y porque este testigo luego vino á descub-

Другой свидѣтель, Бернардо де-Гаро, показалъ, что онъ лично сопутствовалъ адмиралу во время открытія Паріи и писалъ (или, точнѣе, переписывалъ) письмо Колумба къ королю и королевѣ, означая на приложенной къ нему картѣ весь путь, по которому они плыли къ ней, и сверхъ-того слышалъ, что съ этой самой карты были здѣланы снимки, которыми руководствовались Педро Алонсо, Нинно, Ойеда и многіе другіе мореходцы, посѣщавшіе этотъ берегъ впоследствии (1).

Франсуа де-Моралесъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ и вмѣстѣ изъ самыхъ праводушныхъ лоцмановъ, объявилъ, что онъ видѣлъ морскую карту, составленную Колумбомъ, и думаетъ, что она служила руководствомъ всѣмъ мореходцамъ.

И много другихъ свидѣтелей, допрошен-

rir y halló que era verdad lo que dicho tiene que el dicho almirante descubrió. (*Процессъ дона Діэго Колона, pregunta 2, MS.*)

(1) Este testigo escribió una carta que el almirante escribiera al rey y reina nuestros señores haciéndoles saber las perlas y cosas que había hallado, y le envió señalado con la dicha carta en una carta de marear, los rumbos y vientos por donde había llegado á la Paria, y que este testigo oyó decir como por aquella carta se habían hecho otras ó por ellas habían venido Pedro Alonzo, Merino (ninno) y Ojeda, y otros que despues han ido á aquellas partes.

(*Процессъ дона Діэго Колона, pregunta 9, MS.*)

ныхъ въ этомъ дѣлѣ, показали единогласно, что берегъ Паривъ открытъ прежде всѣхъ Колумбомъ. Ласъ-Касасъ принялъ на себя трудъ сосчитать ихъ, и говорить, что этотъ фактъ доказанъ двадцатью пятью *очевидными* свидѣтелями и шестьюдесятью, основывавшими свои показанія на слухахъ. Многіе свидѣтели объявили также, что южный берегъ Паривъ, также какъ и простирающійся на западъ, къ острову Маргаритъ, до Венецуэлы, которыхъ открытіе Веспучій относитъ къ 1497 году и приписываетъ себѣ, открыты Ойедой, до котораго не приставалъ къ нимъ ни адмиралъ, ни кто-либо другой изъ христіанъ.

Алонсо Санчесъ де-Карвайаль говорить, что всѣ путешествія для открытій, предпринимаемыя къ твердой землѣ Новаго - Свѣта, были совершены тѣми людьми, которые — или сопутствовали адмиралу, или воспользовались его наставленіями и совѣтами, слѣдовали проложенными имъ путями (1). То-же утвердили и многіе лодманы и опытнѣйшіе мореходцы.

(1) Que en todos los viages que algunos hicieron descubriendo en la dicha tierra que hubieran navegado conel dicho almirante y á ellos mostró muchas cosas de marear, y ellos por imitacion é industria del dicho almirante las aprendia y aprendieron à seguyendo algo que el dicho almirante los habia mostrado, hicieron los viages que descubrieson en la tierra firme.

(Процессъ дона Діэго Колона, pregunta 10, MS.)

Странно было-бы предположить, что ни одинъ изъ всѣхъ этихъ свидѣтелей, изъ которыхъ многіе должны были участвовать въ путешествіи Веспучія къ берегамъ Парии (еслибъ оно дѣйствительно было совершено имъ), не знали, что онъ открылъ и обозрѣлъ эти берега еще за два года до Колумба. Но допустимъ, что они не знали этого: въ такомъ случаѣ онъ скрывалъ отъ нихъ свое открытіе. Это уже вовсе не естественно. Веспучій говорить, что онъ отплылъ въ свое путешествіе въ 1497 году на четырехъ карабеллахъ, возвратился изъ него въ октябрь 1498 года, и снова отправился, съ двумя карабеллами, въ маѣ 1499 года (время отплытія Ойеды): слѣдственно многіе изъ его людей должны были участвовать въ обѣихъ этихъ экспедиціяхъ. Кромѣ-того, почему Ойеда и другіе лоцманы руководствовались картами Колумба, если съ ними находился челѣвкъ, который, при столь глубокихъ познаніяхъ въ мореплаваніи, обладалъ еще практическимъ знаніемъ того самаго берега, къ которому было направлено путешествіе и который онъ обозрѣлъ такъ недавно? И почему ни одинъ изъ лоцмановъ не упомянулъ ни слова при показаніи — именно о путешествіи и открытіяхъ Веспучія, между-тѣмъ какъ они не упустили ни одного мореплавателя, ни одного путешественника, который открылъ хотя какую-нибудь страну? Мы не видимъ даже ни одного

мореходца, который-бы показалъ, что онъ со-
путствовалъ Веспучцо въ его мнимомъ путе-
шествіи.

Другое обстоятельство сильно возстаетъ
противъ дѣйствительности этого путешествія:
именно — упущеніе его изъ виду со сторо-
ны правительства во время процесса съ нимъ
наслѣдниковъ Коломба, какъ доказательства,
могущаго ниспровергнуть ихъ притязанія.
Веспучцій говоритъ, что оно было предпри-
нято съ дозволенія и подъ покровительствомъ
короля Фердинанда: слѣдственно оно было
дѣломъ гласнымъ, государственнымъ. Въ 1508
году, когда начался процессъ, и въ продолже-
ніе четырехъ послѣдующихъ годовъ, Веспе-
учцій жилъ въ Севильѣ, состоя въ Испанской
службѣ и получая отъ правительства жало-
ванье: невозможно, чтобъ правительство не
воспользовалось свидѣтельствомъ лоцмановъ
и экипажей, сопутствовавшихъ ему въ этой
экспедиціи, потому-что еслибъ дѣйствитель-
ность его путешествія была доказана, дѣло
о Паріи тотчасъ-же кончилось - бы въ его
пользу; но Веспучцій, сколько извѣстно, во
всю свою жизнь ни одного разу не былъ
требованъ для свидѣтельства, и въ 1512 и
1513 годахъ, при снятіи допросовъ въ «Ка-
зенномъ - Судѣ,» ни онъ, ни одинъ изъ его
спутниковъ, не были призваны для пока-
заній; даже не было и въ поминъ этого пу-
тешествія, столь важнаго, само по себѣ, и

столь существенно необходимаго для рѣшенія спорнаго дѣла, между-тѣмъ какъ судьи истощались въ бесполезныхъ усиліяхъ — извлечь доказательства изъ путешествія Ойеды, совершеннаго деумя годами позже.

Примѣчательно еще одно обстоятельство. Веспучій начинаетъ первое письмо свое къ Лаврентію Медичи, писанное въ 1500 году, спустя мѣсяць послѣ возвращеніи его изъ дѣйствительнаго своего путешествія къ берегамъ Паріи, — извиненіемъ въ долгомъ молчаніи, говоря, что съ нимъ не случилось ничего особеннаго, о чемъ-бы стоило рассказывать (*e gran tempo die non ho scritto a vostra magnificenza, e non lo a causato altra cosa nessuna, salvo non mi essere accorso cosa degna di memoria*). Потомъ онъ описываетъ ему въ живыхъ картинахъ чудеса, видѣнныя имъ въ путешествіи, изъ котораго онъ только-что возвратился. Какъ онъ могъ-бы сказать, что съ нимъ не случилось ничего важнаго, еслибъ онъ провелъ восемнадцать мѣсяцевъ, въ 1497 и 1498 годахъ, въ путешествіи въ новооткрытомъ свѣтъ? Не менѣе странно и то, что онъ въ цѣломъ письмѣ не упоминаетъ объ этомъ путешествіи ни одного слова.

Мы старались разобрать этотъ вопросъ совершенно безпристрастно, — и взвѣсивъ тщательно факты и доказательства, представляемые обѣими сторонами, не можемъ противиться убѣжденію, что путешествія, относи-

маго къ 1497 и 1498 годамъ, никогда не бывало, и что Веспучій не имѣеть нималяйшаго права на славу открытія береговъ Парій.

Этотъ вопросъ чрезвычайно затруднителенъ тѣмъ, что невозможно открыть достаточныхъ причинъ, подавшихъ поводъ къ столь грубой лжи. Въ то время, когда Веспучій писалъ письма о своемъ мнимомъ путешествіи, никто не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ открытіи твердой земли Колумбомъ въ первое его путешествіе, потому-что Кубу всѣ почитали западною оконечностью Азіи, до самаго того времени, когда она въ 1508 году была обойдена вокругъ. Быть-можетъ, Веспучій предполагалъ, что Бразилія, Парія и остальная часть того берега принадлежать къ отдѣльному материку, и пожелалъ присвоить себѣ славу открытія этого материка. Увѣряють, что по возвращеніи изъ Бразиліи, онъ составилъ морскую карту, въ которой назвалъ всю осмотрѣнную имъ часть твердой земли — своимъ именемъ; но это не совсѣмъ доказано. Съ большею вѣроятностью можно заключить, изъ его-же собственнаго отчета о своихъ путешествіяхъ, что имъ его было дано этой части материка не имъ, а другими (1).

(1) И это подтверждается Латинскимъ произведеніемъ, на которое мы уже ссылались, изданномъ въ Сень-Дисѣ, въ Лотарингіи, въ 1507 году, и содержащемъ въ себѣ письмо Веспучія къ королю Рене. Тамъ, послѣ разсужде-

Странно, что Фернандо, сын Колумба, в жизнеописании отца своего, не укоряет Веспучия в намерении похитить у адмирала славу его открытия. Геррера, первый, обвиняет в своей «Истории Индии» Веспучия в несправедливом присвоении чужаго открытия; но приверженцы послѣдняго укоряют этого историка в томъ, что онъ основалъ свои обвиненія на однихъ своихъ догадкахъ. Но въ самомъ дѣлѣ Геррера повторилъ только то, что нашелъ въ Ласъ-Касасъ, который прочиталъ всѣ судебные акты «Казеннаго-Суда» и открывъ въ нихъ доказательства явнаго обмана, исполнился негодованія противъ Веспучія.

Нѣкоторые полагаютъ, что Веспучій выдумалъ эту басню въ то время, когда искалъ мѣста въ Испанскихъ колоніяхъ, съ тою цѣлью, чтобъ приобрести благосклонность епископа Фонсеки, который покровительствовалъ всему, что только могло вредить Колумбу, и въ доказательство приводятъ, что Веспучій и вся его фамилія постоянно пользовались покровительствомъ Фонсеки. Но это обвиненіе слишкомъ слабо: не видно, чтобъ епископъ въ какомъ-либо случаѣ старался воспользо-

нія о трехъ частяхъ свѣта, Европѣ, Азіи и Африкѣ, авторъ предлагаетъ назвать четвертую — *Amerige*, или *America*, именемъ Веспучія, которому онъ приписываетъ ея открытіе.

ваться этой ложью. Быть-можетъ, ложность этого дѣла можно объяснить не подвергая нареканію правдивости Веспучія, приписавъ ее, напримѣръ, ошибкѣ какого-нибудь издателя, или торопливости книгопродавца, который перебилъ отдѣльные матеріалы, составляя изъ нихъ твореніе, удовлетворявшее господствующему вкусу публики, подобно тому, какъ сдѣлалъ Тривиджіани съ рукописями Пьера Мартира. Въ разныхъ изданіяхъ писемъ Веспучія находятся самыя грубыя невѣрности и противорѣчія въ числахъ, что очевидно должно отнести къ неисправности издателей, старавшихся болѣе о поспѣшности чѣмъ о тщательности своихъ изданій. Многія изъ этихъ погрѣшностей были исправлены критическими замѣчаніями новѣйшихъ писателей, которые помѣщали ихъ въ своихъ сочиненіяхъ (1). Таже неисправность въ

(1) Въ примѣръ такихъ погрѣшностей можно привести одно обстоятельство изъ письма Америка Веспучія къ королю Рене, помѣщеннаго Гринеусомъ въ его *Novus Orbis*, 1532. Въ этомъ письмѣ Веспучій говоритъ, что онъ отправился изъ Кадикса 20-го мая 1497 года, пробылъ въ морѣ восемнадцать мѣсяцевъ и возвратился въ Кадиксъ 15 октября 1499 года: что составляетъ двадцать девять мѣсяцевъ отсутствія. Время отъѣзда своего изъ Кадикса во второе путешествіе онъ опредѣляетъ 11-мъ мая 1489 года. Слѣдственно, основываясь на этомъ увѣдомленіи, второе путешествіе его предшествовало первому восемью годами.

изданіяхъ, которая произвела всѣ эти ошибки, могла **быть** **то** **причиной** и запутанности всего путешествія, составленнаго изъ писемъ Веспудія съ примѣсю извѣстій, сообщенныхъ другими путешественниками. Впрочемъ, мы предлагаемъ эту мысль только какъ средство объяснить то, что кажется въ этомъ дѣлѣ явную ложью, въ которой намъ неприятно обвинять человека подобнаго Веспудію, — отличавшагося столь здравымъ смысломъ и личными достоинствами и пользовавшагося уваженіемъ современниковъ.

Наконецъ все это дѣло возбуждаетъ только одно любопытство, не заключаая въ себѣ дѣйствительной важности, — хотя оно и принадлежитъ къ числу тѣхъ сложныхъ спорныхъ вопросовъ, о которыхъ ученые до тѣхъ-поръ пишутъ огромные томы, пока предметъ не приобрететъ искусственной важности самую сложностью и обширностью ихъ преній, подъ которыми онъ наконецъ совершенно исчезаетъ. Флорентійскіе ученые разбираютъ этотъ вопросъ какъ предметъ народной гордости и стараются, наперерывъ

Если даже замѣнить 1489 годъ 1499-мъ, все еще отъѣздъ Веспудія во второе путешествіе будетъ пятью мѣсяцами раньше возвращенія его изъ перваго. Канове, въ своемъ изданіи, перемѣняетъ число его возвращенія изъ перваго путешествія, и самое это событіе относитъ къ 1498 году, чтобъ приладить все это къ восемнадцати мѣсяцамъ.

одни передъ другими, выказать патриотическое усердіе оправданіемъ отъ всякаго нареканія добраго имени своего знаменитаго соотечественника: усердіе весьма похвальное, если только оно удерживается въ надлежащихъ границахъ; но, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ защитниковъ Веспудія до того увлеклись духомъ пренія, что дѣлали попытки очернить память Коломба и поколебать его колоссальную и столь справедливо приобретенную славу, вовсе не замѣчая того, что самое низложеніе ея не могло-бы нисколько послужить въ пользу Веспудія. Эти поступки, не принося чести ни ихъ разборчивости, ни великодушію, вредятъ только собственному ихъ дѣлу и оскорбляютъ мнѣніе цѣлаго человѣчества, которое смотритъ съ отвращеніемъ на легкомысленныя или грубыя выходки противъ именъ подобныхъ Колomboву, вырывающіяся въ литературныхъ ссорахъ. Это имя принадлежитъ исторіи цѣлаго человѣчества, всему свѣту, — а не городу, не государству, не народу.

Впрочемъ, люди, способные оцѣнить надлежащимъ образомъ заслугу Коломба, не должны думать, чтобъ рѣшеніе этого вопроса касалось сколько-нибудь его славы. Онъ ли первый открылъ берега Парія, или другой кто — это ничего не значитъ: этотъ вопросъ могъ быть важенъ только для личныхъ выгодъ его наслѣдниковъ, потому-что отъ его

рѣшенія зависѣло пріобретеніе или утрата ихъ власти и доходовъ въ этой странѣ; но на знаменитость адмирала онъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія. По настоящему, первый Европеецъ, приставшій къ берегамъ твердой земли Новаго - Свѣта, былъ, по всѣмъ вѣроятностямъ; Себастьянъ Кабо, Венеціанскій уроженецъ, находившійся въ Англійской службѣ, который въ 1497 году плавалъ вдоль береговъ материка отъ Лабрадора до Флориды. И однакожь, ни Англичане, ни Венеціанцы, не объявляютъ по этому предмету никакихъ притязаній. Слава Колумба объемлетъ открытіе западнаго материка въ цѣлости; другіе могутъ объявлять претензіи только на части, — и въ этомъ отношеніи Веспучій стоитъ на ряду съ Яннесомъ Пинсономъ, съ Бастидомъ, Ойедой, Кабо и множествомъ другихъ второстепенныхъ мореплавателей, предпринимавшимъ путешествія по его слѣдамъ. Колумбъ, приставъ къ берегамъ западнаго полушарія, совершилъ свое предпріятіе, — выполнилъ все, что было нужно для его славы: великая задача разрѣшилась — Новый-Свѣтъ былъ открытъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10.

МАРТИНЪ АЛОНСО ПИНСОНЪ.

Во время процесса дона Діэго, сына и преемника Коломба, съ Испанскимъ правительствомъ, было сдѣлано слабое покушеніе унижить заслуги Коломба и приписать успѣхъ его великаго предиріятія смѣтливости и рвенію Мартина Алонсо Пинсона.

Аріа Пересъ Пинсонъ, сынъ Мартина Алонсо, объявилъ передъ Судомъ, что находясь однажды съ отцомъ своимъ по торговымъ дѣламъ въ Римъ, еще до открытія Нового Свѣта, они часто бесѣдовали съ однимъ человекомъ, обладавшимъ глубокими познаніями въ космографіи, который находился на службѣ папы Иннокентія VIII, и что этотъ человекъ показывалъ имъ въ папской библіотекѣ много рукописей, изъ которыхъ въ одной отецъ его нашель сказаніе историка временъ Соломоновыхъ о неизвѣстныхъ странахъ, заключающее въ себѣ эти слова: «Плы-

«ви по Средиземному-Морю до конца Испаніи, а оттуда ~~на~~ ~~за~~ ~~каты~~ ~~солнца~~, держа путь между сѣверомъ и югомъ, до девяностопятаго градуса: и найдешь тамъ страну Чипанго, весьма плодоносную и изобильную, величиною съ Африку и Европу вмѣсть.» Аріа Пинсонъ присокупилъ къ своему показанію, что отецъ его привезъ изъ Рима копию съ этой рукописи, въ намѣреніи отправиться на поискъ указанной страны, и часто собирався предпринять это путешествіе; наконецъ, когда Коломбъ пріѣхалъ въ Палось съ своимъ проэктомъ открытія, онъ показалъ ему эту рукопись, чѣмъ сильно утвердилъ адмирала въ принятомъ имъ намѣреніи, и кромѣ того далъ ему денегъ, чтобъ онъ могъ представиться ко двору и предложить тамъ свой планъ. По всей вѣроятности, рукопись, о которой Аріа Пинсонъ сообщилъ Суду столь неопредѣленное извѣстіе, съ памяти, было не что иное — какъ повѣствованіе Марко-Поло, уже читанное Коломбомъ, и къ которому были прибавлены разныя догадки на счетъ Офира и Тарсиса и путешествій, совершенныхъ кораблями Соломона. Позволительно даже думать, что Мартинъ Алонсо Пинсонъ отправился въ Римъ тогда уже какъ умъ его былъ воспламененъ бесѣдами съ Коломбомъ въ Равидскомъ монастырѣ, — хотя Аріа и утверждалъ, что рукопись была сообщена Коломбу въ первое его прибытіе въ Палось.

Многіе свидѣтели единогласно показали, что Мартинъ Алонсо Пинсонъ сильно содѣйствоваль Колумбу въ снаряженіи кораблей и наборѣ экипажей, и одинъ изъ нихъ, по имени Франсиско Гарсія Валлего, прибавиль, что безъ содѣйствія Мартина Пинсона и его родственниковъ и друзей, адмираль не могъ-бы отплыть въ море, потому-что никто не захотѣлъ-бы ему вѣрится, еслибъ Пинсонъ изъ усердія къ пользѣ и славы своихъ государей не склонилъ брата своего, Винцента Яннеса; сына, означеннаго Арію, и другихъ сопутствовать Колумбу, и что по его только убѣжденію и онъ, свидѣтель Валлего, согласился принять участіе въ этомъ путешествіи.

Тотъ-же Арія, сынъ Пинсона, и Франсиско Гарсія Валлего, другъ его, утверждали, что адмираль, прошедь около семи или восьми сотъ миль разстоянія на западъ и не встрѣтивъ земли, готовъ былъ возвратиться въ Испанію, особенно когда экипажъ его корабля началъ угрожать возмущеніемъ; но что Мартинъ Алонсо удержаль его отъ этого намѣренія и подкрѣпиль его бодрость. Мужество и упорное постоянство, составлявшія отличительныя черты характера Колумба и «Дневникъ» его, веденный изо дня въ день, — слишкомъ достаточны для опроверженія этого обвиненія, которое приверженцы Пинсона не упустили-бы доказать бо-

лве удовлетворительнымъ образомъ, еслибъ оно было справедливо.

Впрочемъ, не подвержено сомнѣнію, что Мартинъ Пинсонъ былъ искусный и способный мореплаватель; что онъ съ усердіемъ одобрилъ великій проэктъ открытія, сообщенный ему Коломбомъ, и оказалъ ему существенныя услуги при снаряженіи кораблей, назначенныхъ съ нимъ въ экспедицію; что во все продолженіе перваго путешествія Коломба, до открытія земли, онъ оказывалъ столько же твердости какъ и усердія къ дѣлу; еодѣйствовалъ адмиралу въ укрощеніи ропота экипажа и ободрялъ его, и что не прежде какъ уже по открытіи земли, когда блестящая перспектива быстраго обогащенія представилась его глазамъ, корыстное чувство пробудилось въ его душѣ и заставило его забыть долгъ повиновенія, столь необходимый для успѣха всякаго предпріятія и столь существенно важный въ подобной экспедиціи, необыкновенной и трудной.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11.

СЛУХИ, ПОСЫВШИЕСЯ О ЛОЦМАНЪ, УМЕРШИИ ВЪ ДОМЪ КОЛОМБА.

Въ числѣ множества покушеній завистниковъ Коломба — помрачить его славу, въ особенности замѣчательно одно, сдѣланное въ намѣреніи похитить у него всю честь его открытія. Враги его распустили слухъ, что онъ узналъ о существованіи земель на западѣ отъ одного лоцмана, занесеннаго однажды сильнымъ восточнымъ вѣтромъ въ ту часть Океана, и который, по возвращеніи въ Европу, умеръ въ домѣ Коломба, оставивъ послѣ себя карты и журналъ своего путешествія, послужившія Колумбу указателями при его открытіяхъ.

Овидо, современникъ Коломба, первый упоминаетъ объ этой баснѣ въ своей *Истории Индии*, изданной въ 1535 году, и говорить объ ней, какъ о неосновательномъ слухѣ, носившимся въ народѣ.

Фернандъ Лопезъ де Гомара, въ своей

Индійской Исторіи, изданной въ 1552 году, первый www.libtoul.com.cn обращаетъ его въ формальное обвиненіе противъ Коломба. Онъ повторяетъ этотъ слухъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, очевидно основываясь на Овидо, но не опровергая его, подобно этому историку. Онъ говоритъ, что объ отечествѣ и имени лоцмана никто ничего не зналъ; что одни полагали, что онъ былъ Андалузецъ, занимавшійся крейсерствомъ между Канарійскими-Островами и Мадерой; другіе — что Бискаецъ, торговавшій съ Франціей и Англійей; иные наконецъ — что Португалецъ, путешествовавшій между Лиссабономъ и Миной, на Гвинейскомъ берегу; и прибавляетъ, что даже неизвѣстно, куда онъ отправилъ свою каравеллу: въ Португалію-ли, Мадеру, или къ которому-нибудь изъ Азорскихъ-Острововъ.

Распустившіе этотъ слухъ соглашались только въ одномъ — что онъ умеръ въ домѣ Коломба, и Гомара прибавляетъ, что это обстоятельство внушило Колумбу мысль предпринять путешествіе къ новымъ странамъ (1). Первые и современные Колумбу историки, сообщающіе намъ свѣденія о немъ самомъ и объ его путешествіяхъ, — именно: Сабеликусъ, Пьеръ Мартиръ, Джіустиніани, Бернальдосъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Лось Палаціоссаго патера, Ласъ-Касасъ,

(1) Gomara, *Hist. del Ind.*, cap. 14.

Фернандо, сынъ адмирала, и неизвѣстный авторъ «Путешествія Колумба,» переведеннаго на Латинскій и Италіянскій языки Мадруганомъ (1), — ни слова не упоминають объ этомъ слухѣ.

Бенцони, котораго *Исторія Новою-Свѣта* была издана въ 1565 году, первый повтoряетъ эту басню за Гомарой, своимъ современникомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открыто изъявляетъ свое мнѣніе, что Гомара примѣшала много ложнаго къ нѣсколькимъ истинамъ, въ намѣреніи унизить добрую славу Колумба, изъ зависти, что не Испанецъ, а другой пользуется честью открытія западныхъ странъ на Океанѣ (2). Агоста, въ «Естественной и нравственной Исторіи Индіи,» напечатанной въ 1591 году, только слегка упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве, и очевидно заимствовалъ его у Гомары (3).

Маріана, въ своей «Испанской Исторіи,»

(1) *Navigatio Christophori Columbi, Madrugano interprete.* Это сочиненіе заключается въ «Собраніи путешествій,» изданномъ въ 1555 году, подъ заглавіемъ *Novus Orbis Regionum;* но въ подлинникѣ оно было напечатано по-Италіянски подъ именемъ Монтальбода Франкансана (или Франканано де Монтальдо) въ другомъ собраніи путешествій, изданномъ въ Венеціи въ 1507 году, подъ заглавіемъ: *Hist. del Nuovo Mundo.*

(2) Girolamo Benzoni, *Hist. del Nuovo Mundo,* lib. I.

(3) Padre Joseph de Acosta, *Hist. Ind.,* lib. I, cap. 19.

также говорить объ немъ; но сомнѣвается въ достовѣрности этого слуха, и явно почерпнулъ его изъ Гомары-же (1).

Геррера, издавшій свою «Индѣйскую Исторію» въ 1601 году, ни слова не говоритъ объ немъ, и изъ его молчанія должно заключить, что онъ отвергаетъ все это происшествіе, потому что онъ весьма точенъ даже въ малѣйшихъ подробностяхъ. Исторія Гомары была ему совершенно извѣстна, и онъ оспариваетъ автора ея въ одномъ весьма важномъ пунктѣ (2).

Гарсилассо де-ла-Бега, Перуанскій уроженецъ изъ Куско, снова пустилъ въ ходъ эту басню, помѣстивъ ее въ своихъ *Комментаріяхъ на Инковъ*, изданныхъ въ 1609 году, и дополнивъ ее самыми отчетливыми подробностями. Онъ пересказываетъ эту исторію со всѣми ея околичностями; опредѣляетъ время событія — 1483-мъ, 1484 или 1485 годомъ; называетъ по-именамъ: несчастнаго лоцмана — Алонсо Санчесомъ де-Гуэльвой; мѣсто назначенія его судна — островомъ Мадерой, куда оно шло отъ Канарійской группы, и землю къ которой его прибило — островомъ Испаніолой. Лоцманъ, по его словамъ, вычислилъ высоту этого острова и сдѣлалъ описаніе всего имъ видѣннаго и случившагося

(1) Juan de Mariana, *Hist. Esp.*, lib. XXVI, c. 3.

(2) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. II, lib. III, cap. I.

съ нимъ въ продолженіе его путешествія; потомъ запасся водой и дровами и отправился въ обратный путь, домой. Ему удалось достигнуть береговъ Европы; но этотъ переездъ былъ продолжителенъ; онъ претерпѣлъ бури, и изъ семнадцати человекъ, составлявшихъ его экипажъ, двѣнадцать умерло на пути, а остальные пять прибыли въ Терсеру, гдѣ Коломбъ оказалъ имъ гостепріимство; но всѣ они умерли у него въ домѣ отъ изнеможенія. Лоцманъ умеръ послѣдній, оставивъ хозяину въ наслѣдство всѣ свои бѣгаги. Коломбъ хранилъ объ этомъ происшествіи глубокое молчаніе, и впослѣдствіи, руководствуясь уже начертанными путями, открылъ Новый-Свѣтъ (1).

Вотъ сущность подробнаго описанія, сообщеннаго намъ Гарциласомъ де-ла-Бега, спустя сто-двадцать лѣтъ послѣ происшествія. Онъ основываетъ свое повѣствованіе на разсказахъ своего отца и его сосѣдей, которыхъ разговоры объ этомъ предметѣ онъ часто слышалъ въ дѣтствѣ, и на Индѣйской Исторіи Адосты и Гомары. Разказы отца и его пріятелей онъ могъ слышать, будучи дитятей, не позже какъ спустя шестьдесятъ или семьдесятъ лѣтъ послѣ мнимаго событія, о которомъ мы говоримъ, и промежутка времени съ той эпохи до изданія имъ своего

(1) *Commentarios de los Incas*, lib. IV, cap. 3.

сочиненія было уже слишкомъ достаточно, чтобъ эти пустые слухи приняли правильную форму дѣйствительнаго происшествія: поэтому мы находимъ уже въ его разсказѣ не только имя, родину и цѣль путешествія лоцмана, но даже названіе неизвѣстной земли, къ которой было занесено его судно.

Рѣшительный тонъ Гарсилласа де-ла-Беги и приведенныя имъ ссылки, увлекли многихъ старинныхъ историковъ (1), которые приняли его повѣствованіе за достовѣрное; ихъ мнѣніе отозвалось въ послѣдствіи въ твореніяхъ новѣйшихъ историковъ: и такимъ-то образомъ на память Колумба легло важное обви-

(1) Вотъ имена историковъ, принявшихъ за истину этотъ вымыселъ, со всеми его подробностями, и вмѣстѣ съ тѣмъ протекшающее изъ него обвиненіе противъ Колумба:

Bernardo Aldrete, *Antigüedad de Espana*, lib. IV, cap. 17.

Roderigo Caro, *Antigüedad*, lib. III, cap. 76.

Juan de Solorzano, *Ind. jure*, tom. I, lib. I, c. 5.

Fernando Pizarro, *Varones illust. del Nuevo Mundo*, c. 2.

Agostino Torniel, *An. sacr.*, tom. I, anno mundi 1331, n° 48.

Ref. Damarez, или De Maliz, dial. 4, de *Var. hist.*, cap. 4.

Gregorio Garcia, *Origin. de los Indios*, lib. I, cap. 4, § 1.

Juan de Torquemada, *Monar. Ind.*, lib. XVIII, cap. 1.

Jean-Baptiste Riccioli, *Gegr. refor.* lib. III.

Къ этому списку старинныхъ авторовъ можно прибавить еще много новѣйшихъ.

неніе въ обманъ и подлогъ, утвержденное множествомъ уважаемыхъ авторитетовъ.

Источника этого обвиненія надобно искать въ Гомаръ, который повторилъ неопредѣленнымъ образомъ пустой слухъ, не упомянувъ ни слова объ опроверженіи, сдѣланномъ за семнадцать лѣтъ до него Овидомъ, ближайшимъ свидѣтелемъ дѣла, въ сочиненіяхъ котораго онъ, явно, почерпнулъ эту исторію.

Впрочемъ Гомара извѣстенъ между историками своею неточностью и особенною готовностью легкомысленно принимать всякіе неосновательные слухи и рассказы (1).

Нѣтъ надобности отвѣчать подробнѣе на это обвиненіе, тѣмъ болѣе, что Коломбъ, какъ положительно извѣстно, сообщилъ свои идеи объ открытіяхъ на западъ Пауло Тосканелли Флорентійскому еще въ 1474 году, то есть десятию годами прежде того времени, къ которому Гарсилассо де-ла-Бега, относитъ свой фактъ.

(1) *Hijos de Sevilla*, n° 2, стран. 42, письмо F. Тоже говорится и въ *Biblioteca Espanola nueva*, lib I, p. 437. — Bernal. Diaz del Castillo, *Hist. de la Conquista de la Nueva Espana*, оконч. 18-й главы. — Juan-Bautista Munnos, *Hist. del Nuevo Mundo*, prologo XVIII.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 12.

МАРТИНЪ ВЕЭМЪ.

Этотъ искусный географъ родился въ Нирембергъ, въ Германіи, вначалѣ 1430 года. Предки его были выходцы изъ Пильснерскаго округа, въ *Бовелии*: и по этой-то причинѣ нѣкоторые писатели называютъ его Мартиномъ *Бовелскимъ*; а по сходству его собственнаго имени съ именемъ родины его предковъ, авторы вообще называютъ этого ученаго различнымъ образомъ.

Нѣкоторые историки говорятъ, что онъ получилъ воспитаніе подъ руководствомъ Филиппа Бернальдо старшаго; другіе — что учителемъ его былъ Іоаннъ Мюллеръ, извѣстный подъ именемъ Региомонтануса. Де Муррь, занимавшійся тщательными разысканіями, относящимися къ исторіи его жизни, не вѣрить ни тѣмъ, ни другимъ. Изъ перенески Веема съ своимъ дядей, найденной нѣскольکو лѣтъ тому назадъ де Мурромъ, видно, что

первый периодъ его жизни былъ посвященъ торговымъ дѣламъ. Ему приписывали честь открытія острова Файалы; но эта ошибка произошла, вѣроятно, отъ того, что Іовъ де-Гуэртаръ, тесть Беэма, въ 1466 году завелъ на этомъ островѣ колонію.

Полагають, что онъ пріѣхалъ въ Португалію въ 1481 году, въ царствованіе Альфонса V. Вскорѣ послѣ того, какъ извѣстно, онъ пріобрелъ при Лиссабонскомъ дворѣ такую знаменитость своими познаніями, что его назначили членомъ Совѣта, учрежденнаго Іоанномъ II для усовершенствованія мореплаванія, и нѣкоторые историки приписываютъ ему одному всю честь достопамятной услуги, оказанной Совѣтомъ торговль приспособленіемъ астралабии къ мореплаванію.

Въ 1484 году король Іоаннь отправилъ экспедицію, подъ начальствомъ Діэго *Кама*, — какъ называетъ его Барросъ, или *Кана*, по другимъ, — для открытій на Африканскомъ берегу. Беэмъ участвовалъ въ этой экспедиціи въ званіи космографа. Экспедиція перешла равноденственную линію, открыла берегъ Конго, достигла двадцати-двухъ градусовъ сорока-пяти минутъ южной широты (1), и поставила на берегу два столба, или колонны, вырѣзавъ на нихъ Португальскій гербъ, при впаденіи Загры, которая по этой при-

(1) *Murr, Notice sur M. Behem.*

чинъ называлась нѣкоторое время — Рѣкою-Столбовъ.

Говорятъ, что король Іоаннь за услуги, оказанныя Безомомъ какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, возвелъ его въ 1485 году въ званіе рыцаря. Однакожь ни одинъ изъ современныхъ историковъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве. Главнѣйшимъ доказательствомъ пожалованія ему этого почетнаго званія служить его подпись на сдѣланномъ имъ глобусѣ, гдѣ онъ титулуетъ себя: *Eques Lusitanus*.

Въ 1486 году онъ женился, въ Файаль, на дочери Іова Гуертара; полагаютъ, что онъ прожилъ на этомъ островѣ нѣсколько лѣтъ, и что тамъ родился у него, въ 1489 году, сынъ. По словамъ Герреры и другихъ писателей, онъ познакомился съ Коломбомъ во время пребыванія своего въ Лиссабонѣ, или на Файаль, и сообщилъ ему нѣкоторые слухи, носившіеся на островахъ о произведеніяхъ западныхъ странъ, приносимыхъ волнами къ ихъ берегамъ.

Въ 1491 году онъ отправился въ Нирембергъ, для свиданія съ родственниками, и сдѣлалъ тамъ, по просьбѣ главнѣйшихъ сановниковъ своего отечественнаго города, глобусъ земли, почитавшійся въ то время чудомъ искусства; а въ 1493 году возвратился въ Португалию и оттуда отправился въ Файалу.

Въ слѣдующемъ году король Іоаннь II,

имѣвшій высокое мнѣніе о Беэмѣ, послалъ его во Фландрію къ побочному сыну своему, принцу Георгу, ~~наслѣднику престола~~. На пути туда Беэмъ былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Англію, гдѣ онъ занемогъ и пробылъ три мѣсяца. Оправясь отъ болѣзни, онъ оставилъ Англію; но на пути опять былъ взятъ однимъ корсеромъ, который привезъ его во Францію. Заплативъ за себя выкупъ, Беэмъ отправился въ Антверпенъ, потомъ въ Брюгге, и вскорѣ возвратился въ Португалію.

О послѣдующихъ годахъ его жизни нѣтъ никакихъ свѣдѣній; полагаютъ, что онъ уѣхалъ въ Файаль и жилъ тамъ съ своимъ семействомъ, не въ состояніи будучи, по преклонности лѣтъ, предпринимать дальнѣйшихъ странствованій. Наконецъ въ 1506 году онъ прибылъ въ Лиссабонъ и тамъ умеръ.

Мнѣніе, будто-бы Беэмъ открылъ Западный Свѣтъ прежде Коломба, во время путешествія его съ Камомъ, основано на ложномъ истолкованіи одного вставнаго мѣста въ «Хронику» Гартмана Шеделя, современнаго писателя. Въ этомъ вставномъ мѣстѣ сказано, что Камъ и Беэмъ, находясь на Южномъ-Океанѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ земли, по переходѣ уже равноденственной линіи, вступили въ другое полушаріе, гдѣ тѣнь отъ нихъ падала на югъ по правую руку, когда они стояли лицомъ къ востоку, и что

они открыли въ этомъ другомъ полушаріи новый міръ, дотолъ никому неизвѣстный и долго отыскиваемый Генуэзцами безуспѣшно.

«*Hi duo, bono deorum auspicio, mare meridionale sulcantes, a littore non longè evagantes, superato circulo equinoctiali, in alterum orbem excepti sunt, ubi ipsis stantibus orientem versùs, umbra ad meridiem et dextram projiciebatur. Aperuere igitur suâ industriâ alium orbem hactenùs nobis incognitum, et multis annis, a nullis quàm Januensibus, licet frustra, temptatum.*»

Эти строки составляютъ часть того мѣста, которое говорятъ, вписано въ оригинальный манускриптъ «Хроники» Шеделя другою рукой. Де-Муръ увѣряетъ, что въ Нѣмецкомъ переводѣ «Хроники», Георга Альта, конченнаго 5 октября 1493 года, этихъ строкъ нѣтъ; но еслибъ онѣ и были — во всякомъ случаѣ это значило - бы только, что Діэго Камъ открылъ южное полушаріе, дотолъ неизвѣстное, и заэкваторные берега Африки, что вообще считалось тогда Новымъ-Свѣтомъ. Чтожъ касается до Генуэзцевъ, дѣлавшихъ неудачныя покушенія, то это были — Антоній де Нолле, братъ его Варфоломей, и племянникъ, Рафаэль де Нолле. Антоній принадлежалъ къ благородной фамиліи; удалился изъ своего отечества по какому-то неудовольствію и прибылъ въ Испанію съ братомъ своимъ и племянникомъ на двухъ карabelaхъ. Впослѣд-

ствѣи они предпринимали морскія путешествія, состоя въ Португальской службѣ, открыли островъ Сантъ-Аго и проч. (1).

Эта вставная статья въ «Хронику» Шеделя была помѣщена также, въ царствованіе Фридриха III, въ «*De Europa*,» — сочиненіи Энея Сильвіуса, въ послѣдствіи папы Пія II, умершаго въ 1464, году, за долго до означеннаго путешествія. Неправильное истолкованіе ея было первымъ поводомъ къ толкамъ, что Беэмъ открылъ Новый-Свѣтъ прежде Коломба, — какъ будто-бы это событіе могло совершиться безъ гласнаго притязанія со стороны Беэма на славу открытія, и не сдѣлавшись въ то же время извѣстнымъ цѣлому свѣту. Эта басня была повторена разными писателями, которые не обратили на нее должнаго вниманія; а нѣкоторые изъ нихъ отнимали даже у Мателлана славу открытія пролива, извѣстнаго подъ его именемъ, чтобы увѣнчать ею Беэма. Это заблужденіе слишкомъ ощутительно и не могло быть общепринятымъ; но оно вдругъ снова было пущено въ ходъ въ 1786 году однимъ Французомъ, по имени Отто, пользовавшимся большимъ уваженіемъ и жившимъ тогда въ Нью-Йоркѣ. Онъ написалъ объ этомъ предметѣ особую «Записку» (*Mémoire*), въ которой старался доказать права Беэма на открытіе Нового-

(1) Barros, decad. I, lib. II, cap. I, Лиссабонъ, 1552.

Свѣта, и переслалъ ее къ доктору Франклину, съ тѣмъ, чтобъ онъ представилъ его диссертацию Филладельскому Философическому Обществу. «Записка» Отто была напечатана въ *Transactions de la Société philosophique americaine* (tom. II, 1786, article n^o. 35), и потомъ перепечатана во многихъ Европейскихъ журналахъ.

Авторитеты, на которые ссылается Г. Отто для подтвержденія своего мнѣнія, вообще сомнительны, и большею частью онъ ссылается на нихъ, не означая именно ни лицъ, ни времени. Но его доводы разобраны съ большою точностью и рѣшительно опровергнуты донъ Христовалемъ Кладерой (1).

Важнѣйшимъ доказательствомъ служилъ Г-ну Отто глобусъ, сдѣланный Беэмомъ въ Нирембергъ въ 1492 году, то есть въ то самое время, когда Коломбъ отправился въ первое путешествіе для открытій. По его словамъ, этотъ глобусъ еще существуетъ въ Нирембергской библіотекѣ, и на немъ означены всѣ открытія Беэма — именно въ тѣхъ широтахъ и долготахъ, въ которыхъ лежатъ берега Бразиліи и Магелановъ-Проливъ. Это доказательство поколебало мнѣніе многихъ ученыхъ, и еслибъ оно было справедливо, то разрушило-бы всѣ притязанія Коломба на первенство открытія.

(1) *Investig. Historicas*, Madrid, 1774.

Къ несчастью Г-на Отто, при описаніи этого глобуса онъ положился на свидѣтельство своего корреспондента — и по вѣркѣ дѣла оказалось, что глобусъ, находящійся въ Нирембергской библіотекѣ, сдѣланъ *Іоанномъ Шенеромъ*, профессоромъ математики, въ 1520 году, то есть спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ открытій и самой смерти Колумба и Безма (1); а на глобусъ Безма, сдѣланномъ въ 1492 году, не оказалось ни одного острова, ни берега, принадлежащихъ Новому-Свѣту: положительное доказательство, что онъ не имѣлъ объ нихъ никакого свѣденія. Кладера издалъ снимокъ, или планисферу, съ Безмова глобуса.

(1) Cladera, *Investig. Historicas*, p. 115.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 13.

ПУТЕШЕСТВІЯ СКАНДИНАВОВЪ.

Многіе ученые старались доказать огромными диссертациями, что Скандинавы открыли сѣверный берегъ Америки гораздо прежде Колумбова вѣка; однакожь этотъ предметъ по-сю-пору окруженъ тмой и множествомъ сомнѣній.

Нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что еще въ девятомъ столѣтіи Норвежцы открыли къ западу отъ Исландіи землю, простирающуюся на огромное протяженіе, и назвали ее Великою-Исландіей; но впоследствии этотъ слухъ признанъ за баснословное преданіе. Самое серіозное свѣденіе объ этомъ предметѣ заключается въ *Сагъ*, или *Хроникѣ короля Олая*, Снорро Стурлезона, гдѣ этотъ писатель рассказываетъ, что одинъ Исландецъ, по имени Біорнъ, отыскивая около Гренландіи своего отца, съ которымъ его разлучи-

да буря, былъ занесенъ противными вѣтрами весьма далеко на юго-западъ, къ одной низменной землѣ, покрытой лѣсомъ, отъ которой недалеко лежалъ островъ. Однакожь онъ, не приставая къ этимъ неизвѣстнымъ ему берегамъ, съ наступленіемъ благопріятной погоды взялъ направленіе на сѣверо-востокъ и прибылъ въ Гренландію. Его разсказъ о неизвѣстной землѣ возбудилъ отважный духъ Лейфа, сына Эрика Равды, или Рыжеголоваго, учредившаго первое поселеніе въ Гренландіи. Онъ снарядилъ судно и отправился съ Біорномъ отыскивать эту незнаемую страну. Сначала они открыли каменистый и безплодный островъ и назвали его *Гельландъ*; потомъ — низменный песчаный берегъ, поросшій лѣсомъ, которому дали названіе *Маркландъ*. Они обходили этотъ берегъ два дня, но онъ все простирался далѣе; къ сѣверу отъ него они открыли весьма плодоносный и лѣсистый островъ, производящій пріятные плоды и въ особенности виноградъ, неизвѣстный имъ до того времени. Узнавъ отъ одного изъ своихъ спутниковъ, Германскаго уроженца, названіе и качества этого плода, они называли всю страну его именемъ — *Винландъ*.

Потомъ они вошли въ устье одной чрезвычайно рыбной рѣки, изобиловавшей въ особенности сѣмгой, и плывя вверхъ по ней, достигли озера, изъ котораго выливалась эта

рѣка, и въ неё зазимовали. Привыкнувъ къ суровому климату сѣвера, температура той страны показалась имъ теплою и пріятною. Въ кратчайшій день солнце стояло надъ горизонтомъ восемь часовъ: по этому заключаютъ, что они пристали къ нынѣшней Новой-Земль, или какой-нибудь другой части Сѣверной-Америки, около рѣки Св. Лаврентія, подъ сорокъ - девятымъ градусомъ сѣверной широты (1). Къ этому сказанію прибавляютъ, что родственники Лейфа послѣ того часто ѣздили въ Винландію и торговали тамъ мѣхами съ туземцами, и что въ 1121 году епископъ Эрикъ отправился туда изъ Гренландіи для обращенія дикихъ въ христіанство. « Съ того времени, говоритъ Форстеръ, мы не имѣемъ болѣе никакихъ свѣденій о Винландіи; но по всей вѣроятности, племя, донынѣ существующее во внутренности Новой-Земли, столь отличное отъ другихъ поколѣній дикихъ Сѣверной-Америки и наружною и образомъ жизни, — всегда воюющее съ Эскимосами сѣверныхъ береговъ, — составилось изъ потомковъ древнихъ Нордманновъ. »

Мы не имѣли средствъ открыть подлинныхъ источниковъ этого сказанія и передаемъ его основываясь на Мальте-Брюнѣ и на Форстерѣ, который извлекъ его изъ *Саги*, или *Хроники*,

(1) Forster, Voyages dans le Nord, lib. II, c. 2.

Снорро, родившагося въ 1179 году и писавшаго въ 1215, слѣдственно гораздо позже описаннаго имъ событія. Форстеръ говоритъ, что приведенные здѣсь нами факты почерпнуты изъ весьма многихъ Исландскихъ рукописей и переданы публикѣ Торфеусомъ въ двухъ его сочиненіяхъ, подъ слѣдующими заглавіями: *Historia Vinlandiae antiquae, Hafnia*, 1705, и *Veteris Groenlandiae Descriptio, Hafnia*. Форстеръ, повидимому, нисколько не сомнѣвается въ достовѣрности этихъ фактовъ. Мы съ своей стороны, сколько можемъ судить объ этомъ предметѣ, руководствуясь нѣкоторою опытною, приобретенною нами въ изслѣдованіи источниковъ первоначальныхъ открытій въ Новомъ - Свѣтѣ, полагаемъ, что всѣ эти свѣденія не что иное, какъ слишкомъ смѣлые выводы изъ весьма неопредѣленныхъ и сомнительныхъ данныхъ. Ученые вообще слишкомъ склонны облекать въ вещественныя формы тѣ призраки, которые согласуются съ ихъ теоріями, составленными заранее. Большая часть подобныхъ сказаній, — если очистить ихъ отъ ученыхъ комментариевъ ихъ издателей, — окажется столько-же основательными какъ и баснословныя преданія о мнимыхъ островахъ Сень-Бранданъ и Семи-Городовъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Впрочемъ, нельзя отвергать возможности, что столь предприимчивые мореходцы, какъ Скан-

динавы, проникли до сѣверныхъ береговъ Америки, со стороны Лабрадора или Новой-Земли; и если можно вѣрить Исландскимъ рукописямъ, относимымъ къ тринадцатому вѣку, — если притомъ эти рукописи подлинны и не сдѣлано въ нихъ впоследствии приписокъ и исправлений, и ссылки на нихъ вѣрны, — то, кажется, онѣ достаточно утверждаютъ фактъ. Но признавъ даже дѣйствительность открытій, о которыхъ повѣствуется въ нихъ; какой результатъ произвели эти открытія? Нѣсколько сношеній Гренландскихъ жителей съ Эскимосами. Свѣденія объ этихъ странахъ нераспространились за предѣлы ихъ отечества, и сами они вскорѣ оставили ихъ безъ вниманія, и даже вовсе забыли объ нихъ.

Находили еще мнимые слѣды открытій Американскаго материка слишкомъ за столѣть до Колумба, на одной картѣ и въ повѣствованіи братьевъ Зено, Венеціанскихъ уроженцевъ; но эти свѣденія, кажется, еще неудовлетворительный предыдущихъ. Вотъ въ чемъ исторія:

Николай Зено, благородный Венеціанецъ, отправился въ 1380 году въ Англію и Фландрію на суднѣ, которое онъ снарядилъ на свой счетъ, нарочно для этого переѣзда. Претерпѣвъ на пути жестоку бурю, онъ несся нѣсколько дней по волнамъ, самъ не зная въ какую сторону; наконецъ судно его разбилося у береговъ острова Фрисланда, о которомъ

было много споровъ у географовъ, но который вообще причисляютъ къ архипелагу Фероескихъ острововъ.

Путешественники, претерпѣвшіе кораблекрушеніе, не только не подверглись нападенію туземцевъ, но были весьма благосклонно приняты Цишми, владѣтелемъ острововъ, лежащихъ къ югу отъ Фрисланда, и еще другаго округа, къ сѣверу отъ Шотландіи. Зено вступилъ въ службу этого государя и помогъ ему завоевать Фрисландъ и другіе острова, лежащіе далѣе къ сѣверу. Къ нему вскорѣ присоединился братъ его, Антоніо Зено, который и прожилъ въ этой странѣ четырнадцать лѣтъ.

Этотъ самый Антоніо Зено писалъ изъ Фрисланда въ Венецію къ брату своему, Карлу, письмо, въ которомъ сообщалъ ему разсказъ одного рыбака о существованіи земель на Западѣ. По словамъ рыбака, за двадцатьшесть лѣтъ передъ тѣмъ временемъ онъ и его товарищи отправились изъ Фрисланда на четырехъ судахъ для рыболовнаго промысла. Застыгнутые на пути сильною бурей, они долго носились по морю; наконецъ судно, на которомъ находился рыбакъ съ четырьмя товарищами, прибило къ острову, называемому Эстотиландъ, за тысячу миль отъ Фрисланда. Жители острова привели ихъ въ прекрасный и многолюдный городъ къ своему царю, который призывалъ многихъ переводчиковъ для

объясненій съ ними; но ниодинъ переводчикъ не понималъ ихъ языка; наконецъ нашелся человекъ, который, подобно имъ, былъ некогда занесенъ къ тому-же острову и зналъ Латинскій языкъ. На этомъ богатомъ и плодоносномъ островѣ, изобилующемъ разными металлами, и въ особенности золотомъ, они прожили довольно долго (1). По срединѣ города возвышалась огромная гора, изъ которой вытекали четыре рѣки и орошали своими водами всю страну. Туземцы острова отличались смышленностью; знали разные механическія ремесла, извѣстныя въ Европѣ; воздѣлывали зѣмлю подъ зерновыя растенія; умѣли готовить пиво, и жили въ каменныхъ домахъ. Въ королевской библіотекѣ находились книги на Латинскомъ языкѣ, неизвѣстномъ на островѣ. Кромѣ столицы, на Эстотиландѣ было много городовъ и замковъ. Жители вели торгъ съ Гренландіей смолою, сѣрой и мѣхами; но хотя они вообще занимались мореплаваніемъ, однакожь употребленіе компаса было неизвѣстно между ними; узнавъ, что Фрисландцы умѣютъ владѣть имъ, они воздѣмъли къ нимъ большое уваже-

(1) Это повѣствованіе взято изъ Гаклюйта (том. III, р. 125). Мѣста, гдѣ говорится о золотѣ и другихъ металлахъ, нѣтъ въ Италіанскомъ подлинникѣ, Рамузіа (том. II, р. 23.) Вѣроятно, оно вставлено кѣмъ-нибудь впоследствии.

ніе. Король отправилъ ихъ на двѣнадцати судахъ въ одну страну, лежащую къ югу отъ его владѣній и называемую *Дрогео*. При этомъ переездѣ они едва не погибли отъ бури; однакожь имъ удалось пристать къ Дрогео. Жители этой страны были Каннибады и едва не убили и не пожрали ихъ; но узнавъ объ ихъ искусствѣ -- ловить рыбу, они пощадили ихъ.

Описывая Дрогео, рыбакъ говорилъ, что эта земля простирается на огромное протяженіе; что обитатели ея находились въ дикомъ состояніи и ходили нагіе; но что далѣе, къ юго-западу, лежала страна болѣе образованная, въ умѣренномъ климатѣ, гдѣ жители знали употребленіе серебра и золота, имѣли города и строили великолѣпные храмы своимъ идоламъ, которымъ приносили въ жертву людей и потомъ пожирали ихъ.

Рыбакъ прожилъ на этомъ материкѣ нѣсколько лѣтъ, въ рабствѣ, переходя отъ одного господина къ другому и изъ страны въ страну. Наконецъ къ берегамъ Дрогео пристали Эстотиландскія суда; онъ явился туда, и сначала служилъ экипажамъ переводчикомъ, потомъ завелъ свою торговлю, перевозя товары съ твердой земли на Эстотиландъ, и обратно, отъ которой весьма разбогатѣлъ. Тутъ онъ снарядилъ на свой счетъ судно и отправился съ нѣсколькими островитянами въ Фрисландъ, лежащій въ тысячѣ миль раз-

стоянія, куда и прибылъ благополучно. Его рассказы ~~о~~ ~~объ~~ ~~этой~~ ~~неизвестной~~ землѣ побудили Чишмни, Фрисландскаго владѣтеля, отправить къ ея берегамъ экспедицію, подъ начальствомъ Антоніо Зено. Въ то самое время, какъ суда были готовы къ отплытію, рыбакъ, долженствовавшій служить имъ проводникомъ, умеръ; однакожъ его замѣнили нѣсколькими моряками, прибывшими съ нимъ изъ Эстотиланда, и экспедиція отправилась въ путь подъ личнымъ начальствомъ Чишмни, а Венеціанецъ Зено только сопровождалъ его. Она неудалась: мореплаватели, открывъ одинъ островъ, названный ими Икаріа, котораго жители встрѣтили ихъ весьма недружелюбно, принуждены были удалиться отъ него и были загнаны бурей къ берегамъ Гренландіи. Далѣе ничего неизвестно объ этомъ предпріятіи.

Земли, о которыхъ рассказываетъ Зено, были означены на одной картѣ, вырѣзанной сначала на деревѣ. Г. Мальтъ - Брюнъ полагаетъ, что островъ Эстотиландъ — нынѣшняя Новая-Земля, а довольно образованные жители его — потомки Скандинавскихъ колонистовъ, пристававшихъ къ Винланду, и что Латинскія книги, находившіяся въ библіотекѣ короля, принадлежали нѣкогда Гренландскому епископу, переселившемуся на этотъ островъ въ 1121 году. Далѣе онъ говоритъ, что Дрогео, не что иное какъ Новая - Шотландія и

Новая - Англія , а образованный народъ на юго-западъ, приносившій въ жертву идоламъ людей — Мексиканцы, или какое нибудь другое старинное племя, населявшее Флориду и Луизиану.

Но источники, изъ которыхъ извлечено это заключеніе, повидимому, не оправдываютъ его. Вся эта исторія наполнена невѣроятностями, между которыми занимаетъ не послѣднѣе мѣсто — образованность жителей, ихъ каменные дома, ихъ знаніе Европейскихъ ремеслъ и королевская библіотека, — отъ которыхъ не найдено ни малѣйшаго слѣда при позднѣйшемъ открытіи этой страны, не говоря уже о свѣденіяхъ на счетъ Мексики. Должно замѣтить, что это описаніе издано въ 1558 году, то-есть гораздо позже открытія Мексики. Издатель его, Франциско Марколини, потомокъ фамиліи Зено, составившій его изъ отрывковъ мнимыхъ писемъ Антоніо Зено къ брату своему, Карлу, говорить: «Весьма сожалью, что книга и рукописи, относящіяся къ этому предмету, мною истреблены: будучи ребенкомъ я разорвалъ ихъ въ мелкіе куски, — и теперь не могу вспомнить объ этомъ безъ живѣйшей горести (1).»

Несвязное повѣствованіе Марколини приобрело значительный вѣсъ, когда Ортелусъ, ученый географъ, помѣстилъ его въ своемъ

(1) Haekluyt, *Collec.*, tome III, p. 127.

Theatrum Orbis; совсѣмъ-тѣмъ, искусные критики отвергли всю эту исторію, какъ грубую ложь. Г. Форстеръ укоряетъ ихъ въ упорномъ невѣрїи. « Невозможно сомнѣваться, говоритъ онъ, въ существованіи страны, о которой сообщили намъ свѣденія Карло, Никола и Антоніо Зено: неоспоримые документы, сохранившіеся въ Венеціанскомъ архивѣ, доказываютъ, что кавалеръ Зено предпринималъ путешествіе на сѣверъ; что братъ его, Антоніо, сопутствовалъ ему и составилъ карту, которую привезъ съ собой и повѣсилъ на стѣнѣ въ своемъ домѣ, гдѣ она оставалась общедоступною до времени Марколини, какъ несомнѣнное доказательство истины рассказаннаго ими. » Принимая все это за истину, мы не видимъ отсюда ничего болѣе, какъ только то, что Антоніо съ братомъ были въ Фрисландѣ и Гренландіи. Въ ихъ письмахъ нигдѣ не сказано, что Зено ѣздилъ въ Эстотиландъ. Тамъ говорится, что флотъ загнано бурей къ Гренландскимъ берегамъ; но что съ нимъ сдѣлалось потомъ, мы ничего не знаемъ; рассказъ Зено объ Эстотиландѣ и Дрогео основанъ на однихъ словахъ рыбака, и самая карта, вѣроятно, составлена съ его же словъ, догадочно. Вся эта исторія чрезвычайно похожа на одну изъ тѣхъ басенъ, которыя были пущены въ ходъ вскорѣ послѣ открытія Колумбомъ Новаго-Свѣта, въ


намѣреніи приписать славу, его подвига другимъ народомъ и другимъ лицамъ.

Г. Мальть-Брюнь говорить, что Коломбъ могъ узнать объ открытіи Винланда во время путешествія своего на Сѣверь, въ 1477 году (1), и что братъ его, Варфоломей, могъ видѣть карту Зено, приложенную къ одному сочиненію на Датскомъ языкѣ, въ публичной библіотекѣ въ Лондонѣ, въ то время, когда онъ жилъ тамъ, и занимался составленіемъ картъ, и сообщить объ ней своему брату (2). Еслибъ Г. Мальть-Брюнь изслѣдовалъ исторію Коломба съ свойственною ему точностью, то увидѣлъ-бы изъ переписки его съ Пауло Тосканелли, въ 1474 году, что Коломбъ обнаруживалъ въ ней намѣреніе искать пути въ Индію — слѣдуя прямо на западъ, и что путешествіе на сѣверь онъ совершилъ уже черезъ три года послѣ этой переписки. Что касается до пребыванія Варфоломея въ Лондонѣ, то онъ отправился туда уже послѣ того времени какъ Коломбъ сдѣлалъ предложеніе объ открытіи Португаліи, и, можетъ-быть, еще и другимъ Европейскимъ дворамъ. И такъ, предположивъ даже, что впоследствии и дошло до Коломба что-нибудь изъ этихъ сомнительныхъ разсказовъ о Винландѣ и о

(1) Malte-Brun, *Hist. de la Géogr.*, tome I, l. XVII.

(2) Malte-Brun, *Géogr. univ.*, tom. XIV, *Note sur la découverte de l'Amérique.*

приключеніяхъ рыбака, описанныхъ Анто-
ніемъ Зенов, очевидно, что они не могли
имѣть никакого вліянія на его великое пред-
пріятіе, тѣмъ болѣе, что его путешествіе не
заключаетъ въ себѣ ничего общаго съ ними:
онъ отправился прямо на западъ, а не по
направленію къ Вѣнланду, Эстотиланду и
Дрогео, — именно для отысканія Чипанго,
Кафая и другихъ странъ, описанныхъ Мар-
комъ Поло и лежащихъ, по его указанію, у
оконечности Индіи.



ПРИЛОЖЕНИЕ № 14.

Путешествія древнихъ вокругъ Африки.

Новѣйшіе критики полагають, что древніе имѣли гораздо менѣ свѣденій о берегахъ Африки, омываемыхъ Атлантическимъ - Океаномъ, нежели сколько предполагали это до сихъ поръ, и даже сомнѣваются, имѣли-ли они какія-нибудь практическія данныя, на которыхъ-бы могли основать понятіе о возможности обойти вокругъ эту часть свѣта. Путешествіе Евдоксія Цизика изъ Чермнаго-Моря къ Гибралтару, несмотря на то, что объ немъ упоминають Плиній, Помпоній-Мела и другіе писатели, основывается на одномъ свидѣтельствѣ Корнелія Непота; но и онъ умалчиваетъ объ источникахъ, изъ которыхъ почерпнулъ этотъ фактъ. Поссидоній, на котораго ссылается Страбонъ, описываетъ это путешествіе совсѣмъ иначе и отвергаетъ его съ презрѣніемъ.

Полагають, что знаменитое путешествіе

Карфагенца Ганнона было совершено за тысячу лѣтъ до христіанской эры. Уцѣлѣвшее «Морское Путешествіе» его заключаетъ въ себѣ краткое и неясное повѣствованіе объ этой экспедиціи, сдѣлавшееся неистощимымъ источникомъ преній и разномыслія между учеными. Нѣкоторые критики уже рѣшили было, что «это описаніе — просто романъ какого-нибудь Грека, назвавшагося пуническимъ именемъ (1);» однакожь неположность его совершенно доказана, — но вмѣстѣ съ тѣмъ доказано, и кажется удовлетворительнымъ образомъ, что путешествіе этого мореходца весьма преувеличено и что онъ никогда не обходилъ оконечности Африки. Г. Бугенвиль (2) слѣдовалъ его путемъ до мыса, названнаго имъ Западнымъ-Рогомъ, лежащаго подъ пятымъ или шестымъ градусомъ сѣверной широты, и, какъ полагають, извѣстнаго прежде подъ именемъ Пальмоваго-Мыса; потомъ онъ достигъ другаго мыса подъ тою-же широтой, которому далъ названіе Южнаго-Рога, и который почитаютъ мысомъ Трехъ-Вершинъ. Однакожь, Г. Госселень въ своихъ *Recherches sur la Géographie des Anciens* (t. I, p 162.....), послѣ строгаго разбора «Морскаго Путешествія,» Ганнона, заключаетъ рѣ-

(1) Dodwel, *Geographiae veteris Scriptores Graeci minores* (1498).

(2) *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, t. XXVI, p. 10.

шительнымъ образомъ, что плаваніе его не простиралось къ югу дальше Мыса - Нона, или Мыса-Боядора. Плиній, говоря о путешествіи Ганнона вокругъ Африки, начиная отъ Гибралтарскаго-Пролива до Аравійскихъ предѣловъ, самъ не читаль его «Морскаго Путешествія», но почерпнулъ свѣденіе объ немъ изъ сочиненій Ксенофонта Лампзакскаго. Греки прибавили къ описанію этого путешественника множество разныхъ басенъ, и на ихъ-то невѣрныхъ спискахъ основаль Страбонъ большую часть фактовъ, относящихся къ этому событію. По мнѣнію Госселеня, путевыя записки Ганнона, Сцилакса, Полибія, Стація, Себоза и Юбы, повѣствованія Платона, Аристотеля, Плинія, Плутарха и «Таблицы» Птолемея, — всѣ приводятъ къ одному заключенію, и несмотря на кажущіяся противорѣчія ихъ между собой, означаютъ предѣлъ плаванія древнихъ къ югу — мысомъ Нономъ.

Мнѣніе, что Африка — полуостровъ, существовавшее у Персовъ, Египтянъ, быть-можетъ, и у Грековъ, за нѣсколько столѣтій до Рождества-Христова, было основано, какъ полагаеть Г. Госселень, не на точныхъ свѣденіяхъ, а на однѣхъ догадкахъ, къ которымъ подали поводъ огромность и непрерывность (*l'unité*) океана, — или, можетъ-быть, единственно на древнихъ преданіяхъ, или на толкахъ, порожденныхъ открытіями Карфаген-

цевъ по ту сторону Гибралтарскаго-Пролива, и Египтянъ — за Аравійскимъ Заливомъ, — и Г. Госселень находить вѣроятнымъ, что существовала весьма отдаленная эпоха, когда географическія познанія находились въ состояніи гораздо болѣе совершенномъ, чѣмъ у Финикіянь и Грековъ, которые сохранили одни лишь неясные слѣды того, что нѣкогда было извѣстно.

Мнѣніе, что Индѣйское-Море соединяется съ Океаномъ, существовало въ Греціи и между Александрійскими учеными до временъ Иппарха. Оно, кажется, основывалось на направленіи Африканскаго берега за Мысомъ Ароматовъ, который постоянно простирается на западъ, на всемъ пространствѣ, извѣстномъ тогдашнимъ мореплавателямъ. Они полагали, что западный берегъ Африки загибается для соединенія съ восточнымъ, и что весь материкъ этой части свѣта окруженъ океаномъ далеко сѣвернѣй экватора. Такъ думали: Кратесь, жившій во время Александра, Аратъ, Клеантъ, Клеомедъ, Страбонъ, Помпоній-Мела, Макробій и многіе другіе.

Иппархъ предложилъ новую систему, которой ложность на-долго замедлила сообщеніе морскимъ путемъ Европы съ Индеей. Онъ полагалъ, что моря образуютъ отдѣльные и независимые одинъ отъ другаго водоемы, и что восточный берегъ Африки окружаетъ Индѣйское-Море, соединяясь съ Азіатскимъ

по ту сторону устья Ганга. Позднѣйшія открытія, вмѣсто того чтобы опровергнуть это заблужденіе, только приводили къ заключеніямъ, что эти два материка (Азіятскій и Африканскій) сходятся между собой гораздо далѣе, чѣмъ предполагали прежде. Маринъ Тирской и Птоломей приняли это мнѣніе въ своихъ сочиненіяхъ, и сообразно ему составляли свои карты, въ которыя родъ человѣческой вѣрилъ безусловно цѣлыя столѣтія, и такимъ образомъ увѣковѣчили идею — что Африка простирается до антарктическаго полюса, и что слѣдственно невозможно достигнуть моремъ Индѣйскихъ береговъ. Нѣкоторые географы однакожь остались при старомъ понятіи о сообщеніи Индѣйскаго-Моря съ Атлантическимъ-Океаномъ. Это мнѣніе имѣло своихъ приверженцевъ въ Испаніи и было защищаемо Помпоніемъ Мелой и Исидоромъ Севильскимъ. Его сохранили также нѣкоторые ученые въ Италіи въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, и такимъ-образомъ оно держалось до того времени, когда принцъ Генрихъ Португальскій началъ свои благородныя усилія, для удостовѣренія въ его справедливости, которую наконецъ, Васко де-Гама и доказалъ блистательнымъ образомъ, обогнувъ Мысъ-Доброй-Надежды.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 15.

О судахъ Коломбы.

Докторъ Робертсонъ, говоря о малыхъ размерахъ судовъ, на которыхъ Колумбъ совершилъ первое свое путешествіе, замѣчаетъ, что «въ пятнадцатомъ вѣкѣ величина и конструкция судовъ соответствовали непродолжительнымъ и нетруднымъ путешествіямъ, обыкновенно предпринимаемымъ вдоль береговъ.» Мы имѣемъ, однакожь, много доказательствъ, что еще до пятнадцатаго столѣтія, Испанія и другія державы употребляли большія суда. Въ уложеніи, изданномъ въ Барселоннѣ Петромъ IV, въ 1354 году, заключающемъ въ себѣ различныя постановленія для обезпеченія торговли, упоминается о Каталонскихъ купеческихъ судахъ съ двумя и тремя палубами, поднимавшихъ грузу отъ восьми до двѣнадцати тысячъ центнеровъ. Въ 1419 году Алонсо Аррагонскій снарядилъ нѣсколько купеческихъ судовъ для

перевозки артиллеріи, лошадей и проч. изъ Барселонны въ Италію, и въ числѣ этихъ судовъ находились два корабля, изъ которыхъ на каждый было помѣщено по сту-двадцати лошадей, изъ чего должно заключить, что они были по крайней-мѣрѣ въ шесть сотъ тоннъ. Еще упоминается объ одномъ Венеціанскомъ кораблѣ, прибывшемъ въ 1463 году изъ Англій въ Барселонну съ грузомъ хлѣба, въ семь сотъ тоннъ.

Въ 1497 году пришло Кастильское судно съ грузомъ въ двѣнадцать-тысячъ центнеровъ. Эти суда, взятая на удачу изъ числа другихъ кораблей той-же величины, приходившихъ въ одинъ портъ, доказываютъ, что большія суда были уже въ употребленіи въ ту эпоху (1). И во время приготовленій ко второй экспедиціи Коломба, были снаряжены въ портъ Борнео — одна карака въ тысячу-двѣсти-пятьдесятъ тоннъ и четыре корабля отъ ста-пятидесятъ до четырехъ-сотъ пятидесятъ тоннъ; но они получили назначеніе отвезть Мумей Боабдила, послѣдняго Мавританскаго царя, изъ покоренныхъ его владѣній на Африканскій берегъ (2). Слѣдственно не отъ недостатка большихъ кораблей въ Испанскихъ портахъ, Коломбъ употребилъ суда малыхъ размѣровъ, но потому,

(1) Capomani, *Questiones indicas*, quest. VI.

(2) *Archives des Indes*, à Séville.

что считал ихъ болѣе удобными въ путешествіяхъ для открытій, такъ-какъ они неслишкомъ глубоко сидятъ въ водѣ и поэтому легче и съ меньшею опасностью могутъ быть употреблены у неизвѣстныхъ береговъ при обознаніи заливовъ и устьевъ рѣкъ. Онъ велѣлъ даже нарочно построить нѣсколько малыхъ судовъ, собственно для этой цѣли. Такова была карабелла, посланная имъ во время третьяго путешествія для отысканія выхода въ верхней части залива Паріи, когда глубина воды стала недостаточна для его корабля, во сто тоннъ. Страннѣе всего, что суда Коломба была безъ палубъ, и трудно даже повѣрить, чтобы столь продолжительное и опасное путешествіе было совершено въ открытыхъ ладьяхъ такой непрочной конструкции. Однакожъ въ истинѣ этого событія удостовѣряетъ насъ положительное свидѣтельство Пьера Мартира, заключающееся въ его «Декадахъ», писанныхъ въ то же время, и самъ Колумбъ, въ «Запискахъ» о своихъ путешествіяхъ, присланныхъ имъ къ сыну своему, упоминаетъ во многихъ мѣстахъ о нѣкоторыхъ судахъ своихъ безъ палубъ. Онъ называетъ иногда одно и то же судно то кораблемъ, то карабеллой, и по этому случаю недавно возникли споры о точномъ значеніи слова «карабелла.» Кавалеръ Босси, въ диссертацияхъ своихъ о Колумбѣ, замѣчаетъ, что на Средиземномъ-Морѣ карабеллами на-

зывались у Мусульманъ самыя большіе военные корабли, а въ Португаліи это слово означало малыя суда, отъ ста-двадцати до ста-сорока тоннъ; но Коломбъ даетъ иногда то-же названіе и судну въ сорокъ тоннъ.

Дюканжъ, въ своемъ *Glossaire*, производитъ это слово отъ Италіянскаго корня; Босси считаетъ его Турецкимъ или Арабскимъ, введеннымъ въ Европейскіе языки, вѣроятно Мавританами. Г. Эдвардъ Эверетъ (1) полагаетъ, что настоящее значеніе слова «карабелла» опредѣлено Ферраріемъ въ его *Ortographes linguoe italicoe*; «*Caravela, navigii minoris genus; latine carabus; groesse кх а о.*»

Раздѣленіе судовъ на классы, сдѣланное королемъ Алонсо около половинъ XIII столѣтія, ясно доказываетъ, что слово «карабелла» употреблялось для означенія судовъ небольшого размѣра. Онъ помѣщаетъ въ первомъ классѣ *naos*, или большіе корабли, которые ходили только подъ парусами и изъ которыхъ одни имѣли по двѣ мачты, другіе по одной; ко второму классу относятъ суда меньшихъ размѣровъ, какъ то: *caraccas, fustas, ballenares, pinaxas, carabelas*, и проч.; къ третьему — тѣ, которыя могли ходить и подъ парусами и на веслахъ, то-есть: галеры, галіоты, тарданты и сакціи (2).

(1) Plymouth, *Oration.*, note.

(2) Capomani, *Questiones criticas.*

Босси издалъ копию съ письма Колумба къ дону Рафаэлю Ксансису, казначею Испанскаго короля. Одинъ экземпляръ этого письма находится въ Миланской публичной библиотекѣ. Къ этой копиѣ Босси присоединилъ разныя гравюры, вырѣзанныя на деревѣ, съ очерковъ, сдѣланныхъ перомъ, которые были приложены къ подлинному письму и которые онъ приписываетъ самому Колумбу. Они изображаютъ суда, вѣроятно, каравеллы. Носы и кормы у этихъ судовъ очень высоки и на послѣднихъ устроены каюты — такъ называемыя замки; мачты довольно низки, съ большими четырехугольными парусами. На одномъ изъ судовъ, кромѣ парусовъ, означены скамьи для гребцовъ; это, вѣроятно, изображеніе галеры. Всѣ эти суда очевидно малыхъ размѣровъ и легкой конструкціи.

При одномъ сочиненій, подъ заглавіемъ : *Recherches sur le Commerce*, изданномъ въ Амстердамѣ въ 1779 году, приложена гравюра, изображающая корабль послѣдней половины пятнадцатаго столѣтія, срисованный съ картины въ церкви св. Іоанна и св. Павла, въ Венеціи. Этотъ корабль имѣетъ большое сходство съ рисунками, приписываемыми Колумбу. Онъ съ двумя мачтами, изъ которыхъ одна очень короткая съ треугольнымъ парусомъ, а другая повыше съ четверугольнымъ; корма и носъ также возвышены; на

обоихъ концахъ -- палубы, а середина открытая.

Изъ всего этого должно заключить, что большая часть судовъ, на которыхъ Колумбъ совершалъ свои продолжительныя и опасныя путешествія, принадлежали къ разряду легкой и непрочной конструкціи, и не превосходили величиной своей мелкихъ каботажныхъ судовъ, плавающихъ въ наше время въ рѣкахъ и около береговъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 16.

О путяхъ, которыми следовалъ Колумбъ въ первое свое путешествие (1).

До-сихъ-поръ общее мнѣніе было то, что Колумбъ присталъ въ первый разъ къ Ново-Му-Свѣту у одного изъ Багамскихъ - Острововъ, названнаго имъ Санъ - Сальвадоромъ, и извѣстнаго также подъ именемъ Кошачьяго-Острова. Но Мартинъ Наваретъ, директоръ гидрографическаго депо въ Мадридѣ, въ «Вне-

(1) При составленіи этой статьи мы руководствовались въ особенности превосходнымъ изслѣдованіемъ путей Колумба одного морскаго офицера Соединенныхъ - Штатовъ, котораго имени, къ сожалѣнію, не можемъ обнаружить, не имѣя на то его позволенія. И кромѣ этой статьи, мы почерпнули много весьма полезныхъ свѣдѣній, относящихся къ морской части, изъ того-же источника, при составленіи разныхъ мѣстъ нашего сочиненія.

деніи» къ своему *Собранію путешествій и открытій, совершенныхъ Испанцами*, оспариваетъ это мнѣніе и утверждаетъ, что первенство открытія принадлежитъ небольшому островку *Тюркасу*, находящемуся въ той же группѣ, около ста миль (считая по двадцати миль въ градусѣ) юго-восточнѣй Санъ-Сальвадора. Это мнѣніе Г. Наварета мы старались повѣрить тщательнѣйшимъ образомъ, сличали его съ «Дневникомъ» Коломба, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ помѣщенъ въ его «Собраніи,» и съ собственными нашими наблюденіями, которыя мы имѣли случаи дѣлать въ продолженіе частыхъ путешествій между этими островами.

Коломбъ описываетъ Гуанагани, на который онъ сдѣлалъ высадку и который назвалъ Санъ-Сальвадоромъ, прекраснымъ, довольно обширнымъ и низменнымъ островомъ, покрытымъ лѣсомъ, — изобилующимъ прѣсною водою и съ большимъ озеромъ посерединѣ; говорить, что этотъ островъ былъ сильно населенъ; что онъ обошелъ его на шлюпахъ на значительное разстояніе; что берега его простираются въ сѣверо-восточномъ направленіи, и что обходя ихъ, онъ получалъ посѣщенія жителей многихъ селеній.

Островъ Тюркасъ вовсе не соответствуетъ приведенному нами описанію: это — низменная полоса песчаной и кремнистой земли,

простирающаяся отъ сѣвера на югъ не болѣе какъ на двѣ мили въ длину, на которой не только нѣтъ лѣсу, но даже ниодного дерева, которое-бы росло на природной почвѣ. Въ прѣсной водѣ — совершенный недостатокъ, такъ-что единственное средство жителей удовлетворять этой потребности заключается въ дождевой водѣ, которую они сохраняютъ въ бочкахъ и водоемахъ. Озера — и слѣда нѣтъ; а есть нѣсколько соляныхъ копей, составляющихъ единственный источникъ промышленности произведеніями тамошней природы. Съ восточной и сѣверо-восточной стороны островъ Тюркасъ окруженъ рифами, которые дѣлаютъ невозможнымъ доступъ къ нему съ этихъ сторонъ. При немъ нѣтъ гавани, кромѣ одного открытаго рейда, изъ котораго корабли, стоящіе на якорѣ, принуждены отплыть въ открытое море всякой разъ, какъ только перемѣняется постоянный пассатный вѣтеръ, дующій съ сѣверо-востока, потому-что берега его такъ скалисты, что якорь можно бросить только у самой земли, и когда вѣтеръ дуетъ съ моря, корабли, остающіеся на рейдѣ, подвергаются опасности претерпѣть крушеніе, ударясь объ утесы, или быть выброшенными на берегъ жестокимъ прибоемъ волнъ. Рейдъ «Соколиное-Гнѣздо,» у южной оконечности Тюркаса, еще опаснѣй. Почва этого острова, вовсе неспособная къ воздѣланію, едва доставляетъ пропитаніе не-

большому числу барановъ и лошадей. Всѣ съѣстные припасы, необходимые для потребленія жителей — привозные, исключая рыбы и черепахъ, которые довятся тамъ въ большомъ количествѣ и составляютъ главнѣйшую пищу невольниковъ, работающихъ на тамошнихъ солеварняхъ. Все богатство острова заключается въ произведеніи соляныхъ копей, да еще въ наградахъ, получаемыхъ жителями за спасеніе грузовъ кораблей, весьма часто разбиваемыхъ у его береговъ, или въ расхищеніи ихъ. На островъ Тюркасъ никогда не могли обитать дикія племена, не занимающіяся торговлей и извлекающія пропитаніе изъ самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ.

Кромѣ-того, Коломбъ, описывая Гуангани, упоминаетъ о множествѣ острововъ, которые находились у него въ виду, и говоритъ, что онъ былъ въ нерѣшимости, къ которому изъ нихъ пристать прежде, — а съ Тюркаса не видно ниодного острова, исключая двухъ каѳевъ, лежащихъ отъ него къ югу и составляющихъ вмѣстѣ съ нимъ группу, извѣстную подъ именемъ Тюркасской. Изъ «Дневника» Коломба не видно, какого направленія онъ держался при переѣздѣ отъ Гуангани къ острову Зачатія; но онъ говоритъ, что между этими двумя островами — около семи миль пространства, и что онъ плылъ «противъ теченія;» между-тѣмъ какъ Тюркасъ от-

стоитъ отъ Большой-Каики, названной Коломбомъ, по мнѣнію Наварета, островомъ Зачатія, почти вдвое дальше и теченіе между этими двумя островами стремится въ западо-сѣверо-западномъ направленіи, что благопріятствовало-бы переезду отъ Тюркаса къ Каикской группѣ.

Отъ «Зачатія» Коломбъ взялъ направленіе къ одному острову, лежащему въ виду, миляхъ въ девяти на западъ, и назвалъ его Фернандиной. Наваретъ полагаетъ, что этотъ островъ — Малая-Инагуа; но Малая-Инагуа лежитъ въ двадцати-двухъ миляхъ отъ Большой-Каики, и притомъ на пути къ ней Коломбъ необходимо долженъ-бы былъ пройти весьма близко мимо трехъ острововъ, изъ которыхъ каждый больше Тюркаса, и о которыхъ въ его «Дневникъ» не сказано нигдѣ ни слова. Описывая островъ Фернандину, Коломбъ говоритъ, что онъ простирается на двадцать - восемь миль по направленію отъ юго-востока на сѣверо-западъ, между тѣмъ какъ самая большая длина Малой-Инагуи не превышаетъ четырехъ миль, въ юго-западномъ направленіи. Однимъ словомъ, описаніе Фернандины не имѣетъ ничего общаго съ Малой-Инагудей. Отъ Фернандины Коломбъ отплылъ на юго-востокъ, къ Изабель, которую Наваретъ считаетъ Большою-Инагудей, хотя этотъ послѣдній островъ лежитъ отъ Малой-Инагуи не въ сѣверо, а въ юго-

западномъ направленіи, что дѣлаетъ разницы въ пути, которымъ следовалъ Коломбъ, на девяносто градусовъ.

Далѣе, Коломбъ замѣчаетъ мимоходомъ въ своемъ Дневникѣ (20 ноября), что отъ Гуаанаги до Изабеллы восемь миль, — между-тѣмъ какъ островъ Тюркасъ отстоитъ отъ Большой-Инагуи на тридцать-пять миль. Отплывъ отъ Изабеллы Коломбъ взялъ направленіе на западо-юго-западъ, къ Кубѣ, и на пути встрѣтилъ Авнасскіе-Острова. Путь въ этомъ направленіи отъ Большой-Инагуи привелъ бы его къ берегамъ Кубы около Нискаго порта; но Наваретъ полагаетъ, что Коломбъ находился послѣ этого у Каикскихъ-Острововъ, лежащихъ къ югу отъ Юмантосской группы и къ востоко-сѣверо-востоку отъ Инагуи, что составляетъ разности съ тѣмъ путемъ, которымъ шли суда Коломба, сорокъ-пять градусовъ. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія у береговъ Кубы, Коломбъ 14 ноября вошелъ въ Море-Богоматери (*Nuestra-Sennoга*), усѣянное безчисленнымъ множествомъ острововъ, — между-тѣмъ какъ Наваретъ помѣщаетъ его въ этотъ день на высотѣ Мыса - Моа, гдѣ всего одинъ только небольшой островокъ, и на разстояніи пятидесяти миль нѣтъ никакой группы, къ которой-бы можно было примѣнить это описаніе.

Коломбъ говоритъ, что отъ Санъ - Сальвадора до Королевскаго-Порта (*Puerto-del-Prin-*

sire) сорокъ-пять миль, — между-тѣмъ какъ островъ Тюркасъ лежитъ отъ того пункта, которымъ Наваретъ опредѣляетъ положеніе этого порта, въ восьмидесяти миляхъ разстоянія.

Далѣ Коломбъ пишетъ, что, отплывъ отъ Кубы, онъ прошелъ вдоль берега этого острова сто - двадцать миль. Если положить двадцать миль на извилины береговъ, останется еще сто; Наваретъ полагаетъ, что онъ прошелъ около берега Кубы не болѣе семидесяти миль.

Вотъ важнѣйшія несходства, которыя представляетъ теорія Наварета съ общепринятымъ мнѣніемъ, на счетъ первой высадки Колумба при открытіи Новаго - Свѣта, въ Санъ - Сальвадоръ. Они, кажется, несогласимы. Теперь послѣдуемъ за Коломбомъ по тому пути, который означенъ въ его «Дневникъ», и положивъ передъ собой исправныя карты, рассмотримъ, до какой степени согласуются между собой эти два различныя мнѣнія.

Въ «Дневникъ» Колумба сказано, что 11-го октября 1492 года онъ плылъ въ западо-юго-западномъ направленіи до захожденія солнца, а потомъ повернулъ опять прямо на западъ, и что его суда уходили по три мили въ часъ. Въ десять часовъ онъ и многіе изъ его спутниковъ увидѣли вдали свѣтъ, походившій на свѣтъ отъ факела, который какъ-бы несъ

кто-нибудь по землѣ. Онъ продолжалъ плыть въ томъ-же направленіи (четыре часа и прошелъ въ это время двѣнадцать миль; въ два часа утра открылась земля въ двухъ миляхъ разстоянія отъ судовъ. Пройденныя имъ двѣнадцать миль съ десяти часовъ вечера до двухъ утра, вмѣстѣ съ двумя милями, отдѣлявшими суда отъ земли, составляютъ итогъ, совершенно соответствующій положенію и разстоянію острова Ватлинга относительно къ Санъ-Сальвадору, изъ чего заключаютъ, что свѣтъ, усмотрѣнный Колумбомъ и его спутниками въ десять часовъ вечера, доходилъ съ острова Ватлинга, на высотѣ котораго флотъ тогда плылъ. Еслибъ этотъ свѣтъ видѣлся съ земли, лежащей прямо по направленію пути судовъ, то они, уходя по три мили въ часъ, въ продолженіе четырехъ часовъ, непременно съби-бы на мель у берега.

Приблизясь къ землѣ, суда легли въ дрейфъ до разсвѣта; 12 октября они бросили якорь у «прекраснаго, лѣсистаго и весьма многочисленнаго» острова.

Туземцы называли этотъ островъ — Гуангани; Колумбъ далъ ему названіе Санъ-Сальвадора. Обозрѣвая часть берега, простирающуюся на сѣверо-сѣверо-востокъ, онъ открылъ весьма обширную гавань. Это описаніе совершенно соответствуетъ юго-восточной части острова, извѣстнаго подѣ именемъ

Санъ-Сальвадора, или Кошачьяго-Острова, идущей отъ востока на западъ и загибающейся восточною оконечностью на сѣверо-сѣверо-востокъ. Надобно думать, что въ этомъ самомъ заливѣ юго-восточнаго берега Санъ-Сальвадора суда простояли въ дрейфѣ утро 12 числа, въ ожиданіи разсвѣта, и что здѣсь Коломбъ, ни у берега, ни отплывъ отъ него, не могъ обнять зрѣніемъ столько земли чтобъ усмотрѣть то мѣсто, гдѣ загибается одна изъ его оконечностей, которою онъ ограничилъ все пространство острова, но которая закрывала собой главную часть его, простирающуюся далеко къ сѣверо-востоку. Отъ Гуанагани виднѣлось такое множество острововъ, что Коломбъ не зналъ, къ которому изъ нихъ плыть прежде. Туземцы объясняли ему, что этимъ островамъ нѣтъ счету и назвали по именамъ до ста изъ нихъ. Онъ рѣшился взять направление къ самому большому, отстоящему миль на пять отъ Санъ-Сальвадора; прочіе лежали ближе и дальше этого разстоянія. Полагаютъ, что избранный имъ островъ — тотъ самый, который извѣстенъ въ наше время подъ именемъ «Зачатія», а прочіе — составляютъ ту странную гряду маленькихъ островковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Цѣпи», или «Замка» (на Русскихъ картахъ — «Подводные камни Катонса»); которая простирается далеко за Санъ-Сальвадоръ по направленію отъ юго-

востока на сѣверо-западъ. Крайніе острова этой группы находились къ Колумбу ближе «Зачатія;» прочіе отходили далѣе.

Колумбъ отплыль отъ Санъ-Сальвадора къ избранному имъ острову 14 числа, послѣ полудня; суда его простояли всю ночь въ дрейфѣ и пристали къ берегу уже на другой день очень поздно, потому-что ихъ плаваніе замедлялось противными теченіями. Колумбъ называлъ этотъ островъ «Санта-Марія-де-ла-Консепсіонъ», или островомъ «Зачатія-Святой-Дѣвы.» Онъ не означаетъ ни относительнаго положенія его къ Санъ-Сальвадору, ни черты направленія своего плаванія къ нему. Но извѣстно, что въ этомъ мѣстѣ теченіе стремится сильно и постоянно къ западо-сѣверо-западу; а такъ-какъ Колумбъ плылъ противъ теченія, то и должно заключить, что онъ шелъ въ востоко-юго-восточномъ направленіи. Кромѣ-того, подойдя къ острову «Зачатія», онъ увидѣлъ въ западной сторонѣ другой островъ, который превосходилъ величиною всѣ, видѣнные имъ до того времени; однакожь онъ бросилъ якорь у «Зачатія» и не располагалъ приставать къ большому острову, потому-что «не могъ идти на западъ.» Это обстоятельство доказываетъ очевиднымъ образомъ, что Колумбъ на пути отъ Санъ-Сальвадора къ «Зачатию» не отклонялся на западъ, потому-что противные вѣтры препятствовали ему плыть въ этомъ направле-

ни (другой причины не могло быть). Сличивъ его «Дневникъ» съ картой, мы видимъ что островъ, известный въ наше время подъ именемъ «Зачатія», дѣйствительно лежитъ на востоко-юго-востокъ, отъ Санъ-Сальвадора и отстоитъ отъ него ровно на пять миль.

Отплывъ отъ «Зачатія» 16 октября, Колумбъ взялъ направленіе къ одному очень большому острову, который показался миляхъ въ девяти на западъ, простираясь въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу на двадцать-восемь миль. На пути къ нему онъ былъ застигнутъ тишью и присталъ къ берегу уже на слѣдующее утро, 17 октября. Онъ назвалъ этотъ островъ — Фернандиною. Въ полдень онъ снова поднялъ паруса, въ намѣреніи обойти его и пристать къ другому острову, Самоэту; но такъ какъ вѣтеръ дулъ съ юго-востоко-четверть-юга, то-есть именно противъ того направленія, куда онъ располагалъ плыть, то дикіе объяснили ему, что легче будетъ обойти островъ держась на сѣверо-западъ, при попутномъ вѣтрѣ. Онъ взялъ указанное ими направленіе, и пройдя двѣ мили, открылъ превосходную гавань съ тѣснымъ входомъ, или лучше-сказать съ двумя входами, образованными островомъ, лежащимъ у самаго ея устья. Вышедъ изъ этой гавани противоположнымъ, сѣверо-западнымъ входомъ, онъ увидѣлъ часть острова, простирающуюся

отъ востока на западъ. Туземцы объяснили ему, что этотъ островъ www.wlib.ru менше Самоэта, и что онъ лучше сдѣлаетъ, если возьметъ направленіе къ послѣднему. Здѣсь опять застигъ его штиль; но вскорѣ подулъ свѣжій западо-сѣверо-западный вѣтеръ, противный тому пути, котораго онъ держался. Поэтому онъ перемѣнилъ направленіе, подъ вѣтеръ, на востоко - юго - востокъ, чтобъ выдти въ открытое море, потому-что небо грозило бурей, которая однакожь разрѣшилась дождемъ. На другой день, 18 октября, суда бросили якорь противъ оконечности Фернандины.

Все это описаніе совершенно примѣняется къ острову Эксумъ, лежащему къ югу отъ Санъ-Сальвадора и къ юго-западо-четверть-югу отъ «Зачатія». Единственная разница въ томъ, что, по словамъ Колумба, Фернандина лежитъ почти на западъ отъ «Зачатія» и простирается въ длину на двадцать-восемь миль.

Эта ошибка могла произойти оттого, что онъ принялъ длинную цѣпь кайевъ, или небольшихъ островковъ, о которой мы говорили выше, за продолженіе берега Эксумы, потому-что со стороны «Зачатія» цѣпь эта дѣйствительно кажется продолженіемъ Эксумы, простираясь въ томъ-же направленіи, отъ юго-востока на сѣверо-западъ. Относительное положеніе этой гряды и острова Эксумы, если смотрѣть на нихъ съ одного пункта,

одинаково съ запада и съ юго-запада. Наше замѣчаніе ~~получаетъ еще~~ болѣе правоподобія по тому обстоятельству, что когда Колумбъ подошелъ ближе къ Фернандинъ, то протяженіе ея не только не увеличилось въ его глазахъ, но еще уменьшилось, такъ-что онъ опредѣляетъ уже всю длину ея въ двадцать миль, между тѣмъ какъ прежде полагалъ ее въ двадцать-восемь. Онъ увидѣлъ тогда, что вмѣсто одного острова, тамъ ихъ много, и перемѣнивъ путь, взялъ направленіе на югъ, въ намѣреніи пристать къ самому большому изъ нихъ.

Тождественность описаннаго Колумбомъ острова съ Эксумой, кажется, несомнѣнна. Разстояніе его отъ «Зачатія» замѣчательная гавань, закрытая островомъ; уклоненіе берега на западъ, — все означено въ немъ столь точно, какъ-будтобъ положеніе Эксумы на нынѣшнихъ картахъ опредѣлено по описаніямъ Колумба.

19 октября суда отплыли отъ Фернандины къ юго-востоку при сѣверномъ вѣтрѣ. Послѣ трехъ-часоваго плаванія въ этомъ направленіи, они открыли въ восточной сторонѣ островъ Самоэть, и, повернувъ къ нему, достигли сѣверной его оконечности, у которой встрѣтили небольшой островокъ, окруженный скалами, а между нимъ и Самоэтомъ другой рифъ. Колумбъ назвалъ Самоэть — Изабеллой, оконечность противъ островка —

Кабо-дель-Ислео; а юго-западную оконечность острова Самоэта — *Кабо-де-Лагуна*, у которой корабли его бросили якорь. Маленькой островокъ простирался отъ востока на западъ, по направленію отъ Фернандины къ Изабелль. Отъ него берегъ Самоэта шель на двѣнадцать миль къ западу, до мыса, названнаго Коломбомъ — *Формоза*, по красотѣ его. Онъ принялъ этотъ берегъ, за особый островъ, отдѣленный отъ Изабеллы помянутымъ островкомъ. Простоявъ у Кабо-де-Лагуны до 20 октября, Коломбъ отплылъ на сѣверо-востокъ къ Кабо-дель-Ислео; но встрѣтивъ у островка подводные камни, бросилъ якорь уже на другой день. Здѣсь экипажъ его открылъ озеро и запасся изъ него свѣжею водою.

Описаніе острова Самоэта, или Изабеллы, соответствуетъ такъ совершенно острову Ларгъ, лежащему на востокъ отъ Эксумы, что довольно одного взгляда на карту, чтобъ убѣдиться въ ихъ тождественности.

24 октября, въ полночь, Коломбъ отплылъ отъ Кабо-дель-Ислео на западо-юго-западъ, къ одному острову, который туземцы называли — *Куба*, и означали относительное положеніе его къ Изабелль въ этомъ направленіи. До половины дня вѣтеръ дулъ слабо и шель дождь, а съ полудня вѣтеръ сдѣлался сильнѣй, и къ вечеру мысъ Ферде, составляющій юго-западную оконечность Фернандины, оставался уже миляхъ въ семи назади,

въ сѣверо-восточномъ направленіи. Между-
тѣмъ погода принимала грозный видъ, и су-
да легли въ дрейфъ до утра.

Утромъ 25-го, Коломбъ продолжалъ плаваніе
на западо-юго-западъ до девяти часовъ, и
прошелъ пять миль. Потомъ повернулъ пря-
мо на западъ и до трехъ часовъ прошелъ
еще одинадцать миль. На этомъ разстояніи
открылась, миляхъ въ пяти отъ судовъ, груп-
па островковъ, состоящая изъ семи или
восьми кайевъ и простирающаяся отъ сѣвера
на югъ. На другой день онъ бросилъ якорь
съ южной стороны этихъ островковъ, и наз-
валъ ихъ Аренскими (Arenas). Всѣ они —
низменны и имѣютъ отъ пяти до шести
миль протяженія.

Пространство, пройденное Коломбъ, вмѣ-
стѣ съ разстояніемъ отъ Аренскихъ - Остро-
вовъ до эскадры, въ то время когда они от-
крылись передъ ней, составляетъ тридцать
миль. Этотъ итогъ разнится не болѣе какъ
мили на три противъ того разстоянія, кото-
рое заключается между юго-западною око-
нечностью Изабеллы, или Эксумы, отъ кото-
рой отплылъ Коломбъ, и Мукарасскою груп-
пой, лежащею въ востоку отъ Кайо-Лобо на
большой Багамской отмѣли и соответствующею описанію Коломба. Еслибъ нужно бы-
ло объяснять эту разность въ три мили раз-
стоянія, въ вычисленіи большею частью при-
мѣрномъ, то стоило-бы обратиться къ пер-

вому морскому офицеру, для котораго подобная невѣрность въ двѣ-три мили, сдѣланная въ продолженіе длинной бурной ночи, не представляетъ ничего необыкновеннаго. Путь къ Муркарасской группѣ идетъ въ юго-западо-четверть-западномъ направленіи; тотъ, которымъ слѣдовалъ Коломбъ, нѣсколько разнится съ этимъ направленіемъ; но такъ какъ Коломбъ отплылъ отъ Изабеллы на западо-юго-западъ, а потомъ повернулъ прямо на западъ, то должно полагать, что онъ сдѣлалъ эту перемѣну въ направленіи потому, что суда его во время дрейфа, ночью, были отнесены въ сторону.

27-го октября, съ восхожденіемъ солнца, Коломбъ отплылъ отъ Аренскихъ, или Мукарасскихъ, острововъ въ юго-юго-западномъ направленіи, отыскивать Кубу, и пройдя семнадцать миль, при наступленіи ночи, увидѣлъ землю и положилъ суда въ дрейфъ до утра.

Въ этомъ мѣстѣ «Дневникъ» Коломба уже не представляетъ прежней точности въ описаніи мѣстностей. Самый текстъ его мѣстами становится теменъ.

Простоявъ въ дрейфѣ до утра 28 октября, суда взяли направленіе на юго-западъ, къ Кубѣ, и вошли въ прекрасную рѣку съ удобнымъ портомъ, который Коломбъ назвалъ — Санъ-Сальвадоромъ. Мы думаемъ, что это то самое мѣсто, которое въ наше время известно подъ именемъ Карабелласъ-Грандесъ, лежащее въ восьми миляхъ западнѣй Нуеви-

тась-дель-Принципе. Относительное положеніе его къ Мукарасскимъ - Островамъ и разстояніе отъ нихъ, въ точности соотвѣтствуютъ направленію пути Коломба и числу пройденныхъ имъ миль, и самое описаніе мѣстности, сколько можно судить по картѣ, совершенно примѣняется къ этому порту. 29-го октября Коломбъ отплылъ изъ Санъ-Сальвадора на западъ, и пройдя шесть миль достигъ одной изъ оконечностей острова, простирающейся на сѣверо-западъ, — по нашему мнѣнію той, которая теперь называется Ла-Пунта-Горда. Въ десяти миляхъ далѣе онъ встрѣтилъ другую, восточную оконечность, — думаемъ нынѣшнюю Ла-Пунта-Куріана. Еще проплывъ одну милю, онъ открылъ маленькую рѣчку, а немного далѣе — весьма большую рѣчку, названную имъ Рио-де-лосъ-Маресъ. Эта рѣка, по его описанію, вливается въ прекрасный водоемъ, который образуетъ собой родъ озера, и изъ рѣки въ это озеро удобный входъ. Мѣстность этого пункта онъ обозначаетъ — къ юго-западу двумя круглыми горами, а къ востоку-сѣверо-востоку — возвышеннымъ мысомъ, далеко вдающимся въ море, весьма удобнымъ для постройки на немъ укрѣпленія. Мы полагаемъ, что это описаніе относится къ прекрасной гавани и рѣкѣ, лежащимъ къ западу отъ Пунта-Куріана; разстояніе соотвѣтствуетъ пути, пройденному Коломбомъ отъ Карабеласъ-Грандесъ, ко-

тору ю мы приняли за Санъ - Сальвадорскій портъ. Вышедъ изъ рѣки Лосъ-Маресъ, Коломбъ отплылъ, 30 октября, на сѣверо-западъ и пройдя пятнадцать миль, увидѣлъ одинъ мысъ и назвалъ его — Пальмовымъ: думаемъ, что это тотъ самый мысъ, который выдается у восточнаго входа Лагуны-де-Моронъ. За нимъ, по словамъ туземцевъ, протекала рѣка, отъ которой отстоялъ на четыре дня пути городъ Куба; Коломбъ рѣшился слѣдовать къ этой рѣкѣ.

Простоявъ ночь въ дрейфѣ, онъ прибылъ къ ней 31-го октября; но не могъ войти въ нее за мелководьемъ. Эту рѣку считаютъ нынѣшнею Лагуна - де - Моронъ. За ней, по по словамъ Колумба, выдается мысъ, окруженный скалами, а еще далѣе виднѣтся другой. Эти два мыса образуютъ собой заливъ, удобный для небольшихъ судовъ.

Тождественность этого описанія съ прибрежьемъ Лагуны-де Моронъ, кажется здѣсь совершенно очевидною. Восточный мысъ Лагуны-де-Моронъ соотвѣтствуетъ Пальмовому Мысу; сама Лагуна-де Моронъ — неглубокой рѣкѣ, которую описываетъ Коломбъ; а въ мысъ, лежащемъ къ западу отъ входа, и островъ Кабрionъ, находящемся противъ него, нельзя не узнать двухъ другихъ мысовъ, которые, какъ ему казалось, образуютъ собой заливъ. Все это вмѣстѣ представляетъ замѣчательныя точки сходства, которыхъ

нельзя найти ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ того, у котораго находился и которое описалъ Коломбъ. Кромѣ того, по его словамъ, берегъ отъ самаго Санъ-Сальвадорскаго порта простирается на западъ до рѣки Лосъ-Маресь, на разстояніи семнадцати миль, а отъ этой рѣки идетъ на сѣверо-западъ до Пальмоваго-Мыса, на пятнадцать миль: разстоянія, совершенно сообѣтствующія нашему предположенію. Послѣ этого поднялся сѣверный вѣтеръ, противный тому направленію, куда слѣдовали суда; они повернули назадъ и вошли въ рѣку Лосъ-Маресь.

12-го ноября суда отплыли изъ этой рѣки на поискъ острова Бабеки, изобилующаго, по мнѣнію Коломба, золотомъ и лежащаго въ восточно-четверть-южномъ направленіи отъ мѣста ея впаденія. Пройдя восемь миль при попутномъ вѣтрѣ, они достигли одной рѣки, — совершенно сообѣтствующей своимъ положеніемъ той, которая находится прямо на западъ отъ Пунта-Горда. Въ четырехъ миляхъ отъ этой рѣки Коломбъ открылъ другую рѣку и назвалъ ее — Рио-дель-Соль. Она казалась очень большою; но эскадра не остановилась для ея обозрѣнія, а пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ продолжала путь. По нашему мнѣнію, это та самая рѣка, которая извѣстна подъ именемъ Саваны. Коломбъ тогда плылъ назадъ и прошелъ двѣнадцать миль отъ рѣки Лосъ-Маресь; но нѣльзя

къ ней отъ Санъ-Сальвадора, съ запада, онъ сдѣлалъ семнадцать миль: слѣдственно Санъ-Сальвадоръ находится тогда въ пяти миляхъ къ востоку отъ Рио-дель-Соль. Взглянувъ на карту, мы видимъ, что Карабелась-Грандесъ лежитъ именно въ этомъ разстояніи отъ Саваны.

Въ шести миляхъ отъ Рио-дель-Соль, то есть въ восемнадцати отъ Лось-Маресъ, Колумбъ открылъ мысъ, который назвалъ Кабодель-Куба, — вѣроятно потому, что принялъ его за оконечность этого острова. Это самое разстояніе отдѣляетъ Мысъ-Касьяна отъ Малой-Гуаявы, — острова, лежащаго подлѣ Кубы, между которыми и Большою-Гуаявой Колумбъ долженъ былъ проходить слѣдуя къ Санъ-Сальвадорскому порту. Но онъ — или незамѣтилъ его, потому что въ то время все вниманіе его было занято великолѣпнымъ островомъ, открывшимся предъ нимъ, — или, что также возможно, суда его были пронесены черезъ этотъ проходъ, въ двѣ мили шириною, теченіемъ, въ то время, когда они лежали въ дрейфѣ, въ ночь, предшествовавшую ихъ прибытію въ Санъ-Сальвадорскій портъ.

Утромъ 13-го ноября, простоявъ ночь въ дрейфѣ, суда обогнули одинъ мысъ, выдававшійся на двѣ мили, и вошли въ заливъ, простирающійся въ юго-юго-западномъ направленіи, который принялъ Колумбъ за проливъ, отдѣляющій Кубу отъ Богио. Этотъ заливъ

оканчивался большимъ водоемомъ, лежащимъ между двухъ горъ, Коломбъ не могъ дознаться — рукавъ-ли это, или заливъ, потому-что не отыскавъ закрытаго мѣста отъ сѣвернаго вѣтра, отплылъ въ море. Изъ этого описанія видно, что Коломбъ обходилъ часть Малой-Гуаявы, которую онъ принялъ за оконечность Кубы, не зная того, что этимъ каналомъ, въ нѣсколько часовъ могъ-бы достигнуть Санъ-Сальвадорскаго порта, — перваго пункта, открытаго имъ на островѣ Кубы, — а потомъ рѣки Рио-дель-Соль, гдѣ онъ провелъ предшествовавшій день. Изъ двухъ горъ, усмотрѣнныхъ имъ по обѣимъ сторонамъ этого входа, та, которая больше, соответствуетъ пику Альто-де-Хуанъ-Даунъ, лежащему въ семи миляхъ къ западу отъ Пункта-де-Матернилось. При томъ-же сѣверномъ вѣтрѣ онъ повернулъ на востокъ и прошелъ четырнадцать миль отъ Кабо-де-Куба, который мы называли Малой-Гуаявой. Здѣсь уже становится очевиднымъ, что онъ принималъ оконечность Малой-Гуаявы за оконечность Кубы, потому-что, описывая землю, открывшуюся подъ вѣтромъ отъ вышеозначеннаго нами залива, онъ называетъ ее островомъ Богю, и говоритъ, что берегъ ея простирался передъ нимъ съ востоко-юго-востока на западо-сѣверо-западъ, на двадцать миль.

14-го ноября, простоявъ всю ночь въ дрейфѣ, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, Коломбъ

рѣшился искать гавани; а если не найдетъ ее, возвратится въ одну изъ прежнихъ, оставленныхъ имъ у береговъ Кубы: не должно забывать, что онъ считалъ всѣ земли на востокъ отъ Малой-Гуаявы, прилегающими къ острову Богю. Въ этомъ намѣреніи онъ прошелъ въ востоко-четверть-южномъ направленіи шесть миль, и потомъ повернулъ къ берегу. Здѣсь онъ увидѣлъ много острововъ и гаваней; но такъ-какъ вѣтеръ усилился и море сдѣлалось бурно, то онъ не рѣшился войти въ портъ, а продолжалъ плыть вдоль берега въ сѣверо-западо-четверть-западномъ направленіи. Пройдя восемнадцать миль, онъ увидѣлъ прекрасный входъ въ гавань, къ которой сначала держался въ юго-юго-западномъ направленіи, а потомъ повернулъ на юго-востокъ, потому-что плаваніе сдѣлалось свободно и безопасно. Въ этомъ мѣстѣ Колумбъ увидѣлъ безчисленное множество возвышенныхъ и покрытыхъ деревьями островковъ. Онъ назвалъ эту часть океана — Моремъ Богоматери, а гавань, лежащую у входа къ островамъ — Пуэрто-дель-Принципе. Онъ говоритъ, что вошелъ въ эту гавань въ слѣдующее воскресенье, то-есть спустя уже четыре дня. Въ этой части «Дневника» Колумба встрѣчаются запутанности; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорится о предметахъ, относящихся къ позднѣйшему времени, что даетъ видъ, какъ-будто онъ былъ составленъ уже послѣ

описанныхъ въ немъ событій , или что матеріалы въ немъ были перебиты при переносѣ. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что суда его въ продолженіи дрейфа въ предшествовавшую ночь, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ , были отнесены къ юго - западу и далеко увлечены въ томъ-же направленіи стремительнымъ теченіемъ Багамскаго-Канала. Слѣдовательно, вознамѣрившись вернуться въ оставленные имъ гавани у береговъ Кубы, онъ плылъ по вѣтру, и здѣсь открылъ въ первый разъ ту группу многочисленныхъ острововъ, изъ которыхъ важнѣйшій называется Кайо-Романо. Одного теченія этого канала достаточно было, чтобъ отнести суда на двадцать миль къ западу, именно на то разстояніе, на которое они подвинулись на востокъ со времени отплытія отъ Мыса-Кубы, или Малой-Гуаявы, потому-что они подвергались его вліянію цѣлыхъ тридцать часовъ. Невозможно сомнѣваться въ тождественности этихъ островковъ съ тѣми, которые окружаютъ Кайо-Романо, потому-что изъ всѣхъ кайевъ, лежащихъ около Кубы, одни только они неизменны и не болотисты, а возвышенны и довольно велики. Плаваніе между ними свободно и безопасно, и у береговъ ихъ очень много превосходныхъ гаваней, куда часто приставали въ послѣдствіи морскіе разбойники, находя между излучинами этихъ утесистыхъ кайевъ безопасныя убѣжища и надежныя мѣ-

ста для складки своей добычи. Судя по описанію Коломба, корабли его, кажется, прошли между островами Барилемъ и Пацедономъ, и слѣдуя вдоль Кайо-Романо, въ юго-восточномъ направленіи, на другой день вышли на мѣсто прежняго своего крейсированія, къ Малой-Гуаявъ. Коломбъ не говоритъ ни слова, перемѣнилъ-ли онъ якорное мѣсто между этими кайями; въ «Дневникъ» его не упоминается даже, становился-ли онъ якоремъ до самаго возвращенія его съ неудачнаго поиска Бабеки. Изъ сказаннаго выше ясно видно, что въ этомъ случаѣ суда его бросили якорь не въ портъ дель-Принципе; однакожь они не могли находиться далеко отъ него, потому-что 18-го ноября Коломбъ прибылъ въ этотъ портъ съ своими кораблями, для водруженія креста у его входа, вѣроятно, усмотрѣннаго имъ 13-го ноября, на пути изъ Гуаявы въ восточномъ направленіи. По описанію входа въ этотъ портъ, тожественность его съ тѣмъ, который извѣстенъ въ наше время подъ именемъ Нуэвитасъ-дель-Принципе, кажется несомнѣнна. Надобно думать, что Коломбъ не углублялся въ него.

19-го ноября суда снова отплыли на поискъ Бабеки. При захожденіи солнца портъ дель-Принципе находился отъ нихъ на юго-востоку, миляхъ въ семи разстоянія. Они продолжали плыть всю ночь въ сѣверо-востоко четверть-сѣверномъ направленіи, и на другой

день, 20-го ноября, къ десяти часамъ утра прошли пятнадцать миль. Здѣсь вѣтеръ повернулъ съ востоко-юго-востока, — направленіе, въ которомъ предполагали Бабеку, и погода приняла грозный видъ. Это заставило Колomba возвратиться въ портъ дель-Принципе, отъ котораго онъ находился тогда въ двадцати-пяти миляхъ, не заходя къ Изабелль, хотя она лежала только въ двадцати миляхъ, потому-что онъ опасался, чтобъ дикіе, взятые имъ съ Санъ-Сальвадора, отстоящаго на восемь миль отъ Изабеллы, не нашли случая убѣжать. Такимъ-образомъ, отплывъ отъ окрестностей порта дель-Принципе въ сѣверо-востоко - четверть - восточномъ направленіи, Колombъ подошелъ очень близко къ Изабелль. Слѣдственно, по его вычисленіямъ этотъ островъ лежитъ въ тридцати-семи, а Санъ-Сальвадоръ въ сорока-пяти миляхъ отъ порта дель-Принципе. Первое изъ этихъ двухъ счисленій разнится съ дѣйствительнымъ разстояніемъ Нуевитасъ-дель-Принципе отъ острова Ларги и Санъ-Сальвадора только на восемь миль; послѣднее — на девять. Теперь взглянемъ еще разъ на путь, которымъ слѣдовалъ Колombъ отъ Изабеллы къ Кубъ. Сначала онъ плылъ на западо-юго-западъ; потомъ прямо на западъ; наконецъ на юго-юго-западъ. Взявъ въ соображеніе всѣ разстоянія, пройденныя имъ въ каждомъ изъ этихъ трехъ направленій, получимъ среднее направленіе его пути —

почти юго-западное. Потомъ, плывя отъ Изабеллы на юго-западъ, Колумбъ прибылъ въ Санъ-Сальвадорскій портъ, къ берегамъ Кубы. Отъ порта дель-Принципе онъ слѣдовалъ на сѣверо-востоко-четверть-сѣверъ, въ направленіи къ Изабелль. Изъ этого мы заключаемъ, что портъ на Кубскомъ берегу, который Колумбъ назвалъ Санъ-Сальвадорскимъ, находился къ западу отъ порта дель-Принципе: и здѣсь сходятся и связываются въ одинъ узелъ всѣ наши доказательства. Два острова, усмотрѣнные Колумбомъ въ десять часовъ утра того-же числа, то-есть 20 ноября, должны быть кайи, принадлежащія къ группѣ, которая лежитъ къ западу отъ Юмантосской. Возвращаясь къ порту дель-Принципе, Колумбъ открылъ его ночью; но замѣтилъ, что суда его отнесены теченіемъ на западъ: послѣднее обстоятельство представляетъ достаточное доказательство силы стремленія воды въ Багамскомъ-Каналѣ, котораго вліянію они подверглись, потому-что, какъ мы сказали выше, онъ плылъ къ Кубѣ при попутномъ вѣтрѣ. Послѣ четырехдневной борьбы съ теченіемъ, при слабомъ вѣтрѣ, онъ прибылъ 24 ноября къ одному низменному острову, отъ котораго суда отплыли, за недѣлю, къ Бабекѣ.

Такимъ образомъ мы узнаемъ случайно, что пунктъ, отъ котораго Колумбъ отправился на поискъ Бабеки, тотъ самый островъ Малая-Гуаява, который лежитъ къ западу отъ

Нуевитасъ-дель-Принципе. Кромѣ-того: Коломбъ не рѣшился войти въ проливъ между двухъ горъ, по причинѣ сильнаго пробоя къ нему морскихъ волнъ; но пославъ сначала одну каравелу впередъ, онъ отплылъ за ней съ остальными судами — прежде въ юго-западномъ, потомъ прямо въ западномъ направленіи, и вошелъ въ спокойную гавань; къ сѣверу отъ этой гавани, по его описанію, лежитъ низменный островъ, который, вмѣстѣ съ другимъ островомъ, составляетъ превосходный портъ, или лучше сказать водоемъ, въ которомъ могъ-бы помѣститься весь Испанскій флотъ. Изъ этого описанія уже ясно видно, что нашъ прежній Мысъ-Куба, который мы опредѣлили Малою-Гуаявой, не что иное, какъ этотъ самый низменный островъ; а восточный входъ его — заливъ, открытый Коломбомъ между двухъ горъ, изъ которыхъ одну мы опредѣлили Альто-де-Хуанъ-Дуаной, и отдѣляющій, какъ казался Коломбу, Кубу отъ Богіо. Теперь путь нашъ становится весьма простъ.

Ноября 26-го, съ восходомъ солнца, Коломбъ отплылъ изъ Санта-Каталины, (имя, которое онъ далъ описанной нами гавани) къ мысу, лежащему отъ ней на юго-востокъ, и названному имъ Кабо-де-Пико: въ этомъ мысѣ уже легко узнается высокая гора, о которой мы говорили, опредѣляя ее нынѣшнюю Альто-де-Хуанъ - Дуана. Достигнувъ ея, онъ увидѣлъ

другой мысь, въ пятнадцати миляхъ разстоянія, а за нимъ въ пяти миляхъ третій, названный имъ Кабо-де Кампана. Первый изъ этихъ мысовъ долженъ быть тотъ самый, который извѣстенъ въ наше время подъ именемъ Падраскаго, а другой—мысь Муласъ.

Разстояніе ихъ отъ Альто-де Хуанъ-Дуана больше того, которое означаетъ Коломбъ; но чтобъ опредѣлить съ точностью разстоянія высокихъ мысовъ Кубы, усматриваемыхъ сквозь прозрачную атмосферу, окружающую этотъ островъ, нужна большая опытность.

Обогнувъ въ продолженіе ночи Мысь -Муласъ, Коломбъ открылъ 27 числа съ юго-восточной его стороны глубокой заливъ; и увидѣвъ за нимъ другой высокій мысь, выдающийся между портами Нипомъ и Баномъ, съ глубокими заливами по обѣимъ сторонамъ, онъ принялъ его за рукавъ, раздѣляющій двѣ земли, между которыми лежитъ островъ. Приставъ на короткое время къ берегу Тако, Коломбъ прибылъ ввечеру 27 числа къ Баракоа, который называлъ Пуэрто-Санто. На пути отъ Кабо-дель-Пико къ Пуэрто-Санто, онъ миновалъ, на пространствѣ шестидесяти миль, девять удобныхъ гаваней и пять рѣкъ, доплывъ только до Мыса-Кампана; а отъ него до Пуэрто-Санто прошелъ еще мимо восьми рѣкъ, изъ которыхъ при каждой находилась хорошая гавань. Всѣ эти рѣки и гавани можно найти на картѣ между Альто-де-Хуанъ-Дуаны

и Баракоа. При обходѣ берега, его суда относило на юго-востокъ теченіемъ Багамскаго канала. Отплывъ отъ Пуэрто-Санто, или Баракоа, 4-го декабря, онъ на другой день достигъ оконечности Кубы, и пользуясь юго-западнымъ вѣтромъ, благопріятнымъ для поиска Бабеки, указаннаго ему въ сѣверо-восточномъ направленіи, онъ открылъ Богіо, и назвалъ его Испаніолой. При отплытіи отъ Кубы, Колумбъ говоритъ, что онъ прошелъ вдоль ея береговъ сто двадцать миль. Если мы двадцать изъ нихъ отбросимъ на извилины берега, останется сто миль: разстояніе, совершенно соответствующее пространству между Мысомъ-Маизи и Кайемъ Кабріономъ, которымъ мы заключили открытія Колумба къ западу.

Этому предположенію нисколько не противорѣчатъ астрономическія наблюденія Колумба: онъ говоритъ намъ, что инструментъ, которымъ онъ измѣрялъ высоту небесныхъ тѣлъ на меридіанѣ, былъ испорченъ, и что нельзя полагаться на его вѣрность. Первое открытіе свое, Гуанагани, онъ помещаетъ въ одной широтѣ съ островомъ Феро, то-есть около $27^{\circ} 30'$, между-тѣмъ, какъ настоящее положеніе Санъ-Сальвадора — подъ $24^{\circ} 30'$; а острова Тюркаса — подъ $21^{\circ} 30'$. Разность въ вычисленіяхъ значительна; но во всякомъ случаѣ легче понять ошибку въ трехъ градусахъ, чѣмъ въ шести. Отложивъ въ сто-

рону географическія изслѣдованія, рассмотримъ теперь, до какой степени согласуются историческія свидѣтельства съ мнѣніемъ, что островъ Санъ-Сальвадоръ—первый пунктъ, къ которому Колумбъ присталъ въ Новомъ-Свѣтѣ. Геррера, вообще почитаемый точнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ Испанскихъ историковъ, написалъ свою *Исторію Индіи* около 1600 года. Говоря о путешествіи въ Флориду Іоанна Понса Леонскаго (1), онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: «оставивъ Агаду, въ Порто-Рикко, мореплаватели взяли направленіе на сѣверо-западо-четверть-сѣверъ и черезъ пять дней прибыли къ одному острову, подъ названіемъ Эль-Війо, лежащему подъ 20° 30' сѣверной широты; а на другой день достигли небольшого острова Каики, принадлежащаго къ Лукайской группѣ. Въ восьмой день послѣ отъѣзда отъ Порто-Рикко, они бросили якорь противъ другаго островка, подъ названіемъ Ягуна, лежащаго подъ 24 градусомъ. Оттуда прошли къ острову Мануега, подъ 24° 30', а въ одиннадцатый день пришли къ острову Гуанагани, лежащему подъ 24° 40' сѣверной широты. Гуанагани—первый островъ, открытый Колумбомъ въ первое его путешествіе; онъ назвалъ его Санъ-Сальвадоромъ.» Такова сущность замѣчаній Герреры, которыми рѣшительно опре-

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad I. lib. IX, cap. 10.
Т. IV.

дѣляется положеніе Санъ-Сальвадора. Правда, означенныя имъ широты разнятся, какъ мы сказали выше, съ дѣйствительными широтами, подъ которыми лежатъ всѣ эти острова, — какъ напримѣръ: Санъ-Сальвадоръ помѣщенъ подъ тою широтою, которая не можетъ относиться ни къ какой другой землѣ въ той части Океана, кромѣ Беррійскихъ острововъ, отстоящихъ на семьдесятъ миль отъ ближайшей оконечности Кубы, между тѣмъ какъ Колумбъ говоритъ что Санъ-Сальвадоръ отстоитъ только на сорокъ пять миль отъ порта дель - Принципе; но въ то время младенчества мореплаванія, инструменты для измѣренія высотъ небесныхъ тѣлъ и таблицы склоненій, по которымъ вычисляются широты, должны были находиться въ столь несовершенномъ состояніи, что ученѣйшіе мореходцы того вѣка стояли ниже самыхъ обыкновенныхъ и наименѣ образованныхъ мореплавателей нашего времени.

Второй островъ, къ которому присталъ Понсъ-де-Леонъ, слѣдуя въ сѣверо-западномъ направленіи — одинъ изъ Каикскихъ: собственно первый, названный имъ Эль - Війо, долженъ быть — островъ Тюркасъ, который лежитъ къ юго-востоку отъ Каикской группы; третій, вѣроятно, Маригуана; четвертый — Крукедь, а пятый — островъ Ларга. Наконецъ онъ прибылъ къ Гуанагани, Санъ-Сальвадору Колумба. Если предположить,

что этот остров — нынѣшній Тюркасъ, въ такомъ случаѣ гдѣ мы найдемъ рядъ острововъ, къ которымъ приставалъ Понсъ де-Леонъ на пути отъ Порто-Рикко къ Санъ-Сальвадору (1)? Мы уже не приводимъ тождественности нынѣшнихъ именъ Санъ-Сальвадора, острова «Зачатія» и порта дель-Принципе, съ названіями, данными имъ Колумбомъ, — хотя въ подобныхъ случаяхъ свидѣтельство преданія имѣеть большой вѣсъ. Надѣмся, что предложенныя нами географическія доказательства достаточно удовлетворительны для утвержденія давняго мнѣнія, что островъ, называемый въ наше время Санъ-Сальвадоромъ — первое мѣсто, котораго коснулась нога Колумба въ Новомъ-Свѣтѣ. Мнѣнія, утвержденныя съ столь давняго времени и на основаніяхъ столь прочныхъ, не должно опровергать легкомысленно. Есть одно старинное и хорошее правило, которое на худо-бы было всегда имѣть въ виду любопытнымъ изслѣдователямъ, также какъ и размежевателямъ земель: «не сдвигайте съ мѣста старыхъ рубежей.»

(1) Въ первой главѣ *Отсанаи Индіи*, Герреры, приложеннаго къ его *Исторіи*, находимъ другую вѣтвь Богамскихъ-Острововъ, что подтверждаетъ сказанное нами выше. Она начинается съ противоположнаго конца, то-есть отъ сѣверо-запада, и несходитъ къ юго-востоку. Мы не считали нужнымъ подвергать это обстоятельство особому разбору.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 17.

Правила, по которымъ суммы, упомянутыя въ этомъ сочинении, приведены въ новыя монеты.

Въ царствованіе Фердинанда и Изабеллы, серебряная марка, заключавшая въ себѣ восемь унцовъ, или пятьдесятъ кастилановъ, дѣлилась на шестьдесятъ-пять реаловъ, а каждый реаль на тридцать-пять мараведовъ: слѣдственно серебряная марка содержала въ себѣ двѣ - тысячи - двѣсти - десять мараведовъ. Между серебряными монетами былъ еще восьмерной реаль, который равнялся цѣною восьми, обыкновеннымъ реаламъ и составлялъ, безъ малаго, восьмую долю серебряной марки, или одинъ унць. Изъ золотыхъ ходячихъ конетъ того времени, кастиланъ, или *dobla de la Vanda*, цѣнился въ четыреста-девятиносто мараведовъ, а червонецъ въ триста-девятиносто-три. Еслибъ цѣнность мараведана понизилась въ Испаніи съ тѣхъ поръ, то очень легко было-бы привести всякую сумму времени Фердинанда и Изабеллы, въ соотвѣтственную ей современную монету; но

съ постепеннымъ уменьшеніемъ цѣнности лигатурной монеты, — то есть составленной изъ смѣшенія металловъ, — пущенной въ ходъ съ той эпохи, лигатурный реалъ и мараведъ, замѣнившіе прежнюю монету, понизились около 1700 года до одной трети противъ цѣнности прежнихъ реаловъ и мараведовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *серебряныхъ*. Но такъ-какъ старинная монета въ восемь реаловъ равнялась, безъ весьма малой дроби, унцу серебра, а нынѣшній *duro*, или долларъ, также составляетъ унць, то можно принять ихъ за равноцѣнные, тѣмъ болѣе, что въ Испанской Америкѣ долларъ не дѣлится на двадцать реаловъ, какъ въ Испаніи, а на восемь частей, называемыхъ то-же реалами, — очевидно соответствующими реаламъ Фердинанда и Изабеллы, точно также какъ долларъ соответствуетъ тогдашнему восмерному реалу. А такъ-какъ унць серебра цѣнился тогда въ $276\frac{1}{4}$ мараведовъ, слѣдовательно и нынѣшній долларъ равняется $276\frac{1}{4}$ мараведовъ. На этомъ основаніи всѣ суммы, которыя приведены въ нашемъ сочиненіи, были сначала обращены въ мараведы, а потомъ приведены въ доллары раздѣленіемъ числа, выражающаго мараведы, на $276\frac{1}{4}$.

Но этимъ еще неоканчивается счисленіе. Чтобъ получить дѣйствительную, современную, цѣнность старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, необходимо нужно обра-

тять вниманіе на измѣненіе цѣнности самыхъ металловъ. Въ Европѣ, до открытія Новаго-Свѣта, за унць золота получали пищею или работою столько, сколько въ наше время можно получить за три унца: слѣдственно унць золота имѣлъ тогда втрое болѣе цѣнности противъ нынѣшняго. Въ тоже время за одинъ унць серебра можно было купить столько, сколько въ наше время покупается за четыре унца. Изъ этого выходитъ, что цѣнность золота и серебра измѣнилась не только въ отношеніи къ предметамъ, за нихъ приобретаемымъ, но и относительно одного изъ этихъ металловъ къ другому. Последнее обстоятельство произошло оттого, что изъ Новаго-Свѣта ввезено въ Европу гораздо болѣе серебра чѣмъ золота, относительно къ количеству обоихъ металловъ, обращавшихся до того времени. Въ XV вѣкѣ унць золота равнялся почти двадцати унцамъ серебра; а въ наше время, — въ 1827 году, — онъ цѣнится въ шестнадцать унцовъ.

Поэтому, опредѣляя относительную цѣнность старинныхъ монетъ, выраженныхъ въ суммахъ, мы, въ нашемъ сочиненіи, умножали эти суммы на три — если онѣ были составлены изъ золотыхъ монетъ, и на четыре — если изъ серебряныхъ (1).

(1) См. *Caballero Pesos y Medidas*. — J. B. Say, *Economie politique*.

Считаемъ не лишнимъ прибавить, что долларъ полагали мы здѣсь во сто сантимовъ Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и въ четыре шиллинга шесть пенсовъ Англійскихъ. (Въ Русскую современную монету приведены эти суммы приблизительно, обращеніемъ долларовъ Соединенныхъ Штатовъ въ серебряные рубли, — считая въ каждомъ долларѣ $135\frac{1}{2}$ копейку чистаго серебра; а изъ серебряныхъ рублей въ обыкновенные, ходячіе, рубли).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 18.

Марко Поло.

Путешествія Марко-Поло, или Паоло, объясняютъ многое въ путешествіяхъ и ипотезахъ Колумба, безъ чего они были-бы почти непонятны.

Марко Поло, Венеціанскій уроженецъ знаменитаго происхожденія, совершивъ въ XIII вѣкѣ путешествіе въ отдаленныя и въ то время неизвѣстныя страны Востока, возбудилъ любопытство всего христіанскаго міра описаніемъ посѣщенныхъ имъ мѣстъ. Однакожь онъ не первый предпринялъ это путешествіе: отецъ его, Николай Поло, и дядя, родной братъ отца, ѣздили туда прежде его. Они отправились моремъ въ 1250 году (1), имѣя цѣлью — коммерческія сношенія съ разными Восточными народами. Проплывъ

(1) Ramusio, t. XVII, p. 17, Венеціанское изданіе, 1606.

Средиземное - Море и Басфорскій - Проливъ , они пристали на нѣсколько времени къ Константинополю; оттуда прошли Эвксиномъ въ Арменію, гдѣ пробыли годъ при дворѣ одного Татарскаго хана, который принялъ ихъ весьма благосклонно. Но между этимъ ханомъ и сосѣднимъ владѣтелемъ возгорѣлась война; ихъ покровитель былъ разбитъ, и они встрѣтили затрудненіе въ выѣздѣ изъ его владѣній, для возвращенія въ свое отечество. Скитаясь изъ мѣста въ мѣсто, они прибыли наконецъ въ Бухару, и прожили тамъ три года. Въ то время, когда они находились въ Бухарѣ, прибылъ туда посланникъ отъ одной второстепенной Татарской державы, ѣхавшій ко двору великаго хана, и узнавъ, что они довольно хорошо понимаютъ Татарскій языкъ, уговорилъ ихъ сопровождать его. Послѣ продолжительнаго путешествія, замедляемаго снѣгами и разливомъ рѣкъ, они прибыли наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, ко двору Кублая, или великаго-хана, что значитъ царь-царей, потому-что онъ былъ верховный властитель Татаръ. Этотъ роскошный государь принялъ ихъ весьма благосклонно; спрашивалъ о западныхъ странахъ и ихъ владѣтеляхъ, о гражданскомъ и военномъ ихъ управленіи, и о нравахъ и обычаяхъ Латинскихъ народовъ; но въ особенноти обнаруживалъ живѣйшее любопытство на счетъ христіанской религіи. Ответы братьевъ

Поло произвели на него столь сильное впечатлѣніе, что онъ, по совѣщаніи съ высшими сановниками государства, просилъ обоихъ ихъ отправиться отъ его имени къ папѣ, въ качествѣ посланниковъ, съ покоряйшею просьбою — прислать къ нему сто ученыхъ мужей, хорошо наставленныхъ въ истинахъ религіи, для истолкованія ихъ мудрецамъ его имперіи. Онъ просилъ также привезть ему нѣсколько масла изъ лампы, висящей при Гробѣ-Господнемъ, въ Іерусалимѣ, въ томъ убѣжденіи, что оно должно заключать въ себѣ чудесную силу; далъ имъ письма къ папѣ на Татарскомъ языкѣ; назначилъ одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ для сопровожденія ихъ въ пути, и при разставаньи далъ имъ золотую дощечку, на которой былъ вырѣзанъ велико-ханскій гербъ, вмѣсто паспорта, по предъявленіи котораго, намѣстники были обязаны принимать ихъ, давать въ опасныхъ мѣстахъ конвой, и вообще оказывать всякаго рода вспомошествованіе и доставлять все нужное на счетъ великаго-хана.

Но едва отѣхали они двадцать миль, какъ сопровождавшій ихъ царедворецъ занемогъ; они принуждены были оставить его и продолжали путь одни. Золотой паспортъ доставлялъ имъ во всѣхъ владѣніяхъ великаго-хана всѣ возможные удобства и почтительный приѣмъ. Такимъ-образомъ они прибыли

благополучно въ Акру, въ апрѣль 1269 года. Здѣсь они узнали о недавней смерти папы Климента IV. Это событіе весьма опечалило ихъ: они опасались, чтобъ оно не замедлило выполненія возложеннаго на нихъ дѣла. Въ Акрѣ жилъ тогда папскій легатъ, Тебальдо де-Висконти; они явились къ нему и объяснили цѣль своего посольства. Легатъ выслушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и живѣйшимъ участіемъ, и совѣтовалъ не отправляясь въ Римъ для исполненія возложеннаго на нихъ порученія, дожидаться избранія новаго папы, которое должно было скоро послѣдовать.

Они приняли его совѣтъ и отправились въ Негропонтъ, а оттуда въ Венецію; гдѣ въ продолженіе ихъ долговременнаго отсутствія, произошли важныя перемѣны въ ихъ семейственныхъ дѣлахъ. Жена Николая, оставленная имъ беременною, умерла родами, произведя на свѣтъ сына, Марко; которому было тогда уже девятнадцать лѣтъ.

Между-тѣмъ избраніе новаго папы произвело сильныя распри и оставалось нерѣшеннымъ цѣлыхъ два года. Это заставило братьевъ Поло опасаться, чтобъ Татарскій императоръ не потерялъ терпѣнія, встрѣтивъ столь продолжительную остановку въ обращеніи къ христіанству его самого и подвластнаго ему народа, — и они рѣшились, не ожидая избранія папы, отправиться въ Акру и испро-

силь отъ тамошняго легата отвѣтъ къ великому-хану и столько миссіонеровъ, сколько онъ въ состояніи будетъ послать съ ними. Въ это второе путешествіе Николай Поло взялъ съ собой и сына своего, Марка, который и описалъ ихъ странствованіе.

Легать Тебальдо принялъ ихъ также хорошо какъ и въ первый разъ, и желая содѣйствовать успѣху ихъ предпріятія, вручилъ имъ письма къ великому-хану, въ которыхъ ученіе христіанской религіи было изложено ясно и опредѣлительно. Съ этимъ посланіемъ и сосудомъ едея отъ Гроба-Господня, они отправились въ путь въ сентябрѣ 1271 года, въ отдаленныя страны Татаріи. Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда легать получилъ изъ Рима увѣдомленіе, что онъ самъ избранъ въ папы. Онъ принялъ имя Григорія X и издалъ постановленіе, чтобъ на будущее время кардиналы, по смерти папы, оставались въ конклавѣ до-тѣхъ-поръ, пока не изберутъ преемника умершему, — мѣра весьма благоразумная, побудившая избирателей къ посѣпному рѣшенію при выборахъ, предупреждая интриги и наблюдаемая съ того времени донынѣ. Получивъ извѣстіе о своемъ избраніи, легать въ то же время отправилъ курьера къ владѣтелю Арменіи съ просьбой, — прислать къ нему обоихъ Венеціянцевъ, если они еще не уѣхали. Братья Поло возвратились съ радостью и получили отъ него дру-

гія письма къ хану. Онъ послалъ вмѣстѣ съ ними двухъ ~~краснорѣчивыхъ~~ монаховъ, Николая Винченти и Жильберта Триполи, которымъ далъ власть возводить въ священническій и епископскій саны и даровать отпущеніе грѣховъ, снабдивъ ихъ для представленія въ даръ великому-хану хрустальными вазами и другими драгоценными вещами. Такимъ образомъ, получивъ все нужное, посольство отправилось въ путь (1).

Прибывъ въ Арменію, странники подверглись большимъ опасностямъ, потому что этотъ край былъ тогда опустошаемъ войною, внесенной въ его предѣлы Вавилонскимъ султаномъ. Они укрылись на нѣсколько времени у настоятеля одного монастыря, гдѣ почтенные отцы миссіонеры, убоясь дальнѣйшихъ опасностей, сопряженныхъ съ столь отдаленнымъ странствованіемъ, рѣшились остаться. Венеціанцы продолжали путь одни. Послѣ продолжительной дороги, преодолевъ большія препятствія и встрѣтивъ затрудненія отъ разлитія рѣкъ и отъ снѣгу, — потому-что это было зимою, — они прибыли наконецъ во владѣнія великаго-хана, который узнавъ объ ихъ вступленіи въ его землю, немедленно выслалъ къ нимъ на встрѣчу, на сорокъ дней пути отъ своей резиденціи, осо-

(1) Ramusio, tom. III.

быхъ чиновниковъ (1), съ приказаніемъ, доставлять путникамъ все нужное во время ихъ слѣдованія къ столицѣ.

Ханъ принялъ ихъ очень благосклонно и былъ весьма доволенъ результатомъ ихъ посольства и письмами, которыя они вручили ему отъ папы; сосудъ съ масломъ изъ лампы, висящей при Гробѣ-Господнемъ, онъ велѣлъ спрятать и тщательно хранить какъ драгоценное сокровище.

Благосклонность хана къ Венеціанцамъ возбуждала зависть въ его придворныхъ. Однакожь Марко вскорѣ приобрѣлъ всеобщую любовь и особенное уваженіе хана. Онъ изучилъ разные туземные языки и обнаружилъ столь блистательныя способности, что ханъ, не смотря на его молодость, употреблялъ его въ разныхъ посольства и важныя дѣла, и тѣмъ доставилъ ему случай собрать разнородныя свѣденія объ его обширномъ государствѣ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Татаріи, Венеціанцы пожелали наконецъ возвратиться на родину; ханъ долго не рѣшался разстаться съ ними; но наконецъ отпустилъ. Они

(1) Бергеронъ, по ошибкѣ, говоритъ въ своемъ переводѣ Латинскаго оригинала, что ханъ выслалъ для сопровожденія ихъ сорокъ-тысячъ челоувѣкъ. Эта невѣрность навлекла на Марка Поло ироническія критикова, которые приводили это мѣсто въ примѣръ его нелѣпыхъ преувеличеній

выѣхали вмѣстѣ съ посланниками Индѣйскаго царя, отправленными для сопровожденія Татарской принцессы, назначенной ему въ супружество. Щедрый ханъ снова снабдил ихъ золотыми дощечками, по которымъ мѣстные начальники его владѣній не только давали имъ всюду свободный пропускъ, но и доставляли все нужное. Достигнувъ моря, они отплыли на флотъ изъ четырнадцати кораблей, и держась нѣсколько времени Азіятскихъ береговъ, достигли одного острова, который назвали — *Ана*; потомъ, переплывъ Индѣйское-Море, прибыли ко двору государя этой страны. Проживъ тамъ нѣсколько времени, они получили отъ Индѣйскаго царя другія золотыя дощечки, для свободнаго и безопаснаго проѣзда чрезъ его владѣнія. Переѣздъ ихъ до Константинополя былъ продолжителенъ и сопряженъ съ разными затрудненіями. Изъ Константинополя они отправились въ Венецію и прибыли туда благополучно, съ великими сокровищами, въ 1295 году. Рамузіо въ «Предисловіи» къ повѣствованію Марко Поло, излагаетъ разныя подробности о прибытіи ихъ на родину и сравниваетъ его съ возвращеніемъ Улисса. Они явились подъ самую убогую наружность, въ одеждѣ изъ грубой матеріи, сшитой на Татарской покроей. Никто въ Венеціи не узналъ ихъ. Отсутствіе ихъ продолжалось такъ долго, что родственники и знакомые, не получая отъ нихъ ни-

какихъ извѣстій, совершенно забыли объ нихъ считая *lilyumerшими*. Кромѣ чуждаго наряда, вліяніе южнаго солнца и самыя приемы ихъ, которые они нечувствительно усвоили живя столь долгое время посреди народа, совершенно неизвѣстнаго въ Европѣ, дѣлали ихъ болѣе похожими на Татаръ, чѣмъ на Италіянцевъ.

Они пришли въ свой великолѣпный дворецъ извѣстный впоследствии подъ названіемъ *la Corte de la Millone*. Въ немъ жили нѣсколько ихъ родственниковъ, которые незная ничего объ ихъ несмѣтномъ богатствѣ, и, вѣроятно, принявъ ихъ за бѣдныхъ бродягъ, навязывающихся къ нимъ въ родство, не слишкомъ торопились признать ихъ членами своей фамиліи. Однакожъ наши странники придумали вѣрное средство возвратить память своимъ родственникамъ и заставить ихъ сдѣлать себѣ болѣе дружескій приемъ. Они пригласили всѣхъ ихъ на большой пиръ и приняли гостей въ богатыхъ одеждахъ изъ кармазиннаго атласу, восточнаго покроя. Когда наступило время садиться за столъ, путешественники на время удалились, и вышли въ одеждахъ богаче первыхъ, изъ шелковой ткани того-же цвѣта, — а прежнія вельи разрѣзать на части и одѣли ими всѣхъ слугъ: эти одежды были такъ длинны, что волочились по землѣ, — «по стогдашнему обыкновенію, говоритъ Рамузіо,

«носить длинныя платья у себя дома.» После первых блюд путешественники опять удалились во внутренніе покои и чрезъ нѣсколько времени вышли къ гостямъ въ бархатныхъ кармазинныхъ одеждахъ, раздавъ снятыя, тѣмъ-же порядкомъ какъ и первыя, слугамъ. Наконецъ изъ бархатныхъ одѣяній они, при окончаніи обѣда, переодѣлись въ современный Венеціанскій костюмъ. Гости не могли опомниться отъ изумленія и не знали, что подумать объ этихъ превращеніяхъ. Наконецъ Марко Поло, выславъ всѣхъ слугъ, принесъ тѣ самыя Татарскія одежды изъ грубой ткани, въ которыхъ они прибыли изъ путешествія, распоролъ ихъ ножомъ въ разныхъ мѣстахъ по швамъ, и отдѣливъ подкладку, высыпалъ изъ нихъ великое множество драгоценныхъ камней — рубиновъ, сапфировъ, изумрудовъ и алмазовъ. Весь столъ заблесталъ подъ неоцѣненными сокровищами, которыя они собрали въ Азіи, благодаря щедрости Великаго-Хана, и провезли, скрывъ ихъ такимъ-образомъ, въ цѣлости черезъ всѣ опасности продолжительнаго путешествія.

«При этомъ видѣ, говоритъ Рамузіо, изумленіе гостей достигло высочайшей степени; всѣ сомнѣнія разсѣялись; они совершенно убѣдились, что эти доблестные и почтенные дворяне, дѣйствительно сами Поло, и начали обходиться съ ними съ особенною почти-

тельностью и оказывать имъ глубочайшее уваженіе www.libtool.com.cn

Подробности этого занимательнаго пира взяты изъ Рамузіо, которому часто пересказывалъ ихъ знаменитый Гаспаръ Малиньеро, престарѣлый сенаторъ, а ему—отецъ его, отцу—дѣдъ, и такъ далѣе, восходя до очевидцевъ.

Когда слухъ объ этомъ куріозномъ обѣдѣ и о богатствѣ возвратившихся Поло разнесся въ Венеціи, весь городъ захотѣлъ ихъ видѣть; всѣ граждане, дворяне и разночинцы наперерывъ угощали и чествовали ихъ. Старшій изъ трехъ путешественниковъ, Маттео, былъ возведенъ въ званіе члена магистрата. Молодые люди каждый день съѣзжались къ Марко, бесѣдовать о его странствованіяхъ, и проводить съ нимъ время, — потому-что онъ былъ весьма любезенъ и общежителенъ. Посѣтители осыпали его безчисленными вопросами о Кафаѣ и о великомъ-ханѣ, и молодой хозяинъ со всевозможною вѣжливостью и предупредительностью пересказывалъ имъ разныя подробности, которыя составляли для нихъ неистощимый источникъ увеселенія. А такъ - какъ онъ всегда описывалъ богатства великаго-хана въ самыхъ пышныхъ выраженіяхъ, то они прозвали его — Маркомъ Милліони (Messer Marco Milioni).

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія Поло, въ окрестностяхъ острова

Куччолы, появился Генуэзскій флотъ, изъ семидесяти галеръ, ~~подъ начальствомъ~~ адмирала Лампы Доріа. Противъ него выслали Андрея Дондола, Венеціанскаго адмирала; Марко Поло получилъ въ его флотъ командное мѣсто; но на этотъ разъ счастье измѣнило ему. Находясь въ первой линіи, онъ отдѣлился впередъ, былъ взятъ въ плѣнъ и, обремененный оковами, отправленъ въ Геную, гдѣ его заключили въ темницу. Онъ долго томился въ неволѣ; всѣ предложенія его о выкупѣ были постоянно отвергаемы. Его заключеніе весьма огорчало отца и дядю его, которые вовсе наконецъ отчаялись увидѣть его когда нибудь. Въ такомъ непріятномъ положеніи, обладая огромнымъ богатствомъ и не имѣя наслѣдниковъ, они стали совѣтоваться, что имъ дѣлать. Оба они были очень стары; «однакожь Николай, говоритъ Рамузіо, былъ еще довольно бодръ,» и потому рѣшено было, чтобъ онъ женился. Онъ вступилъ въ бракъ, и къ большому удивленію своихъ друзей, въ четыре года имѣлъ трехъ дѣтей.

Между-тѣмъ, слухъ о путешествіяхъ Марко-Поло достигъ и Генуи, и съ той поры въ его тюрьмѣ тѣснилось каждый день Генуэзское дворянство, и дѣлало для него все, что только могло облегчить его неволю. Одинъ Генуэзецъ, посѣщавшій узника ежедневно, склонилъ его наконецъ составить описаніе своего путешествія. Марко выписалъ изъ Ве-


неція свои бумажы и дневники, и сочинилъ книгу, которая произвела въ послѣдствіи столько шуму въ свѣтъ.

Наконецъ его освободили, изъ уваженія къ его личнымъ достоинствамъ. Онъ возвратился въ Венецію и нашелъ отца своего въ кругу многочисленнаго семейства. Это его нисколько не огорчило; онъ самъ послѣдовалъ примѣру старика, женился, и имѣлъ двухъ дочерей, Моретту и Фантину. Три сына отъ втораго брака отца его умерли бездѣтны, и фамилія Поло угасла въ 1417 году.

Вотъ главнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ подробностей о Марко-Поло, котораго путешествія долгое время волновали умы въ Европѣ, и какъ увидимъ ниже, имѣли сильное вліяніе на позднѣйшія открытія. Его пышныя описанія обширности, богатства и многолюдности Татаріи, возбудили всеобщее удивленіе. Возможность подчинить всѣ эти страны владычеству Церкви и сдѣлать великаго-хана вассаломъ папскаго престола, было любимой мечтой энтузіастовъ миссіонеровъ; многіе изъ нихъ дѣйствительно принимали на себя обращеніе къ православію этого знаменитаго невѣрнаго.

Даже по прошествіи двухъ вѣковъ, когда покушенія открыть новый путь въ Индію, дали поводъ къ множеству догадокъ на счетъ отдаленныхъ странъ востока, обращеніе великаго-хана занимало еще всѣ умы. Это

предпріятіе заключало въ себѣ такъ много романическаго, что не могло не привлечь къ себѣ живаго воображенія Коломба, и мы видимъ, что онъ во всѣхъ своихъ путешествіяхъ постоянно отыскивалъ владѣнія великаго-хана, и даже по возвращеніи своемъ изъ послѣдней экспедиціи, ослабленный лѣтами, трудами и немощами, онъ написалъ съ болѣзненнаго одра, къ которому приковывали его тяжкія страданія, письмо къ Испанскимъ государямъ, въ которомъ вызывался перевезть во владѣнія Татарскаго императора всѣхъ миссіонеровъ, которые пожелаютъ взять на себя обязанность обратить его къ христіанству.



ПРИЛОЖЕНІЕ № 19.

Сочиненіе Марко Поло.

Нѣкоторые историки утверждаютъ, что повѣствованіе Марко Поло въ подлинникѣ было написано на Латинскомъ языкѣ (1); но вѣроятнѣй, что оно явилось въ первый разъ въ свѣтъ на Италіянскомъ. Съ него было снято множество рукописныхъ копій, которыя быстро разошлись въ публикѣ; потомъ его перевели на многіе языки, и наконецъ, по изобретеніи книгопечатанія, оно распространилось по всей Европѣ.

Этими переводами и повторительными изданіями текстъ оригинала, по мнѣнію Пурхаса, былъ сильно искаженъ, и, вѣроятно, многія нелѣпости, въ которыхъ обвиняли Марко Поло, произошли отъ ошибокъ переводчиковъ и издателей.

(1) Prevost, *Histoire de Voyages*, t. XVII, l. IV, ch. 3
Paris, 1749.

Когда это сочиненіе явилось въ первый разъ въ свѣтъ, многіе приняли его за смеленіе басень и нелѣпыхъ выдумокъ; но, по увѣренію Боссія, было время, когда оно высоко цѣнилось учеными.

Франсуа Пепинъ, издатель Бранденбургскаго перевода, относится о Поло какъ о человѣкѣ почтенномъ по своему благочестію, разсудительности и правдивости. Афанасій Кирхеръ, въ своей *Китайской Исторіи*, говорить, что никто изъ древнихъ не описывалъ съ большею точностью отдаленныхъ странъ Востока, какъ Марко Поло. Многіе другіе ученые свидѣтельствуютъ о безупречности его характера, а позднѣйшія путешествія въ посѣщенные имъ страны подтвердили истину важнѣйшихъ мѣстъ его повѣствованія. Совсѣмъ тѣмъ; онъ, очевидно, позволилъ себѣ многія преувеличенія; въ особенности историческая часть его описанія наполнена погрѣшностями и баснями. Онъ смѣшиваетъ названія мѣстъ, весьма неточенъ въ означеніи разстояній и не опредѣляетъ широты ни одного мѣста, въ которыхъ онъ былъ.

Вопросъ, дѣйствительно ли Марко Поло находился въ описанныхъ имъ странахъ, или составилъ свое повѣствованіе изъ свѣденій, почерпнутыхъ у мусульманъ, о Татаріи, Кафаѣ, и разныхъ частяхъ Индіи и Африканскихъ береговъ, — возбуждалъ большія сомнѣнія. Рамузіо полагаетъ, что большая часть

третьяго тома составлена имъ изъ разсказовъ мореходцевъ, бывавшихъ на Индѣйскомъ-Морѣ. Кирхеръ не можетъ понять, почему онъ ни слова не упоминаетъ о большой Китайской стѣнѣ, которой онъ не могъ миновать, если только не прѣхалъ моремъ въ эту страну.

Вѣроятнѣйшее мнѣніе относительно Марка Поло то, что онъ объѣхалъ дѣйствительно нѣкоторыя только изъ описанныхъ имъ странъ, о другихъ почерпнулъ свѣденія въ различныхъ источникахъ; что онъ не велъ дневника, но по возвращеніи въ Европу, написалъ свое сочиненіе съ памяти, по нѣкоторымъ краткимъ замѣткамъ, дѣланымъ на пути, и что такимъ образомъ, видѣнное имъ самимъ перемѣшалось въ умъ его съ тѣмъ, что онъ слышалъ отъ другихъ, и онъ передалъ намъ басни, распространенныя на Востокъ, съ такою самоувѣренностью и важностью, какъ будто-бы пересказывалъ неоспоримые факты. Много говорили о картѣ, привезенной Маркомъ Поло изъ Кафая и сохранившейся въ монастырѣ Санъ-Мишеле де Мурано, недалеко отъ Венеціи, гдѣ будто-бы означены Мысъ-Доброй-Надежды и островъ Мадагаскаръ, — честь открытія которыхъ Португальцы приписываютъ себѣ двумя вѣками позже его путешествія. Говорили также, что Колумбъ вздѣлъ въ означенный монастырь и разсматривалъ эту карту, и что она внушила ему нѣ-

которыя идеи на счетъ береговъ Индіи. Но Рамузіо, который также посѣщаль этотъ монастырь и былъ знакомъ съ его пріоромъ, говорить, что хранившаяся въ немъ карта не подлинная, а снятая съ составленной Маркомъ Поло однимъ монахомъ, и что впоследствии на ней сдѣлано много прибавленій и измѣненій разными лицами, такъ что наконецъ перестали вѣрить ей, — что продолжалось до-тѣхъ-поръ пока, сличивъ ее съ сочиненіемъ Марка Поло, удостовѣрились, что въ главныхъ отношеніяхъ она согласна съ его описаніями (1). Мысль-Доброй-Надежды, безъ всякаго сомнѣнія, былъ означенъ послѣ открытія его Португальцами. Колумбъ нигдѣ не упоминаетъ объ этой картѣ; еслибъ онъ видѣлъ ее, вѣроятно, не умолчалъ-бы объ этомъ. Кажется, единственнымъ его руководителемъ была та карта, которую ему прислалъ Пауло Тосканелли и которая была снята съ подлинной карты Марко Поло, или составлена по его описаніямъ и по картамъ Птоломея.

Въ XV вѣкѣ, когда общее вниманіе было устремлено на отдаленныя страны Азіи, и Португальцы дѣлали попытки обойти моремъ Африку, повѣствованіе Марко Поло снова пошло въ ходъ. Изъ его описаній, также изъ путешествій Венеціянца Николо де-Конте и Генуэзца Иеронима Санъ-Стефана, Португаль-

(1) Ramusio, т. II, стр. 17.

цы, говорятъ, почерпнули свѣденія для руководства въ своихъ экспедиціяхъ (1).

Но повѣствованіе Марко Поло особенно важно и занимательно по тому вліянію, которое оно произвело на умъ Колумба. Оно, очевидно, имѣло въ глазахъ его вѣсь оракула. Полагаютъ, что у него была рукописная копія съ него. Онъ часто дѣлаетъ ссылки на это повѣствованіе, и въ путешествіяхъ своихъ, принимая открытыя имъ земли за Азіятскій берегъ, безпрестанно отыскиваетъ острова и земли, описанныя Поло, и въ особенности старается открыть знаменитый Чипанго. Считаемо не лишнимъ указать здѣсь на нѣкоторыя отыскиваемые имъ, по Марко Поло, мѣста, и на описаніе этихъ мѣстъ Венеціанскимъ путешественникомъ, чтобъ читатель могъ легче составить понятіе объ идеяхъ, которыя занимали умъ Колумба въ продолженіе плаванія его между островами Западной-Индіи и вдоль береговъ Твердой-Земли.

Главная резиденція великаго-хана, по словамъ Марка Поло, находилась въ городѣ Камбалу, признанномъ впоследствии Пекиномъ, въ провинціи Кафаѣ. «Этотъ городъ, говоритъ онъ, занимаетъ пространства на двадцать-четыре квадратныхъ мили и превосходно выстроено. Невозможно описать перомъ великаго множества разныхъ товаровъ, кото-

(1) Histoire des Voyages, tomé XL, liv. II, chap. 3.

рые туда привозять. Глядя на нихъ, кажется, что всего этого ~~оудостало бы~~ ~~на~~ ~~весь~~ ~~свѣтъ~~.

«Тамъ удивительное множество драгоценныхъ камней, жемчугу, шелковыхъ тканей и разныхъ восточныхъ благовоній. Почти не проходитъ дня, чтобъ не привзжало въ городъ до тысячи возовъ съ шелками, изъ которыхъ готовятъ въ этомъ городѣ превосходныя ткани.

«Дворецъ великаго-хана — великолѣпное зданіе, простирающееся мили на четыре въ окружности, и составляющее такъ-сказать особый, цѣлый городъ дворцовъ. Внутри вездѣ сіяетъ золото и серебро и хранятся драгоценныя сосуды и галантерейныя вещи хана.» Такимъ-же образомъ онъ продолжаетъ описывать, въ самыхъ напыщенныхъ выраженіяхъ, и всѣ прочія ханскія вещи, служащія для личнаго его употребленія на войнѣ, на охотѣ и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ.

Но какъ ни пышны описанія Марка Поло провинціи Кафая и императорской столицы Камбалу, онъ, кажется, превосходитъ самъ себя въ описаніи области Манжи (полагають, южной части Китая). «Въ этой землѣ, говоритъ онъ, тысяча-двѣсти городовъ. Столица ея, Квинсай (думаютъ, городъ Гангъ-шу), лежитъ въ двадцати-пяти миляхъ отъ моря, но имѣетъ съ нимъ сообщеніе посредствомъ одной рѣки, впадающей въ гавань, и производитъ обширную торговлю съ Индіей.»

Квинсай, по объясненію Марка Поло, значить «Небесный Городъ». Онъ говоритъ, что былъ въ немъ и внимательно осмотрѣлъ его, и увѣряетъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ города больше его: въ этомъ нельзя и сомнѣваться, если только принять описаніе повѣствователя за истинное, потому что онъ даетъ ему «сто миль» окружности (1). Онъ говоритъ, что Квинсай построенъ на небольшихъ островахъ, какъ Венеція, соединенныхъ двѣнадцатю тысячь каменныхъ мостовъ съ такими высокими арками, что самыя большіе корабли могли проходить подъ ними не убирая мачтъ (2); что въ немъ однихъ бань — три тысячи, семействъ — шесть-сотъ тысячь;

(1) Мандевиль, описывая Камбалу, говоритъ, что окружность этого города простирается на десять Ломбардскихъ миль, что составляетъ восемь миль обыкновенныхъ.

(2) Вотъ одна изъ ошибокъ, вкравшихся въ переводы повѣствованія Марка Поло; она навлекла на него негодованіе Георгія Горніуса, который въ своемъ *Origine de l'Amerique* (t. IV, с. 3), восклицаетъ «Кто повѣритъ тому, что онъ говоритъ о городѣ Квинсай? Напримѣръ, будто тамъ есть мосты въ двѣнадцать тысячь миль вышиною!» и проч. Вѣроятно, множество подобныхъ преувеличеній въ повѣствованіи Марка Поло произошли собственно отъ ошибокъ переводчиковъ. Мандевиль, описывая тотъ-же городъ, который онъ называетъ Касай, говоритъ, что онъ построенъ на морѣ, какъ Венеція; что въ немъ тысяча-двѣсти мостовъ, и на каждомъ мосту башня.

что городъ застроенъ великолѣпными зданіями, и посреди города дежить озеро въ тридцать миль окружности, по берегамъ котораго возышаются пышные дворцы знатнѣйшихъ гражданъ; что жители Квинсая сластолюбивы и преданы роскоши и всякаго рода удовольствіямъ, — въ особенности женщины, которыя вообще отличаются необыкновенною красотой; что тамъ много купцовъ и ремесленниковъ, но что сами хозяева не работаютъ, а употребляютъ для исправленія своихъ дѣлъ слугъ; и наконецъ, что область Манжи завоевана великимъ-ханомъ, который раздѣлил ее на девять небольшихъ королевствъ, назначивъ въ каждое особаго короля, состоящаго въ его зависимости, и получаетъ съ ней несмѣтный доходъ, потому-что эта страна производитъ въ большомъ изобиліи золото, серебро, шелкъ, сахаръ, пряности и благовонія.

Зипангу, Зипангри или Чипанго.

Вотъ главнѣйшія мѣста изъ Марка Поло объ этомъ островѣ. Объ нихъ часто упоминаетъ Коломбъ въ своихъ письмахъ и дневникахъ.

«Въ тысячѣ-пяти-стахъ миляхъ отъ береговъ Манжи, на Океанѣ, лежитъ большой островъ Зипангри (или, какъ пишетъ Коломбъ, Чипанго, — полагаютъ, нынѣшняя Японія). Этотъ островъ изобилуетъ золотомъ;

но король рѣдко позволяетъ вывозить его въ другія земли. Дворецъ короля великолѣпенъ; онъ покрытъ золотыми плитами, подобно тому, какъ въ другихъ государствахъ покрываютъ дворцы свинцовыми или мѣдными листами. Комнаты и сѣни въ немъ также обложены золотомъ; окна украшены тѣмъ-же металломъ; помы устланы имъ же; нѣкоторыя плиты въ два пальца толщиною. Кромѣ золота, островъ Зипангри производитъ въ огромномъ количествѣ самый крупный и прекраснѣйшій жемчугъ и разные драгоценныя камни. Великій-ханъ нѣсколько разъ покушался овладѣть имъ, однакожъ всѣ усилія его остались безуспѣшны, — и этому нельзя удивляться, если правда, что жители, какъ говорятъ, носятъ на рукахъ нѣкоторые особаго роду камни, имѣющіе волшебную силу и предохраняющіе ихъ отъ всѣхъ уязвленій. Недалекъ отъ Зипангри, между этимъ островомъ и берегомъ Манжи, продолжаетъ Марко Поло, море усыяно семью - тысячью четырьмя-стами-сорока-восемью небольшихъ островковъ, большею частью обитаемыхъ, и и всѣ эти островки, безъ исключенія, производятъ въ изобиліи ароматическія растенія и благовонныя вещества.»

Основываясь на этихъ описаніяхъ, Колломбъ, во время своихъ путешествій, имѣлъ постоянною цѣлью — открытіе острова Чипанго, и одинъ разъ вообразилъ, что достигъ

группы острововъ, о которыхъ мы сей-часъ говорили. Первая земля, къ которой онъ на-дѣялся пристать — это островъ Чипанго; отъ него онъ располагалъ переѣхать къ области Манжи, а оттуда въ столицу великаго-хана, Камбалу, въ Кафаѣ.

Безъ этихъ пышныхъ описаній царствъ, загроможденныхъ несмѣтными сокровищами, городовъ съ дворцами и куполами, блистающими золотомъ, читателю трудно было-бы составить довольно опредѣлительное понятіе о тѣхъ великолѣпныхъ надеждахъ, которыми увлекался Колумбъ при открытіи земли, составляющей, по его мнѣнію, оконечность Азіятскаго материка (берега Кубы).

Въ этомъ-то убѣжденіи, — въ увѣренности, что онъ вскорѣ достигнетъ благословенныхъ странъ, описанныхъ Маркомъ Поло, и найдеть въ нихъ все совершенно сходнымъ съ его описаніями, — онъ такъ смѣло и неосмотрительно обѣщаль своимъ государямъ доставить имъ непосредственные источники обогащенія: обѣщаніе, бывшее причиной его упадка въ общемъ мнѣніи и подвергшее его не одинъ разъ упрекамъ въ возбужденіи ложныхъ надеждъ и въ умышленныхъ преувеличеніяхъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 20.

Сирь Джонъ Мандевиль.

Посль Марка Поло, на умъ Коломба, повидимому, произвели самое глубокое впечатлѣніе — путешествія сирь Джонъ Мандевила и его-же описаніе владній Великаго-Хана, лежащихъ на Азіятскомъ берегу.

Мандевиль родился въ городъ Сентъ - Альбанъ. Онъ посвятилъ себя наукамъ съ самаго дѣтства, и кончивъ предварительное воспитаніе, занялся исключительнымъ изученіемъ медицины. Увлекаясь сильнымъ желаніемъ обозрѣть отдаленныя страны извѣстнаго тогда міра, то-есть Азію и Африку, и въ особенности посѣтить Святыя-Мѣста, онъ въ 1332 году отправился изъ Англии во Францію, проѣхавъ это королевство и отплывъ изъ Марсели въ дальнѣйшій путь моремъ. Изъ его повѣствованія видно, что онъ былъ въ Турціи, Египтѣ, Арменіи, Верхней и Нижней Ливіи, Сиріи, Персіи, Халдеи, Ефіопіи, Тата-

риѣ, Амазонской-Земль и въ Индіи и объѣз-
дилъ главнѣйшіе города всѣхъ сѣтихъ странъ.
Но Святая-Земля, по его словамъ, имѣла для
него особенную привлекательность; онъ про-
жилъ въ ней долго; осмотрѣлъ ее съ вели-
чайшею подробностью и старался пройти по
всѣмъ слѣдамъ Спасителя. Послѣ тридцати-
четырехъ-лѣтняго отсутствія, онъ возвратил-
ся въ Англію; но большая часть соотече-
ственниковъ забыли его, и онъ очутился на
родинѣ какъ чужой. Онъ написалъ исторію
своихъ путешествій на трехъ языкахъ, на
Англійскомъ, Французскомъ и Латинскомъ,
и посвятилъ ее королю Эдуарду III. Кажет-
ся, путешествіе не внушило ему благосклон-
ныхъ чувствъ ни къ свѣту вообще, ни къ
его отечеству въ особенности. Онъ воз-
стаетъ противъ вѣка; говоритъ, что добро-
дѣтель уже не существуетъ между народами,
вѣра не озаряетъ болѣе людей, — что однимъ
словомъ настало торжество порока и грѣха.
Вскорѣ онъ уѣхалъ изъ Англіи на твердую
землю, и умеръ въ Льежѣ въ 1372 году. Тѣ-
ло его погребено въ аббатствѣ Гильемитовъ,
въ предмѣстіи этого города. Ортеліусъ, въ
своемъ *Itinerarium Belgiae*, говоритъ, что
онъ видѣлъ его памятникъ, на которомъ сто-
итъ высѣченная изъ камня человѣческая
фигура съ раздвоенною бородой и съ подня-
тыми къ головѣ руками, — вѣроятно въ
положеніи молящагося, какъ обыкновенно дѣ-

дались статуи на старинныхъ гробницахъ, — и что у ногъ этой фигуры лежитъ левъ. Въ надписи, кромѣ означенія его имени, званія и ученаго достоинства (профессора медицины), сказано, что онъ былъ весьма благочестивъ, глубоко-ученъ и весьма милосердъ къ бѣднымъ, и что объѣхавъ весь свѣтъ, скончался въ Льежъ. Ортеліусу показывали еще въ монастырѣ его шпоры и сбрую лошадей, на которыхъ онъ разъѣзжалъ во время своихъ путешествій.

Повѣствованіе Мандевила о великомъ-ханѣ, о провинціи Кафаѣ и городѣ Камбалу несколько неуступаетъ въ нелѣпостяхъ описаніямъ Марка Поло. Ханскій дворецъ, по словамъ Мандевила, имѣлъ болѣе двухъ миль въ окружности; въ большой его залѣ находилось двадцать-четыре колонны, вылитыя изъ мѣди и золота; придворный штатъ хана состоялъ болѣе чѣмъ изъ трехъ-сотъ-тысячъ человекъ, которые всѣ жили въ самомъ дворцѣ или въ пристройкахъ къ нему, занимаясь отправленіемъ разныхъ должностей и службъ, и болѣе ста-тысячъ изъ этихъ людей обязаны были единственно смотрѣть за слонами, — а слоновъ было десять тысячъ, — также за другими животными разныхъ породъ и за охотничьими птицами, какъ-то: соколами, большими и малыми попугаями; въ праздничные дни означенное число людей, употребляемыхъ на службу во дворецъ, почти

удвоивалось ; титулъ этого владѣтеля былъ слѣдующій: «Ханъ, сынъ Божій, верховный обладатель всей земли, владыка властвующихъ надъ другими; «а на его печати было вырѣзано:» Богъ царствуетъ на небѣ, а ханъ на землѣ.»

Имя Мандевиля вошло въ пословицу, для означенія преуеуличеній путешественниковъ; однакожь, въ описаніяхъ посѣщенныхъ имъ странъ найдено болѣе справедливаго нежели сколько воображали это прежде. Свѣденія, сообщенныя имъ о Кафѣ и богатой области Манжи, сходныя съ повѣствованіемъ о тѣхъ-же земляхъ Марка Поло, имѣли большой вѣсъ въ умѣ Колумба.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 21.

О зонахъ, или земныхъ поясахъ.

Подъ этимъ словомъ разумѣли полосы или круги, мысленно проведенные на небѣ, и означающіе различные климаты на соответственныхъ имъ частяхъ поверхности земнаго шара. Полярные круги и тропики означаютъ это дѣленіе.

Центральная полоса, лежащая подъ солнцемъ, назвалась *жаркимъ* или *знойнымъ* поясомъ; двѣ слѣдующія, заключающіяся между тропиками и полярными кругами, *умѣренными*; а двѣ остальные, между полярными кругами и полюсами, *холодными*, или *ледовитыми*.

Холодныя страны, лежащія у полюсовъ, почитались необитаемыми, и плаваніе въ нихъ невозможнымъ, по причинѣ чрезмѣрной стужи. Жаркій поясъ, или лучше сказать одну только середину его, находящуюся у экватора, также считали необитаемою, бесплодною и недоступною, по причинѣ нестерпимаго зною. Одни лишь умѣренныя

поясы, заключающіеся между жаркимъ и холоднымъ, почитали плодотворными, здоровыми и производящими все нужное для жизни человѣка и животныхъ.

Шаръ земной раздѣляли пополамъ экваторомъ, или мысленною чертою, проведенною по его поверхности, вокругъ, въ равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ. Весь извѣстный древнимъ міръ заключался въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія; что касается до другаго умѣренного пояса, лежащаго въ полушаріи южномъ, то полагали, что если онъ и обитаемъ, то все нѣтъ никакой возможности имѣть сообщенія съ его жителями, по причинѣ знойной полосы, отдѣляющей ихъ отъ обитателей сѣвернаго умѣренного пояса.

Изобретатель этой теоріи «о зонахъ» былъ, по словамъ Страбона, нѣкто Парменидъ; но онъ распространялъ жаркій поясъ отъ экватора за оба тропика. Аристотель поддерживалъ это ученіе. Въ его время еще ничего не было извѣстно о сѣверныхъ странахъ Европы и Азіи, о внутреннихъ областяхъ Ефіопіи, ни о южныхъ частяхъ Африки, простирающихся за тропикъ Козерога до Мыса-Доброй-Надежды. Аристотель допускалъ существованіе обитаемыхъ странъ въ южномъ полушаріи, но полагалъ, что онѣ отдѣлены отъ извѣстнаго тогда міра недо-

лимою преградой жгучаго подъ экваторнаго зною (1).

Плиній принялъ мнѣніе Аристотеля о жаркой зонѣ. «Температура центрального пояса земли, говоритъ онъ, гдѣ солнце ударяетъ своими лучами отвѣсно, горяча какъ огонь. Умѣренныя полосы, прилегающія къ ней съ обѣихъ сторонъ, не могутъ имѣть между собой никакого сообщенія, по причинѣ сокрушительнаго зною этого пояса (2).»


Страбонъ (книга II), упоминая о теоріи о зонахъ, также объявляетъ себя ея приверженцемъ. Можно - бы привести и другихъ древнихъ философовъ и поэтовъ въ доказательство, что это мнѣніе было общепринятое.

Надобно замѣтить, что въ то время, когда Колумбъ защищалъ свое предложеніе передъ ученымъ собраніемъ въ Саламанкѣ, ложность старинной теоріи о знойной полосѣ земли еще не была вполне доказана новѣйшими открытіями. Правда, Португальцы и въ то время уже проникли за тропикъ, но это еще не опровергало системы: хотя подъ названіемъ *жаркаго пояса* и разумѣли вообще все пространство между тропиками Рака и Козерога, однакожь въ строгомъ смыслѣ собственно необитаемую и неприступную часть

(1) Аристотель, *Met.* II.

(2) Плиній, кн. I, гл. 61.

земли ограничивали, слѣдую ученію древнихъ, только небольшою полосой, простирающеюся на нѣсколько градусовъ по обѣ стороны экватора и составляющею одну треть, или по большей мѣрѣ половину, всего этого пояса. Поэтому-то доказательство Колумба, основанное на путешествіяхъ къ Санъ-Жоржъ-де-ла Минъ, не имѣло вѣсу въ глазахъ людей, сильно придерживавшихся старинной теоріи и отдалявшихъ эту огненную страну еще болѣе къ югу, почти подь самый экваторъ.



П Р П Л О Ж Е Н І Е № 22.

О в ѣ А т л а н т и д ѣ П л а т о н а .

Платонъ, въ своемъ «Тимейскомъ разговорѣ», упоминаетъ объ островѣ Атлантидѣ. Онъ заставляетъ Афинскаго законодателя, Солона, путешествовать по Египту, и во время пребыванія его въ одномъ древнемъ городѣ Дельты, — плодоноснаго острова, образуемаго Ниломъ, — бесѣдовать съ учеными жрецами о древностяхъ отдаленныхъ вѣковъ. Одинъ изъ жрецовъ описываетъ ему Атлантиду и гибель этого острова, послѣдовавшую, по его словамъ, за-долго до зажженія свѣта Фаэтономъ.

Островъ Атлантида, говоритъ жрецъ Солону, лежалъ на Западномъ-Океанѣ, противъ Гибралтарскаго - Пролива, и имѣлъ свободное сообщеніе съ другими островами, прилегавшими къ большому материку, который превосходилъ величиной Европу и Азію вмѣстѣ. Нептунъ избралъ этотъ островъ мѣстомъ

своего пребывания; а сынъ его, Атласъ, назвалъ его своимъ именемъ и раздѣлилъ между десятью своими сыновьями, которыхъ потомки царствовали на немъ, одни послѣ другихъ, нѣсколько вѣковъ. Они дѣлали набѣги на Европу и Африку и покорили всю Ливию до Египта и всю Европу до Малой-Азій.

Однакожь Афиняне сопротивлялись имъ и заставили ихъ отступить въ свое Атлантическое владѣніе. Вскорѣ послѣ того произошло страшное землетрясеніе и разлитіе морскихъ водъ, продолжавшіяся цѣлыя сутки. Въ это время обширный островъ Атлантида исчезъ; онъ былъ поглощенъ, со всѣми его великолѣпными городами и воинственными народами, моремъ, которое покрыло все занимаемое имъ мѣсто волнами и образовало такимъ-образомъ Атлантическій-Океанъ. Долго это море было непроходимо для судовъ, по причинѣ великаго множества разсыянныхъ на немъ отмелей, скалъ, тины и глинистаго илу, и развалинъ этой затопленной страны.


Въ новѣйшія времена многіе почитаютъ этотъ рассказъ басней; другіе полагаютъ, что Платонъ въ бытность свою въ Египтѣ получилъ нѣкоторыя смутныя свѣденія о Канарійскихъ-Островахъ, и по возвращеніи въ Грецію, — зная, что эти острова совершенно неизвѣстны его соотечественникамъ, — употребилъ собранныя имъ извѣстія для под-

крѣпленія своихъ нравственныхъ и политическихъ теорій. Но нѣкоторые признають до извѣстной степени справедливость повѣствованія Платона: допускають возможность существованія описаннаго имъ острова, который могъ занимать собой большую часть Атлантическаго - Океана и прилегать довольно близко къ Америкѣ, — и въ такомъ случаѣ эта часть свѣта не могла быть неизвѣстна древнимъ. Кирхеръ думаетъ, что островъ Атлантида простирался отъ Канарійской до Азорской группы и дѣйствительно былъ затопленъ во время одного изъ переворотовъ, совершившихся на нашемъ шарѣ, и что обѣ эти группы небольшихъ острововъ — не что иное какъ уцѣлѣвшіе обломки отъ него.

Въ доказательство, что Новый-Свѣтъ былъ извѣстенъ древнимъ, приводятъ еще одно мѣсто изъ *Меду*, Сенеки, котораго примѣненіе, въ самомъ дѣлѣ, удивительно, и по крайней-мѣрѣ доказываетъ то, какъ пламенное воображеніе поэта можетъ иногда близко подойти къ прорицанію. Предсказанія древнихъ оракуловъ рѣдко бывали столь положительны:

Venient annis
Saecula seris, quibus oceanus
Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat tellus, Typhisque novos
Detegat orbis, nec sit terris
Ultima Thule.

Госселень, въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ о путешествіяхъ, предполагаетъ, что Платонова Атлантида—просто одинъ изъ Канарійскихъ - Острововъ, ближайшихъ къ материку Стараго-Свѣта, то-есть: Фортавантура или Ланцерота.



ПРИЛОЖЕНІЕ № 23.

Мнѣніи островъ Санъ-Бранданъ.

Къ числу страннѣйшихъ оптическихъ обмановъ, какіе только когда-либо играли зрѣніемъ человѣка, должно отнести призракъ одного большаго острова, являвшійся, отъ времени до времени, на Атлантическомъ-Океанѣ, къ западу отъ Канарійскихъ-Острововъ, и такъ долго вводившій въ заблужденіе жителей этой группы. Въ совершенно ясную и тихую погоду они усматривали вдали гористый островъ, простирающійся миль на восемьдесятъ протяженія, и лежащій, по мнѣнію однихъ — миль въ стѣ отъ группы, по словамъ другихъ — миль въ сорока, наконецъ по увѣренію третьихъ — отъ пятнадцати до восемнадцати миль разстоянія (1).

Но всякой разъ, какъ только направляли къ

(1) Teujoo, *Teatro critico*, tom IV, decad. X, § 29.

нему плаваніе, онъ ускользаль отъ всѣхъ поисковъ, и съ приближеніемъ къ нему исчезаль совершенно. Между - тѣмъ утвержденія множества очевидцевъ, заслуживавшихъ полное довѣріе, что видѣли его своими глазами, были такъ положительны, и свидѣтельства жителей разныхъ острововъ о видѣ и положеніи его такъ согласны, что существованіе этого острова было вообще признано, и географы помѣщали его на картахъ. Мы находимъ его на глобусѣ Мартина Беэма, сдѣланномъ въ 1472 году, съ котораго Г. де-Муррь сняль гравюру; также на многихъ картахъ Колумбова времени: вездѣ онъ означенъ миляхъ въ двухъ-стахъ разстоянія къ западу отъ Канарійскихъ - Острововъ. Въ то время, когда Колумбъ дѣлаль предложеніе объ открытіи Португальскому двору, одинъ Канарійскій житель вступилъ къ королю Іоанну II съ прошеніемъ о снабженіи его судномъ для отысканія этого острова. Кромѣ того, въ архивѣ де Торре-ди-Томбо (1) хранится одинъ договоръ, заключенный между Португальскимъ правительствомъ и Фернандомъ де-Ульмо, рыцаремъ королевскаго двора и губернаторомъ острова Терсейры, по которому, онъ, де-Ульмо, обязывался предпринять на свой счетъ путешествіе «для отысканія острова, острововъ или твердой земли, из-

(1) Lib. VI de la Cancilleria del Rey Don Juan II, fol. 101.

вѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ Острова-Семи-Городовъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ управление открытыми имъ землями было утверждено за нимъ и наслѣдниками его, изъ рода въ родъ, со внесеніемъ въ казну десятой части доходовъ съ тѣхъ земель.» Но какъ предпріятіе было выше средствъ Ульмо, то онъ вступилъ въ товарищество съ Хуаномъ Альфонсо дель-Эстрейто, заключивъ съ нимъ взаимное обязательство — приготовить къ отплытію въ море двѣ каравеллы, къ марту 1487 года (1). Чѣмъ кончилось это предпріятіе, неизвѣстно.

Этотъ призракъ-островъ назывался съ незапамятныхъ временъ *Санъ Бранданомъ*, или *Боронданомъ*, — какъ говорятъ, по имени одного Шотландскаго аббата, жившаго въ VI вѣкѣ, и извѣстнаго также подъ именами *Сенъ-Бландано* или *Бландануса*. Аббатъ былъ настоятелемъ трехъ тысячъ монаховъ и около половины VI столѣтія сопровождалъ ученика своего Св. Маклу въ поискъ его неизвѣстныхъ острововъ, лежащихъ, по слухамъ, среди океана и заселенныхъ невѣрными.

О странствованіяхъ этого аббата рассказывали много невѣроятныхъ исторій. Мы пропускаемъ ихъ.

Въ то время, когда слухъ о неизвѣстномъ островѣ, усматриваемомъ съ Канарійскихъ-Острововъ и ускользавшемъ отъ всѣхъ поисковъ,

(1) Torre-di-Tombo, lib. *das Fhas.* fol. 110.

распространился на западъ Европы, — всѣ эти исторіи о Санъ-Бранданъ были снова пущены въ ходъ и примѣнены къ этой недоступной землѣ. Говорятъ также, что въ архивѣ катедральной церкви острова Большой-Канаріи хранилась рукопись на Латинскомъ языкѣ, въ которой были описаны похождения Сень-Мало и его спутника; но къ сожалѣнію, этого манускрипта не найдено (1). Нѣкоторые утверждали, что островъ Бранданъ былъ извѣстенъ древнимъ, и что онъ — та самая земля, которую Птоломей, говоря о Счастливыхъ, или Канарійскихъ островахъ, называетъ *Aprositus*, — Греческимъ словомъ, означающимъ *Недоступный* (2). Изъ этого видно, говоритъ монахъ Діэго Филиппо, въ своей книгѣ « О воплощеніи Іисуса-Христа, » что и въ древнія времена этотъ островъ обладалъ тѣмъ-же свойствомъ — обманывать зрѣніе людей и уклоняться отъ прикосновенія ноги смертнаго (3). Но, не касаясь мнѣнія древнихъ объ этомъ предметѣ, мы скажемъ только то, что рассказы и преданія объ этомъ островѣ имѣли сильное вліяніе на умы позднѣйшихъ мореплавателей въ эпоху всеобщаго стремленія къ открытіямъ, и что въ доказательствахъ справедливости этихъ слу-

(1) Nunnez de la Pena, *Conquista de la Gran. Canaria*.

(2) Птоломей, кн. IV, гл. 4.

(3) Fr. D. Felipe, lib. VIII, fol. 25.

ховъ не было недостатка. Донъ Иосифъ де-Вира-и-Клавийо, ~~говоритъ~~, что никогда географія не представляла ни парадокса, ни проблемы болѣе затруднительной для рѣшенія: потому что — утверждать существованіе этого острова, значило-бы попать ногами здравую критику, смысл и всякое разсужденіе; а отрицая его дѣйствительность — отвергнуть преданіе и опытъ, и допустить, что столько людей, достойныхъ полной довѣренности, были лишены употребленія своихъ чувствъ (1).

Въ существованіе этого острова вѣрили еще долго послѣ Коломба. Онъ представлялся, отъ времени до времени, разнымъ лицамъ въ одно время, и всегда на томъ-же мѣстѣ и въ прежнемъ видѣ. Въ 1526 году для отысканія его была отправлена экспедиція, подъ начальствомъ Фернандо де-Тройа и Фернандо Альвареса, которая, отплывъ отъ Канарійскихъ Острововъ, крейсировала по указанному направленію, но безъ всякаго успѣха. Безполезность этого предпріятія, кажется, должна-бы была разувѣрить публику; «но этотъ призракъ острова, говоритъ Вира, производилъ столь сильное обаяніе надъ всѣми, кому онъ представлялся, что публика отнесла неуспѣшность поиска къ слабости мѣрь, принятыхъ экспедиціей, и осталась при прежнемъ убѣжденіи, основанномъ на свидѣтельствѣ собственныхъ

(1) *Hist. des îles Canaries*, liv I, chap. 28.

чувствъ очевидцевъ. Въ 1560 году призракъ являлся такъ часто и столь явственно, что любопытство Канарійскихъ жителей раздражилось до несбоятной степени, и они рѣшились отправить другую экспедицію. Но для отклоненія отъ себя упрековъ въ легковѣрїи, они предварительно отобрали показанія отъ многихъ особъ, заслуживавшихъ особенное уваженіе или отличавшихся познаніями, которые видѣли этотъ островъ сами, или имѣли другія доказательства объ его существованіи.

Послѣ этого, Алонсо де-Эспиноза, губернаторъ острова Ферро, составилъ правительству донесеніе, въ которомъ свыше ста особъ, большею частью весьма уважаемыхъ, засвидѣтельствовали, что лично видѣли неизвѣстный островъ, въ разстояніи около сорока миль къ сѣверо-западу отъ острова Ферро, разсматривали его въ спокойномъ положеніи, при полномъ употребленіи чувствъ, и что на ихъ глазахъ солнце закатилось за одну изъ его оконечностей.

Съ острововъ Пальмы и Тенерифа были доставлены показанія еще болѣе убѣдительныя: нѣсколько Португальцевъ, тамошнихъ жителей, утверждали, что послѣ одной бури они приставали къ острову Санъ-Борондану. Педро Белло, лоцманъ этого судна, показалъ, что, бросивъ тамъ якорь въ одномъ заливѣ, онъ сдѣлалъ высадку на берегъ съ нѣсколь-

кими людьми изъ экипажа; что они напились тамъ свѣжей воды изъ ручья и видѣли на песокъ слѣды человѣческихъ ногъ вдвое больше обыкновенныхъ, а на ближнемъ деревѣ нашли прибитый къ нему крестъ, и возлѣ — три камня, положенные въ видѣ треугольника, съ остатками огня, на которомъ, повидимому, пеклись чешуйчатая рыбы; что увидѣвъ множество всякаго скота, пасущагося невдалекѣ, два матроса погнались за стадомъ съ дротиками и скрылись въ лѣсу, преслѣдуя животныхъ; между тѣмъ начало смеркаться, небо покрылось тучами, поднялся сильный вѣтеръ, и оставшіеся на суднѣ люди закричали, что ихъ срываетъ съ якоря: поэтому Белло тотчасъ-же сѣлъ въ шлюпъ и прибылъ на корабль, — и въ то-же мгновеніе они потеряли изъ виду землю, какъ-бы увлеченные ураганомъ; по минованіи бури, когда тишина возстановилась на морѣ и въ небесахъ, они тщетно искали острова, и не открывъ нигдѣ нимальшаго признака земли, принуждены были продолжать путь, сожалея о двухъ своихъ товарищахъ, оставленныхъ въ лѣсу (1).

Ученый докторъ Педро Ортесъ де-Фунесъ, инквизиторъ Большой-Канаріи, находясь въ Тенерифѣ, потребовалъ къ себѣ для

(1) Nunvez de la Pena, lib. I. cap. 1.—Viera, *Ист. Канарійскихъ-Острововъ*, т. 1, гл. 28.

объясненій по этому предмету многихъ жителей, и всѣ они подтвердили ему прежнее свое показаніе — что видѣли островъ явственно и не сомнѣваются въ его существованіи. Въ числѣ призванныхъ имъ людей находилъ ся нѣкто Маркосъ Верде, человекъ, пользовавшійся большою извѣстностью на островѣ. Онъ объявилъ, что возвращаясь изъ Варваріи, онъ увидѣлъ недалеко отъ Канарійскихъ Острововъ землю, которая, по картамъ и вычисленіямъ, не могла быть ни одною изъ извѣстныхъ странъ: почему и заключилъ, что это долженъ быть знаменитый Санъ-Боронданъ. Восхищенный открытіемъ этого таинственнаго острова, онъ взялъ направленіе вдоль его очарованныхъ береговъ, и встрѣтивъ прекрасный заливъ, образуемый впадениемъ въ море горнаго ручья, бросилъ въ немъ якорь и сдѣлалъ высадку на берегъ вмѣстѣ съ многими изъ своихъ спутниковъ. «Это было около вѣчерень, говорилъ онъ; солнце сѣло и начало смеркаться. Люди разошлись въ разныя стороны, и такъ отделились другъ отъ друга, что не могли уже слышать своихъ окликовъ. Съ наступленіемъ ночи, на суднѣ выставили призывные сигналы; люди возвратились на корабль, въ намѣреніи продолжать обзоръ острова на слѣдующій день. Но только что они взошли на палубу, какъ внезапный ураганъ устремился съ горы съ ужасною силой, сорвалъ судно съ якоря и увлекъ его

въ открытое море, — и съ той-пору они уже не видѣли ни малѣйшаго слѣда этого таинственнаго и негостепримнаго острова.

Кромѣ этихъ свидѣтельствъ, приводили еще одно сказаніе, заключающееся въ рукописи Альбрева Галиндо, — хотя описанное имъ происшествіе и не относилось къ той эпохѣ. Этотъ Галиндо былъ Французскій авантюристъ; путешествуя, задолго до-того времени, къ Канарійскимъ-Островамъ, онъ былъ застигнутъ жестокою бурей, изломавшею всѣ мачты на его суднѣ. Въ такомъ положеніи разъяренные вѣтры прибили его къ неизвѣстному острову, покрытому большими деревьями. Онъ вышелъ на берегъ съ частью своего экипажа, выбралъ одно дерево, годное для мачты, срубилъ его и началъ обдѣлывать. Но божество, покровительствующее островъ, раздражилось, по обыкновенію, на пришельцевъ, дерзнувшихъ коснуться ногой охраняемой имъ земли: при наступленіи ночи, небо вдругъ приняло мрачный и грозный видъ; мореплаватели, опасаясь подвергнуться какому-нибудь несчастью, бросили работу и возвратились на корабль, и ихъ тотчасъ-же отнесло далеко отъ береговъ, какъ это всегда случалось; а на другой день они очутились у острова Пальмы (1).

(1) Nunnez, *Conquista de la Gran. Can.* — Viera, *Hist. des Iles Canaries.*

Однимъ словомъ множество подобныхъ свидѣтельствъ, собранныхъ оффициальнымъ порядкомъ въ 1570 году, показали столь удовлетворительны, что въ томъ-же году была снаряжена у острова Пальмы вторая экспедиція, подъ начальствомъ Фернандо де-Виллалобуса, рехидора этого острова; но послѣдствія ея были также безуспѣшны какъ и всѣхъ предшествовавшихъ поѣздокъ. Сень-Борнданъ продолжалъ, какъ-будто съ намѣреніемъ, возбуждать любопытство свѣта отдаленнымъ, но явственнымъ зрѣлищемъ своихъ райскихъ красотъ, — являясь среди бурь мореходцамъ, борющимся съ непогодой и постоянно уклоняясь отъ тѣхъ изъ нихъ, которые старались открыть его. Но все это нисколько не ослабило привязанности жителей Пальмы къ своей любимой мечтѣ. Спустя тридцать-четыре года послѣ неудачной попытки, они снова отправили судно на поискъ этого острова, поручивъ начальство надъ экспедиціей Гаспару Пересу де-Акость, опытному лоцману, и давъ ему въ спутники отца Лоренсо Пинедона, францисканскаго монаха, отличавшагося глубокими познаніями въ естественной исторіи; но Св. Борнданъ и на этотъ разъ не пожелалъ явить свой островъ ни монаху, ни мореходцу. Искрестивъ часть моря, отдѣляющую эту таинственную землю отъ Канарійской группы, по всѣмъ направленіямъ, измѣряя тщательно его

глубину на разныхъ пунктахъ, и дѣлая наблюденія надъ небомъ, облаками, направленіемъ вѣтровъ, — однимъ словомъ надъ всѣмъ, что только можетъ представлять на морѣ признаки близости земли, — они возвратились изъ поиска, не открывъ ничего такого, чтобы могло хоть отчасти оправдать надежды жителей.

Послѣ этого, болѣе столѣтія не предпринимали никакихъ попытокъ для открытія очарованнаго острова, хотя отъ времени до времени умы и приводились въ движеніе слухами объ его появленіи и разказами, что лимоны и другіе плоды и неувядшія вѣтви деревь, выбрасываемыя волнами на берега острововъ Ферро и Гомеры, очевидно приносились изъ очарованныхъ роцвей Санъ-Боррдана. Наконецъ въ 1721 году всеобщее обаяніе возрасло до такой степени, что для отысканія его отправили четвертую экспедицію, подъ начальствомъ дона Гаспара Домингуэса, — челоѵка, столько-же способнаго, какъ и праводушнаго; и такъ-какъ это предпріятіе заключало въ себѣ нѣчто торжественное и таинственное, то въ спутники ему дали двухъ монаховъ, въ качествѣ представителей апостолическаго ученія. Экспедиція отплыла въ поискъ отъ острова Тенерифа въ концѣ октября, оставивъ жителей въ состояніи неизьяснимаго нетерпѣнія и любопытства. Но и эта попытка, подобно всѣмъ

предшествовавшимъ, не имѣла никакого успѣха: мореплаватели возвратились, не сдѣлавъ нисколько открытій.

Неизвѣстно, были-ли послѣ того еще предпріятія въ томъ-же родѣ, хотя таинственный островъ продолжалъ занимать умы по прежнему и отъ времени до времени обнаруживалъ свои туманныя высоты. Въ 1759 году одинъ Францисканскій монахъ писалъ съ острова Гомеры къ другу своему, что 3 мая, въ шесть часовъ утра, онъ видѣлъ Санъ-Бранданъ изъ деревни Алаксеро, и разсматривая его въ зрительную трубу, замѣтилъ, что онъ состоитъ изъ двухъ огромныхъ горъ, раздѣленныхъ долиной, или оврагомъ, покрытымъ лѣсомъ. Онъ призвалъ священника Антонію Госифа Манрика и болѣе сорока другихъ зрителей, и всѣ они также видѣли его весьма явственно (1).

Этотъ островъ означенъ не на однихъ картахъ Колумбова времени; онъ помѣщенъ еще въ числѣ Канарійскихъ-Острововъ на одной Французской картѣ, изданной въ 1704 году. И Г. Готье, на своей географической картѣ, приложенной къ замѣчаніямъ его на естественную исторію, изданнымъ въ 1755 году, означилъ его въ пяти градусахъ къ западу отъ острова Ферро, подъ 29 градусомъ сѣверной широты.

(1) *Vieira, Ист. Канар. Остр., т. I, гл. 28.*

Вотъ главнѣйшіе изъ извѣстныхъ фактовъ, относящихся къ острову Санъ - Борондану. Существованіе его долгое время признавалось неподлежащимъ сомнѣнію. Напрасно опровергалось оно многократными и бесполезными поисками и путешествіями; публика, истощивъ всѣ возможные софизмы, прибѣгла наконецъ къ сверхъестественному для защиты своей любимой мечты: она утверждала, что островъ дѣйствительно существуетъ, но недоступенъ для смертныхъ. Однимъ словомъ этотъ призракъ островъ служилъ неистощимымъ поводомъ къ самымъ нелѣпымъ и сумасброднѣйшимъ толкамъ (1). Нѣкоторые смѣшивали его съ баснословнымъ островомъ Семи-Городовъ, къ которому въ весьма отдаленныя времена, пристали будто - бы семь епископовъ съ своею паствою, укрываясь отъ Мавританъ. Нѣкоторые Португальцы воображали, что на немъ жилъ ихъ безъ-вѣсти пропавшій король Севастьянъ. Испанцы утверждали, что Родригъ, послѣдній изъ ихъ Готерскихъ королей, убѣжалъ туда 'отъ Мавровъ послѣ несчастнаго сраженія при Гвадалетъ. Иные даже называли его — земнымъ раемъ. Говорятъ, что этимъ народнымъ повѣрьемъ поэзія обязана однимъ изъ прекраснѣйшихъ своихъ вымысловъ, и что Арминидъ садъ, помѣщенный Тассомъ на одномъ изъ Канарій-

(1) *Vieira Ист. Канар. Остр.*, т. I, гл. 28.

скихъ-Острововъ,—гдѣ былъ заключенъ силой очарованій, Рено,—~~есть~~ отпечатокъ мнимаго острова Сень-Борндана. Ученый надре Фейоо разрѣшилъ физическимъ способомъ эту географическую задачу (1), приписавъ столь частыя и такъ положительно засвидѣтельствованныя явленія этого острова атмосферическимъ иллюзіямъ, относящимся къ одному роду съ тѣми, которыя заставляли предполагать существованіе Фата-Морганы на Мексинскомъ-Заливѣ, гдѣ городъ Реджіо съ окрестностями отражается иногда въ воздухъ надъ поверхностью моря, и къ подобнымъ же явленіямъ, замѣчаемымъ противъ города Марсели. Что касается до разказовъ мореходцевъ, будто они приставали къ его завѣтнымъ берегамъ, и потомъ были отбрасываемы отъ нихъ бурями и ураганами,—онъ считаетъ все это баснями.

Но народъ вообще не легко разстается съ своими повѣрьями, особенно если они заключаютъ въ себѣ чудесное и таинственное; подобныя атмосферическія явленія, породившія описанный нами обманъ чувствъ, могутъ возобновляться,—и нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторые легковѣрные и непросвѣщенные жители Канарійскихъ-Острововъ, и понынѣ еще вѣрятъ существованію

(1) *Teatro crítico*, tom. IV, doc. 10.

острова Сень-Борндана, и отъ времени до времени видать его очарованныя горы на отдаленномъ горизонтѣ Атлантическаго-Океана.



ПРИЛОЖЕНІЕ № 24.

Островъ-Семи-Городовъ.

Преданіе объ островъ Семи-Городовъ принадлежитъ къ числу народныхъ повѣрствъ, существовавшихъ въ Коломбово время, относительно къ Океану. Одна старинная легенда говоритъ, что въ эпоху завоеванія Испаніи и Португаліи Мавританами, когда жители бѣжали во всѣ стороны, спасаясь отъ рабства, семь епископовъ съ большимъ числомъ своихъ прихожанъ, отплыли въ море на произволь судьбы. Послѣ довольно продолжительнаго плаванія, они пристали къ неизвѣстному острову, лежащему среди Океана, гдѣ епископы тотчасъ-же сожгли свои суда, опасаясь, чтобъ послѣдовавшіе за ними люди не оставили ихъ однихъ на островѣ. Впослѣдствіи носились слухи, что къ этой землѣ приставали въ разное время многіе Португальскіе лоцманы, но ни одинъ изъ нихъ не возвращался оттуда, потому-что, какъ уз-

нали послѣ, ихъ задерживали наследники епископовъ, все еще опасавшіеся преслѣдованій. Потомъ былъ слухъ, что въ то время, когда принцъ Генрихъ Португальскій занимался своими открытіями, къ нему явились однажды нѣсколько мореплавателей, и донесли, что они прибыли изъ путешествія, во время котораго приставали къ Острову-Семи-Городовъ. Они рассказали ему, между прочимъ, что жители этого острова говорятъ тѣмъ-же языкомъ, какъ и Португальцы; что встрѣтивъ ихъ на берегу, они тотчасъ-же повели ихъ въ церковь, желая удостовѣриться дѣйствительно-ли они католики, и убѣдясь въ томъ, весьма обрадовались и начали распрашивать, все-ли еще Мавритане владѣютъ Испаніей и Португаліей; что въ то время, когда часть экипажа находилась въ церкви, нѣсколько чело-вѣкъ изъ остальныхъ пошли на берегъ за пескомъ, для чистки кухонной посуды, и къ великому изумленію своему увидѣли, что цѣлая треть этого песку—чистое золотъ; и наконецъ, что жители уговаривали ихъ остаться на нѣсколько дней на островѣ, до возвращенія ихъ губернатора, который находился тогда въ отсутствіи; но мореплаватели, опасаясь, чтобъ ихъ не задержали, отплыли въ море. Таковъ рассказъ, сообщенный моряками принцу Генриху, вѣроятно, въ надеждѣ получить отъ него хорошую награду за это

извѣстіе; но принцъ, говорятъ, изъявилъ не-удовольствіе, www.libonil.ru такъ скоро оставили островъ, и велѣлъ отправиться туда снова, и собрать объ немъ болѣе подробныя свѣденія. Однакожь путешественники, опасаясь, безъ сомнѣнія, чтобъ не обнаружилась ложность ихъ исторіи, скрылись, и съ той поры объ нихъ не было никакого слуху (1).

Между-тѣмъ ихъ рассказы надѣлали много шуму. Островъ-Семи-Городовъ приняли за тотъ, который, по описанію Аристотеля, былъ нѣкогда открытъ Карфагенцами, и помѣстили его на картахъ подъ именемъ Антииллы. Это было около Колумбова времени.

Потомъ, въ эпоху открытія Новой-Испаніи, въ Испанію разсказывали множество невѣроятныхъ исторій объ образованности этого края; говорили, что ихъ зданія и храмы прочны, обширны, часто великолѣпны, и что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находятъ кресты. Хуанъ де Гривилья, которому поручено было обознать берегъ Юкатана, говоритъ, что обходя его, онъ былъ крайне изумленъ, встрѣтивъ на немъ большія и красивыя зданія, построенныя изъ камня и извести, и весьма много башень, блистающихъ издали (2). Эти

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 10.

(2) Torquemada, *Monarquía Indiana*, lib. IV, cap. 4. — *Origen. de los Indios*, por. Fr. Greg. Garcia, lib. IV, cap. 20.

разказы воскресили на время старинное преданіе о Семи Городахъ, и заставили многихъ думать, что города эти находятся въ Новой-Испаніи.



ПРИЛОЖЕНИЕ № 25.

ОТКРЫТИЕ ОСТРОВА МАДЕРЫ.

Главнѣйшее свѣденіе объ открытіи Маде-ры Англичаниномъ Мачагомъ заключается въ повѣствованіи Франциска Алькафорато, оруженосца принца Генриха Португальскаго, для котораго онъ сдѣлалъ описаніе этого событія. Но его свидѣтельство, кажется не имѣло большаго вѣсу между Португальскими историками. Барросъ не упоминаетъ о немъ ни слова. Онъ приписываетъ первое открытіе этого острова Жоаму Гонсалесу и Тристраму Васу, которые, по его словамъ, усмотрѣли его изъ Порто-Санто, въ видѣ облака на горизонтѣ (1).

Однакожь аббать Прево, въ своей *Всеобщей исторіи путешествій* (томъ VI), по видимому, признаетъ описаніе Алькафорато достовѣрнымъ. Оно было составлено, гово-

(1) Barros, *Asia*, decad. 1, lib. 1, cap. 3.

рить онъ, въ то время, когда общее вниманіе къ этому происшествію современниковъ открыло-бы мальшшую невѣрность въ немъ, и Алькафорато лучше всякаго другаго могъ описать это событіе во всѣхъ его подробностяхъ, потому-что онъ участвовалъ лично во второмъ открытіи Мадеры. Подлинное «Описаніе» Алькафорато было загромождено разными украшеніями слога и отступленіями отъ главнаго предмета. Оно было переведено на Французскій языкъ и издано въ Парижъ въ 1671 году. Французскій переводчикъ очистилъ его отъ украшеній, но тщательно сохранилъ всѣ факты. Какъ-бы то ни было; но эта исторія считается истинною на островѣ Мадерѣ, гдѣ и понынѣ хранится одна относящаяся къ ней картина. Все, что мы будемъ говорить ниже, взято изъ Французскаго перевода, потому-что мы не могли достать подлиннаго сочиненія Алькафорато.

Въ царствованіе Эдуарда III, короля Англійскаго, одинъ молодой человекъ, исполненный мужества и дарованій, по имени Робертъ Мачамъ, влюбился въ Анну Дорсе, дѣвицу рѣдкой красоты и знатной фамиліи. Родственники Анны Дорсе, желая воспрепятствовать неровному браку ея съ Мачамомъ, испросили у короля повелѣніе заключить Мачама въ тюрьму, до-тѣхъ-поръ, пока они, употребивъ во зло свою родственную власть, не принудятъ его возлюбленную выдти за-

мужъ за одного знатнаго челоуька. Фамилія Дорсе успѣла въ своихъ усиліяхъ , и мужъ-вельможа, тотчасъ послѣ сватьбы, повезъ свою молодую и печальную супругу въ свой замокъ, лежащій невдалекъ отъ Бристоля. Между-тѣмъ Мачама освободили. Въ негодованіи на претерпѣнную имъ несправедливость, и увѣренный въ привязанности своей любезной, онъ уговорилъ нѣсколькихъ друзей своихъ, помочь ему въ исполненіи его намѣренія, внушеннаго любовью и мщеніемъ, и пустился съ ними вслѣдъ за новобрачными въ Бристоль. Пріѣхавши туда, одинъ изъ пріятелей Мачама опредѣлился въ домъ вельможи слугой. Онъ скоро открылъ, что молодая супруга сохранила всю нѣжность къ прежнему другу и ненавидитъ своего мужа, за котораго ее принудила выдти противъ воли. Черезъ этого пріятеля Мачамъ имѣлъ съ своей любезной частыя свиданія, и они условились бѣжать во Францію, гдѣ могли предаться взаимной склонности, не опасаясь преслѣдованій.

Когда всѣ нужныя приготовленія къ побѣгу были кончены, молодая дама выѣхала однажды верхомъ съ мнимымъ слугой, подъ предлогомъ прогулки. Отдалясь отъ замка на такое разстояніе, что ихъ нельзя было видѣть оттуда, они пустились въ галопъ и пріѣхали на условленное мѣсто, на берегъ канала. У берега ожидала ихъ лодка, и тотчасъ перевезла на судно, готовое къ отплытію, на которомъ находился Ма-

чамъ. Опасаясь преслѣдованія, они тутъ-же подняли **якорь** и **быстро** понеслись вдоль береговъ Корнвалисса. Мачамъ заранѣ наслаждался той минутой, когда онъ съ торжествомъ высадить свою возлюбленную на берегъ прекрасной и доблестной Франціи. Къ несчастью, въ ночь поднялся противный вѣтеръ, и къ разсвѣту они уже потеряли изъ виду землю. Экипажъ ихъ состоялъ изъ матросовъ плохо понимающихъ свое дѣло, неопытныхъ и незнающихъ употребленія компаса. Любовники носились цѣлыхъ тридцать дней на разъяренномъ океанѣ, совершенно по произволу вѣтровъ и волнъ. Ужасъ и раскаяніе исполнили сердце убѣжавшей супруги; смятеніе стихій казалось ей знаменіемъ небеснаго гнѣва, и никакія убѣжденія любовника не могли заглушить въ ней пагубнаго предчувствія близкаго бѣдствія.

Наконецъ буря утихла. Въ четырнадцатый день, на разсвѣтъ, они увидѣли что-то похожее на купу деревь, возвышающуюся надъ моремъ, и съ радостью устремили свой путь къ тому мѣсту, полагая что это долженъ быть островъ. Они не обманулись: подойдя ближе, глазамъ ихъ представилось великолѣпное зрѣлище. Восходящее солнце освѣтило передъ ними землю, покрытую величественнымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ деревь вовсе неизвѣстной имъ породы, и цѣлая стая птицъ, которыя прилетали на корабль и сѣлись на

мачты и снасти, не обнаруживая нималѣйшей пугливости. www.libtool.com.cn

Странники послали лодку для обозрѣнія берега. Она скоро возвратилась съ столь пріятными извѣстіями о красотѣ страны, что Мачамъ рѣшился перевезть туда свою изнемогшую подругу, въ надеждѣ что отдыхъ и свѣжая питательная пища возвратятъ крѣпость ея тѣлу и спокойствіе духу. Онъ исполнилъ это намѣреніе; переѣхалъ на островъ вмѣстѣ съ своими вѣрными друзьями, которые содѣйствовали ихъ побѣгу; а матросовъ оставилъ на суднѣ для охраненія его.

Земля, къ которой они пристали, была истинно-очаровательна: она была покрыта пышнымъ и величественнымъ лѣсомъ, въ которомъ одни деревья были обременены вкуснѣйшими плодами, другіе покрыты благоухающимъ цвѣтомъ; повсюду струилась свѣжая, прозрачная вода; небо было ясно, воздухъ благоухалъ ароматами; животныя не обнаруживали ни малѣйшей дикости, ни кровожадности, — обстоятельство, изъ котораго путники заключили, что островъ необитаемъ; нѣсколько далѣе отъ берега лежала прекрасная зеленѣющая поляна, закрытая рядомъ лавровыхъ деревьевъ и орошенная горнымъ потокомъ, котораго чистая вода перебѣгала по камешкамъ, и посреди ея возвышалось величественное дерево, котораго густыя вѣтви манили въ пріятную пѣнь. На этой полянѣ

Мачамъ съ товарищами построилъ шалаши, и рѣшимся [.libprovecty.sw](#) ея прелестномъ уединеніи нѣсколько дней, въ надеждѣ что прекрасный видъ края, благорастворенный воздухъ и тишина возстановятъ ослабленныя силы его возлюбленной и возвратятъ ей прежнюю бодрость.

Но на третій день ихъ пребыванія въ этой неизвѣстной землѣ, поднялся съ сѣверо-востока страшный ураганъ и свирѣпствовалъ съ неимовѣрною яростью цѣлую ночь. На слѣдующее утро Мачамъ пошелъ на берегъ посмотреть, что сдѣлалось съ его судномъ; но его не было и слѣду: онъ не нашелъ его на прежнемъ мѣстѣ, не замѣтилъ нигдѣ въ отдаленіи, и заключилъ, что она потоплена ночью бурей.

Уныніе овладѣло странниками, оставшимися такимъ-образомъ безъ всякой помощи на пустынномъ островѣ, среди Океана. Этотъ ударъ судьбы сильнѣе всѣхъ поразилъ робкую и раскаявающуюся супругу: она и безъ того уже упрекала себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя претерпѣли за нее друзья и спутники ея возлюбленнаго, и съ самаго отъѣзда мучилась мрачными предчувствіями, которыя теперь начали оправдываться; а это несчастье поразило ее столь сильнымъ ужасомъ, что она лишилась употребленія языка и черезъ три дня скончалась, не произнеся во все это время ни одного слова.

Трагическая смерть этого нѣжнаго и предстнаго существа повергла Мачама въ отчаянье. Въ изступленіи горести онъ обвинялъ себя, что похитилъ ее изъ супружескаго дома, оторвалъ отъ отечества и семейства, для того только, чтобъ быть свидѣтелемъ ея гибели въ дикой и пустынной странѣ. Всѣ усилія друзей утѣшить его остались бесполезны: онъ умеръ черезъ пять дней послѣ кончины своей возлюбленной, съ растерзаннымъ сердцемъ, умоляя ихъ погребсти его тѣло подлѣ останковъ его любезной у подножія простаго алтаря, сооруженнаго имъ подлѣ большимъ деревомъ. Друзья исполнили его желаніе и поставили надъ общою могилою любовниковъ большой деревянный крестъ, съ надписью, сочиненною самимъ Мачамомъ, въ которой онъ описалъ въ короткихъ словахъ свое бѣдственное приключеніе и просилъ всѣхъ христіанъ, которыхъ судьба приведетъ на этотъ островъ, построить на томъ мѣстѣ часовню, во имя Іисуса-Спасителя.

По смерти Мачама, спутники его начали между собой совѣтоваться, какъ-бы имъ возвратиться въ отечество. Лодка погибшаго судна осталась на берегу; они починили ее, привели въ состояніе выдержать довольно продолжительный путь и отплыли въ море, въ надеждѣ достигнуть Англии. Не зная своего положенія, они плыли по волѣ вѣтровъ, и наконецъ были принесены къ Марокскимъ


берегамъ, гдѣ лодка ихъ разбила о скалы, а сами они были взяты въ неволю Мавританами, которые заключили ихъ въ темницу. Тамъ узнали они, что и судно ихъ постигла таже участь: буря сорвала его съ якоря и занесла къ этому негостепріимному берегу, гдѣ весь экипажъ былъ взятъ въ плѣнь.

Марокскія тюрьмы были наполнены плѣнниками всѣхъ націй, захваченными Мавританскими крейсерами. Въ той, куда заключили Англичанъ, находился одинъ весьма опытный Испанскій лоцманъ, Севильскій уроженецъ, по имени Хуанъ де-Моралесъ. Онъ слушалъ рассказы объ ихъ странствованіи съ большимъ участіемъ; спрашивалъ о положеніи открытаго ими острова; просилъ описать его, и впослѣдствіи, когда былъ выкупленъ изъ неволи, сообщилъ, какъ говорятъ, всѣ эти, повторенныя нами, подробности принцу Генриху Португальскому.

Въ повѣствованіи Алькафорато встрѣчаются нѣкоторыя несообразности въ числахъ. Онъ говоритъ, на-примѣръ, что описанное нами путешествіе было совершено въ царствованіе Эдуарда III, продолжавшееся съ 1337 по 1378 годъ. Моралесъ, которому плѣнные Англичане сообщили свои приключенія, находился, говорятъ, въ Португальской службѣ около эпохи втораго открытія острова Мадеры, то есть съ 1418 по 1420 годъ. Предположивъ даже, что Англичане совер-

шли путешествіе и были взяты въ плѣнь въ послѣдній годъ царствованія Эдуарда, — все еще останется промежутокъ времени въ сорокъ лѣтъ между кончиной этого государя и описаннымъ происшествіемъ.

Гаклюйтъ приводитъ описаніе того-же путешествія изъ Антоніо Гальваніо, и оно въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ разнится съ Алькафоратовымъ повѣствованіемъ. «Это происходило, говоритъ Гальваніо, въ царствованіе Петра IV, короля Аррагонскаго. Мачамъ бросилъ якорь въ одномъ заливѣ, названномъ въ послѣдствіи его именемъ — *Mazio*. Дама была больна, и онъ переѣхалъ съ нею и нѣсколькими друзьями на берегъ; между-тѣмъ судно подняло безъ нихъ паруса и ушло. По смерти дамы, Мачамъ выдолбилъ изъ одного дерева лодку и отважился отплыть на ней съ своими спутниками въ открытое море. Ихъ прибило къ Африканскому берегу. Мавритане, изумленные ихъ переѣздомъ, повели ихъ къ своему государю, который отослалъ Мачама къ Кастильскому королю. Преданіе объ этомъ путешествіи побудило Генриха II-го, короля Кастильскаго, отправить въ 1395 году экспедицію для вторичнаго открытія острова Мадеры.



ПРИЛОЖЕНИЕ № 26.

Л а с ь - К а с а с ь .

Барфоломей Лась-Касась, епископъ Чиапскій, столь часто упоминаемый во всѣхъ исторіяхъ Новаго-Свѣта, родился въ Севильѣ, въ 1474 году, отъ фамиліи Французскаго происхожденія, носившей имя *Casaus*. Первый членъ этой переселившейся въ Испанію фамиліи служилъ подъ знаменами Фердинанда III, прозваннаго *Святѣль*, въ войнахъ его съ Андалузскими Маврами. Онъ находился при взятіи у Мавританъ Севиллы, и въ награду за свои заслуги, получилъ отъ короля дозволеніе поселиться въ этомъ городѣ. Потомки его пользовались дворянскими преимуществами. Впослѣдствіи они уничтожили въ своемъ имени букву *и*, чтобъ примѣнить его произношеніе къ духу Испанскаго языка.

Антоній, отецъ Барфоломея, отправился въ 1493 году съ Колумбомъ въ Испанію, обо-

гатился тамъ и возвратился въ Севилу въ 1498 году (1). По словамъ одного изъ биографовъ его сына, Варфоломей Ласъ-Касасъ отплылъ въ томъ-же (1498) году съ Колумбомъ въ третье путешествіе для открытій, и возвратился съ нимъ изъ Новаго-Свѣта въ 1500 году (2); но это невѣрно: въ то время Ласъ-Касасъ находился еще въ Саламанкскомъ университетѣ, гдѣ онъ учился Латинскому языку, діалектикѣ, логикѣ, метафизикѣ, нравственности и физикѣ, по началамъ и методъ, приписываемой Аристотелю. Въ эту-то эпоху его жизни, одно обстоятельство произвело на его умъ столь сильное впечатлѣніе, что оно, кажется, дало направленіе всѣмъ его дѣйствіямъ на все остальное время его жизни. Отецъ далъ ему для прислуги въ университетѣ невольника, привезеннаго изъ Новаго-Свѣта и подареннаго ему Колумбомъ. Когда Изабелла, въ пылу справедливаго негодованія, повелѣла всѣхъ невольниковъ возвратить въ ихъ отечество, у Ласъ-Касаса, какъ и у другихъ, взяли его слугу. Этотъ случай погрузилъ молодаго человѣка въ размышленія, — и результатомъ ихъ было живѣйшее состраданіе къ судьбѣ несчастныхъ обитателей новооткрытаго міра. Онъ воспламенился

(1) Navarette, tom. I, *Introd.*, стр. 70.

(2) J.—A. Llorente, *Oeuvres de Las Casas*, page II, Paris 1892.

усердіемъ къ ихъ дѣлу: и съ той минуты его рвеніе не охлаждалось уже никогда, во всю продолженіе долголѣтней и дѣятельной его жизни. Напротивъ, оно усиливалось все болѣе и болѣе. На двадцать восьмомъ году жизни онъ прибылъ съ намѣстникомъ Овандо въ Испанію, и глазамъ его представилось ужасное зрѣлище бѣдствій и жестокостей, которыми отличалось правленіе этого Испанца. Съ той поры онъ посвятилъ весь остатокъ своей жизни, болѣе шестидесяти лѣтъ, на защиту бѣдныхъ туземцевъ и на облегченіе ихъ участи: объѣздивъ, въ званіи миссіонера, дикія страны Новаго - Свѣта по различнымъ направленіямъ, стараясь всюду обращать къ христіанству и просвѣщать ихъ обитателей; совершилъ нѣсколько путешествій въ Испанію, собственно для ходатайства объ нихъ и для защиты ихъ правъ; неоднократно представлялъ жалобы на притѣсненіе ихъ правительству; написалъ цѣлые томы въ ихъ пользу; однимъ словомъ дѣлалъ все, что могъ, для облегченія ихъ судьбы, съ мужествомъ и постоянствомъ, достойными истиннаго пастыря церкви. Онъ умеръ въ глубокой старости, на девяносто-третьемъ году, и погребенъ въ Мадридѣ, въ доминиканскомъ монастырѣ Атохской-Богоматери.

Одно средство, къ которому прибѣгнулъ Ласъ-Касасъ для освобожденія дикихъ обитателей Новаго-Свѣта отъ жестокаго ихъ раб-

ства, подало поводъ къ многимъ покушеніямъ представить его, поступки въ двусмысленномъ видѣ и подвергнуть сомнѣнію его филантропію. Это было въ 1517 году, въ одинъ изъ тѣхъ прїездовъ его изъ Новаго Свѣта въ Испанію, которые онъ предпринималъ для исходатайствованія у правительства какихъ-нибудь мѣръ въ пользу своихъ несчастныхъ кліентовъ. Онъ засталъ кардинала Хименеса, назначеннаго регентомъ по смерти Фердинанда, въ весьма болѣзненномъ состояніи, которое недозволяло ему заниматься дѣлами, и отправился въ Валадолиду на встрѣчу къ новому монарху, Австрійскому эрцгерцогу Карлу, впоследствии императору Карлу V, куда его ожидали вскорѣ. Ласъ-Касасъ предвидѣлъ сильное сопротивленіе со стороны владѣльцевъ, имѣвшихъ въ Новомъ - Свѣтѣ помѣстья и невольниковъ, и которыхъ личныя выгоды требовали поддержанія рабства въ колоніяхъ. Къ числу этихъ людей принадлежалъ и грозный епископъ Фонсека, президентъ «Совѣта о дѣлахъ Индіи.»

Наконецъ прибылъ молодой государь. Въ числѣ сопровождавшихъ его придворныхъ, находился его великій-канцлеръ, докторъ Іоаннъ де-Сальважіо, человекъ весьма замѣчательный по своему праводушію и просвѣщенію, къ совѣтамъ котораго юный государь прибѣгалъ во всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ администраціи и судебной части. Ласъ-

Касасъ весьма скоро сошелся съ канцлеромъ, который возымѣлъ къ нему глубокое уваженіе. Совсѣмъ-тѣмъ, противъ сего предложеній о облегченіи участи жителей нолооткрытыхъ странъ возстало со всѣхъ сторонъ столь сильное сопротивленіе, что успѣхъ его ходатайства казался весьма сомнительнымъ. Въ этой крайности онъ прибѣгнулъ къ одному средству, которое считалъ вынужденнымъ обстоятельствами и слѣдственно позволительнымъ (1). Канцлеръ Сальважіо и другіе Фландрцы, прибывшіе съ молодымъ монархомъ, испросили у него, еще до отъѣзда изъ Фландріи, разрѣшеніе на вывозъ Африканскихъ невольниковъ въ колоніи Новаго - Свѣта, — вывозъ только-что запрещенный въ 1516 году постановленіемъ регента кардинала Хименеса. Человѣколюбивый канцлеръ, согласивъ свою совѣсть съ общепринятымъ мнѣніемъ, что одинъ Негръ, не вредя своему здоровью, въ состояніи исправить столько работы, сколько съ трудомъ выполняли ее нѣсколько дикихъ Американцевъ вмѣстѣ, разсудилъ, что,

(1) Геррера фаворитъ, что онъ обратился къ этой мѣрѣ тогда уже, какъ всѣ прочія не имѣли успѣха. «Bartolome de Las Casas viendo que sus conceptos hallaban en todas partes dificultad, y que las opiniones que tenia, por mucha familiaridad que habia seguido, y gran crédito con el gran cançiller, non podian haber efecto, se volvió a otros expedientes, y проч. (Decad. II, lib. II, cap 20).

замѣнивъ послѣднихъ первыми, общая сумма бѣдствій [человѣчества](http://www.libtsol.com) значительно уменьшится, — и одобрилъ эту мѣру. Такъ легко прикрываютъ люди свои личныя выгоды видами благонамѣренности! Быть-можетъ, впрочемъ, онъ и дѣйствительно полагалъ, что эта перемѣна не сдѣлаетъ Африканцамъ значительнаго вреда, потому-что они уже привыкли къ рабству въ собственномъ своемъ отечествѣ, а климатъ Нового-Свѣта, какъ утверждали, для нихъ благопріятенъ. «Переселенные на Испанію Африканцы, говоритъ Геррера, были такъ здоровы, что нѣкоторые вообразили будто Негры никогда не умираютъ, покрайній мѣръ если ихъ не новѣсятъ: въ то время еще ни одинъ чорный не умеръ отъ старости или болѣзни. Они, подобно померанцамъ, нашли въ Испанію климатъ болѣе свойственный ихъ натурѣ, чѣмъ даже въ Гвинеѣ, своей родной странѣ (1).»

Ласъ-Касасъ, убѣдясь въ бесполезности всякаго другаго средства, рѣшился извлечь пользу для туземцевъ — хотя изъ корыстныхъ видовъ великаго-канцлера. Онъ сдѣлалъ предложеніе, чтобъ Испанцамъ, живущимъ въ колоніяхъ, было разрѣшено пріобретать Негровъ для употребленія на фермахъ, въ рудникахъ и другихъ тяжелыхъ работахъ, дово-

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. III, cap. 4.

дящихъ до изнѣможенія и смерти туземцевъ (1). Изъ этого предложенія ясно видно, что онъ, подобно прочимъ своимъ современникамъ, руководствовался при уменьшеніи бѣдствій челоуѣчества арифметическимъ расчетомъ — жертвуя однимъ сильнымъ челоуѣкомъ вмѣсто трехъ или четырехъ болѣе слабыхъ. Кроме того, онъ и самую расу дикихъ обитателей Нового-Свѣта считалъ несравненно благороднѣйшею и умнѣйшею чѣмъ племя черныхъ, и слѣдственно благосостояніе первыхъ болѣе важнымъ для общей пользы челоуѣческаго рода.

Эта - то мѣра навлекла строгія укоризны на память Ласъ-Касаса. Его обвиняли въ грѣбѣ противорѣчій своихъ правилъ съ поступками, и даже въ томъ, что онъ первый далъ поводъ къ безчелоуѣчному торгу невольниками въ Новомъ-Свѣтѣ. Последнее обвиненіе весьма сильно; но событія и историческія числа доказываютъ, что оно неосновательно, и что торговля Неграми существовала въ колоніяхъ и была разрѣшена королевскими указами за-долго до того времени, когда Ласъ-Касасъ предложилъ ее, какъ средство къ облегченію участи дикихъ Американцевъ.

Ласъ-Касасъ не былъ въ Новомъ-Свѣтѣ до 1502 года; а еще въ 1501 году королевскимъ повелѣніемъ дозволено было ввозить туда

(1) Herrera, *Hist. Ind.* dec. I, lib. III, cap. 4.

Африканскихъ невольниковъ, родившихся между христіанами (1). Письмо Овандо, писанное въ 1503 году, доказываетъ, что ихъ было уже очень много въ то время въ Испанію, потому что онъ проситъ въ немъ о запрещеніи дальнѣйшаго ввоза невольниковъ на остроѣ. Въ 1506 году Испанское правительство запретило перевозить въ Новый-Свѣтъ черныхъ невольниковъ изъ Леванта, также и тѣхъ, которые выросли между Мавританами, дозволивъ переселять въ колоніи однихъ Севильскихъ Негровъ, наставленныхъ въ догматахъ христіанской вѣры, — съ тою цѣлью, чтобъ они содѣйствовали обращенію туземцевъ (2). Въ 1510 году король Фердинандъ, получивъ донесеніе о физической слабости жителей Новаго-Свѣта, велѣлъ отправить туда изъ Севиллы пятьдесятъ Африканцевъ, для работъ въ рудникахъ (3); а въ 1511 году, узнавъ что Негръ можетъ исправлять вчетверо болѣе работы, чѣмъ дикій Американецъ, далъ повелѣніе закупить ихъ въ Гвинеѣ и отправить къ Испанію (4). Въ 1512 и 1513 годахъ онъ издалъ другія повелѣнія, относящіяся къ тому-же предмету. Въ 1516 году Карль V, по просьбѣ Фламандцевъ, разрѣшилъ ввозъ Не-

(1) Herrera, decad. I, lib. II, cap. 8.

(2) Herrera, decad I, lib. IV, cap. 20.

(3) Herrera, decad I, lib. VIII, cap. 9.

(4) Herrera, decad. I, lib. IX, cap. 5.

гровъ въ колоніи. А Ласъ-Касасъ одобрилъ эту, уже давно существовавшую торговлю, не прежде, какъ въ 1517 году, имѣя въ виду единственно замѣну сильными Африканцами слабыхъ уроженцевъ Новаго-Свѣта. Его поддерживали, въ тоже время и по тѣмъ-же причинамъ, братья іеронимиты, миссіонеры колоній. Побужденія Ласъ-Касаса проистекала собственно изъ доброты его души, хотя основаніемъ ихъ было неправильное понятіе о справедливомъ. Онъ допускалъ зло — въ надеждѣ достигнуть черезъ него добра, — изъ двухъ неизбѣжныхъ бѣдствій избиралъ меньшее, въ надеждѣ отвратить большее. Какъ ни ложны его расчеты въ этомъ случаѣ, однакожь они были одобрены, какъ проистекшіе изъ челоуѣколюбиваго побужденія, многими ученѣйшими и благонамѣреннѣйшими людьми того вѣка, и между прочими—кардиналомъ Адрианомъ, впоследствии получившимъ тиару, и котораго характеръ состоялъ — весь изъ кротости и доброты. Торгъ Неграми былъ дозволенъ; собрали свѣденія, сколько ихъ нужно въ колоніяхъ; ограничили число ихъ четырьмя тысячами, и дали исключительную привилегію на эту торговлю Фламандцамъ, которые продали ее потомъ Генуэзцамъ.

Докторъ Робертсонъ, говоря объ этомъ событіи, дѣлаетъ весьма невыгодное для Ласъ-Касаса сравненіе его поступковъ съ дѣйствіями кардинала Хименеса. «Кардиналь, — гово-

рить онъ, — когда его упрасивали одобрить торговлю Неграми, рѣшительно отвергъ это предложеніе, потому-что считалъ несправедливымъ осуждать на рабство одно племя людей въ замѣнъ другаго; но Ласъ-Касасъ, увлекаемый тою опрометчивостью, которая свойственна людямъ, стремящимся, во что-бы то ни стало, достигнуть своей любимой цѣли, не могъ понять этого различія. Въ пылу своего усердія къ облегченію участи Американцевъ, онъ нашелъ столько-же справедливымъ, какъ и сообразнымъ съ обстоятельствами, увеличить бѣдствія Африканцевъ (1).

Эта похвала и порицаніе раздѣлены Робертсономъ не совсѣмъ справедливо. Ласъ-Касасъ вовсе не думалъ увеличивать бѣдствій Африканцевъ на счетъ туземцевъ Новаго-Свѣта. Негровъ считали болѣе способными къ перенесенію работъ, и въ то время когда Американцы гибли тысячами на Испаніюль, они, напротивъ-того, наслаждались тамъ наилучшимъ здоровьемъ: слѣдственно, онъ не видѣлъ въ этой перемѣнѣ зла для Африканцевъ и усматривалъ явное добро для туземныхъ невольниковъ. Что касается до мъръ кардинала Хименеса, то Геррера, на котораго ссылается докторъ Робертсонъ, относить ихъ совсѣмъ къ другой причинѣ, именно — къ чистому финансовому расчету. Онъ говорить,

(1) Robertson, *Ист. Америки*, стр. 3.

что кардиналь запретилъ ввозъ Негровъ въ Индію потому, что уменьшеніе туземнаго населенія въ Американскихъ колоніяхъ, и мнѣніе, что одинъ Негръ работаетъ четверо болѣе тамошняго невольника, — представляли въ непродолжительномъ времени возможность большаго требованія на Африканскихъ невольниковъ, и что дождавшись этого времени, можно будетъ наложить на торговлю черными невольниками пошлину, весьма выгодную для королевской казны (1). И это свидѣтельство историка оправдано послѣдствіями: мѣра, замышляемая кардиналомъ Хименесомъ, была принята вскорѣ послѣ его смерти; король началъ выдавать за дѣятели разрѣшенія на торговлю Неграми. Флешье, въ *Жизни Хименеса*, объясняетъ наложенное кардиналомъ запрещеніе причинами болѣе политическими.» Кардиналь, говоритъ онъ, отвергъ предложеніе о ввозѣ Негровъ въ колоніи, изъ опасенія, чтобъ они не возмутили туземцевъ, и соединясь съ ними, не возстали-бы противъ Испанцевъ.» Марсоле, другой біографъ Хименеса, также приписываетъ дѣйствіямъ кардинала виды политическіе. Онъ

(1) - Porque como iban faltando los Indios, y se conocia que un negro trabajada mas que quatro, por lo qual habia gran demanda de ellos, parecia que se podia poner algun tributo en la saca, de que resultaria provecho á la real hacienda. • (Herrera, decad. II, lib. II, cap. 8.)

ссылается на его письмо, объ этомъ предметѣ, гдѣ кардиналъ говоритъ, что онъ знаетъ Негровъ, и не отвергаетъ, что они способны къ перенесенію большихъ трудовъ; но знаетъ также и то, что они необыкновенно скоро размножаются и одарены предприимчивостью; что допустивъ ихъ расплодиться въ Америкѣ, должно будетъ страшиться, что они, рано или поздно, но непременно возстанутъ и наложатъ на Испанцевъ тѣ самыя оковы, которыя влчили сами, находясь въ ихъ неволь (1). Эти факты, лишая распоряженія кардинала цвѣта филантропіи, которымъ украсилъ ихъ Робертсонъ, доказываютъ только дальновидность этого искуснаго политика, котораго предсказаніе о возмущеніи Негровъ сбылось столь разительнымъ образомъ на островъ Испаніоль.

Дѣло состоитъ въ томъ, что кардиналъ Хименесъ, несмотря на справедливо заслуженное имя мудраго и безкорыстнаго государственнаго чловѣка, нисколько однакожь не тревожился сомнѣніями при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ и не отличался отъ своихъ соотечественниковъ терпимостью въ отношеніи къ дикимъ и языческимъ народамъ. Онъ былъ великимъ-инквизиторомъ Испаніи, и въ послѣдніе годы царствованія Фердинанда съ особеннымъ усердіемъ старался обращать въ

(1) Marsollier, *Histoire du Ministère du Cardinal Ximènes*, liv. VI, Toulouse, 1694.

рабство упорныхъ Мавританъ Гренады; разрѣшилъ **положительнымъ** образомъ снаряженіе экспедицій для поимки и обращенія въ неволю жителей Караибскихъ-Острововъ, объявивъ ихъ существами, созданными единственно для работы, врагами христіанъ и чемовѣкодами; учредилъ въ Новомъ-Свѣтѣ инквизиціонный судъ, — что конечно нельзя принять за доказательство его кроткой и вѣротерпимой политики. Всѣ эти факты мы приводимъ здѣсь отнюдь не съ тою цѣлью, чтобы очернить характеръ кардинала Хименеса, но единственно чтобы показать несправедливость историка, старавшагося возвысить его униженіемъ Ласъ-Касаса. Ихъ обоехъ должно судить соображаясь съ обычаями и понятіями того вѣка, въ которомъ они жили.

Ласъ-Касасъ написалъ много сочиненій; но напечатано изъ нихъ весьма малое число. Важнѣйшее его произведеніе — рукописная *Всеобщая Исторія Индіи* со времени ея открытія до 1520 года, въ трехъ томахъ, — послужившая Герреръ и другимъ историкамъ Нового-Свѣта обильнымъ источникомъ. Это сочиненіе, несмотря на многословіе, драгоценно, во-первыхъ потому, что авторъ былъ очевидцемъ большей части описанныхъ имъ событій, а о другихъ слышалъ отъ людей, которые принимали въ нихъ личное и дѣятельное участіе, и во-вторыхъ — что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ множество историческихъ

документовъ. Въ немъ замѣтна обширная эрудиція, хотя онъ часто развертываетъ ее некстати и весьма многорѣчивъ. Онъ началъ свою исторію въ 1527. году, будучи пятидесяти-трехъ лѣтъ отроду, а кончилъ въ 1559 году, восьмидесяти-пяти лѣтъ. Такъ-какъ онъ писалъ многое съ памяти, то у него встрѣчаются иногда невѣрности; но въ цѣломъ, сочиненіе его носитъ на себѣ печать истины и чистосердечія. При составленіи «Исторіи Колумба,» мы имѣли въ своихъ рукахъ драгоценную рукопись Ласъ-Касаса, и она доставила намъ большую пользу въ этомъ дѣлѣ; мы почерпнули въ ней много весьма любопытныхъ и доселѣ неизвѣстныхъ фактовъ. Но руководствуясь ею, мы поступали осмотрительно, — слыхали ее съ другими источниками и очищали отъ всего, что имѣло видъ предубѣжденія или неумѣреннаго усердія.

Ласъ-Касаса обвиняли въ излишней яркости картинъ и въ напыщенной декламациі, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ рассказываетъ о жестокостяхъ, которымъ подвергали туземцевъ Новаго-Свѣта, — и это обвиненіе не безъ основанія. Въ его сочиненіяхъ отражается тоже ревностное участіе въ судьбѣ дикихъ Американцевъ, которое блистало во всѣхъ его поступкахъ: тамъ и здѣсь онъ дѣйствовалъ съ неизмѣнною чистотою побужденій, съ пылкостью и иногда съ неблагоразуміемъ, — но самыя заблужденія его всегда имѣли причи-

ны благородныя и справедливыя. Если только одна десятая часть того, что онъ «видѣлъ собственными глазами» истинна, — а правдивость его не подлежитъ сомнѣнію, — то и тогда — надобно не имѣть человѣческихъ чувствъ, чтобъ пересказывать всѣ эти злодѣянія безъ ужаса и негодованія.

Нельзя не пожалѣть, что оригинальные документы, находившіеся въ рукахъ Ласъ-Каса, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи и изъ которыхъ почерпнулъ многіе описанные имъ факты, утрачены для потомства. Кромѣ дневниковъ и писемъ Коломба, онъ упоминаетъ о множествѣ находившихся у него писемъ адлантадо, донъ Варфоломея, который писалъ лучше своего брата, и котораго замѣчанія, вѣроятно, исполнены энергіи. Сверхъ-того, у него была карта, плодъ изученій и ипотезъ Коломба, которою руководствовался этотъ великій мореходецъ въ первое свое путешествіе. Какъ драгоценна была-бы эта карта для свѣта! Можетъ-быть эти историческіе документы и существуютъ еще, заброшенные и забытые въ пыли, въ библиотекѣ какого-нибудь Испанскаго монастыря; но при нынѣшнемъ упадкѣ образованности духовенства этого государства нельзя и надѣяться, чтобъ они явились когда-либо въ свѣтъ. Недавно монахи монастыря Атохскей - Богоматери, въ разговоръ съ однимъ принцемъ королевской фамиліи, доказали свое глубокое

невѣденіе обо всемъ, что относится до этого предмета: они не знали даже, что знаменитый Ласъ-Касасъ погребенъ въ ихъ монастырь, и ни одинъ изъ нихъ не могъ указать посылителю его могилы!


Исторія Ласъ-Касаса не была напечатана: опасались чтобъ изображенныя въ ней ужасныя картины жестокостей надъ туземцами не сдѣлали ненавистными имена ихъ побѣдителей. Кажется и самъ Ласъ-Касасъ былъ того-же мнѣнія. Это доказывается его своеручною надписью, сдѣланною въ 1560 году и сохранившеюся до нашего времени, на первыхъ двухъ томахъ его подлинной рукописи: этой надписью онъ ввѣряетъ свою исторію ордену проповѣдниковъ Св. Григорія въ Валадолидъ и проситъ прелатовъ назначеннаго ордена не дозволять никому изъ свѣтскихъ, даже членамъ коллегій, читать ее до истеченія срока лѣтъ, и послѣ истеченія этого срока, напечатать въ такомъ только случаѣ, когда изданіе ея будетъ признано полезнымъ для жителей Новаго-Свѣта и не противно годамъ Испаніи (1).

По этой-то причинѣ Испанскіе историки пользовались твореніемъ Ласъ-Касаса съ большою осторожностью, умалчивая вовсе или упоминая только слегка о многихъ событіяхъ которыя, по ихъ мнѣнію, не приносили

(1) Navarrete, tom. I, *Introd.*, стр. 75.

честь ихъ отечеству. Если это побужденіе и нельзя назвать похвальнымъ, по крайней-мѣрѣ оно естественно: свѣтъ, въ своихъ сужденіяхъ, рѣдко принимаетъ на себя трудъ различать націю отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, которыя къ ней принадлежатъ. Законы и учрежденія, изданныя для управленія новооткрытыми землями, и рѣшенія « Совѣта о дѣлахъ Индіи » во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, хотя и запечатлѣны отчасти суевѣріемъ того вѣка, однакожь не рѣдко исполнены мудрости, чловѣколюбія и справедливости, которыя дѣлаютъ честь Испанской націи. Чтожь касается до жестокостей, въ которыхъ ее упрекаютъ, онѣ произошли отъ злоупотребленія исполнительной власти, лицами, которымъ было ввѣрено мѣстное управленіе колоніями, и не могутъ относиться къ цѣлому государству. Должно взять еще на видъ и то, что народъ, изъ среды котораго явились алчные и кровавадные авантюристы, произвелъ также и первыхъ миссіонеровъ, подобныхъ Ласъ-Касасу, которые добровольно устремлялись по кровавымъ слѣдамъ завоевателей Новаго-Свѣта, съ единственнымъ желаніемъ — врачевать раны, наносимыя ихъ соотечественниками. Эти люди, руководимые истинно евангельскимъ духомъ, подвергали себя добровольно всѣмъ возможнымъ лишеніямъ, презирали опасности и самую смерть, — не для пріобретенія сокровищъ или временной славы, но одушевляемые

единственнымъ желаніемъ облегчить судьбу варварскихъ, ~~nov~~ страждующихъ племень, и спасти ихъ души отъ гибели. Отважныя предпріятія и странствованія, сопряженныя съ величайшими опасностями этихъ добродѣтельныхъ мужей, если цѣнить ихъ по справедливости, могутъ состязаться съ самыми геройскими подвигами рыцарства, и имѣютъ надъ ними еще то великое преимущество, что они происходили изъ источниковъ несравненно болѣе чистыхъ и благородныхъ.



ПРИЛОЖЕНІЕ № 27.

ПЬЕРЪ МАРТИРЪ.

Пьеръ Мартиръ (Martyr или Martir), сочиненія котораго служили обильнымъ источникомъ при составленіи этой Исторіи, родился въ Ангіеррѣ, въ Миланскихъ владѣніяхъ, 2-го февраля 1455 года. Его обыкновенно называютъ—*Пьеромъ Англерскимъ*, по Латинскому названію мѣста его рожденія—Angleria. Онъ принадлежитъ къ числу первыхъ историковъ, писавшихъ о Колумбѣ, котораго онъ былъ современникомъ и съ которымъ находился въ тѣсной дружеской связи. Пьеръ-Мартиръ получилъ воспитаніе въ Римѣ, и приобрѣлъ такую извѣстность своими познаніями, что въ 1487 году графъ де - Тендилла, Испанскій посланникъ, пригласилъ его съ собой въ Испанію. Онъ принялъ охотно предложеніе посла и былъ представлень имъ въ Сарагоссѣ королю и королевѣ. Изабелла, не перестававшая и среди самыхъ военныхъ трудовъ, — которыми

она была обременена тогда, по поводу Гренадской войны, — заботиться объ успѣхахъ своихъ подданныхъ на поприщѣ наукъ, изъявила желаніе поручить Мартиру обученіе молодыхъ дворянъ королевскаго двора. Но прежде, съ свойственною этой гóсударынѣ деликатностью, она велѣла духовнику своему, Фернандо Талаберѣ, узнать отъ него, въ какомъ званіи онъ желаетъ служить при ней. Противъ всякаго ожиданія, Пьеръ Мартиръ отвѣчалъ: «Въ военномъ.» Изабелла согласилась, и онъ слѣдовалъ за нею въ походахъ, числясь въ ея придворномъ штатѣ, въ числѣ военной свиты; однакожъ онъ не отличился на войнахъ; быть - можетъ даже, ему и не поручали никакой значительной должности на этомъ поприщѣ, столь чуждомъ его способностямъ. Послѣ сдачи Гренады, по окончаніи войны, королева наконецъ склонила его черезъ великаго кардинала Испаніи взять на себя преподаваніе наукъ молодымъ людямъ ея двора.

Пьеръ-Мартиръ зналъ Колумба еще въ то время, когда тотъ дѣлалъ свои предложенія Испанскимъ государямъ, и присутствовалъ при торжественномъ приѣмѣ, сдѣланномъ адмиралу Фердинандомъ и Изабеллой въ Барселоннѣ, по возвращеніи его изъ перваго путешествія. Въ продолженіи войны съ Мавританами, Мартиръ постоянно находился при ихъ величествахъ, и письма его заклю-

чаютъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей объ этой кампаніи. Въ 1501 году онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ Испаніи, сначала въ Венецію, а потомъ къ Египетскому великому-султану. Последний, въ 1490 или 1491 году, присылалъ къ Фердинанду и Изабеллѣ посольство, съ угрозою—предать смерти всѣхъ Египетскихъ и Сирийскихъ христіанъ, разрушить ихъ храмы и истребить Гробъ - Господень въ Иерусалимѣ, если король и королева не прекратятъ войны съ Гренадскими Маврами. Однакожь Испанскіе монархи продолжали войну еще съ большею дѣятельностью противъ прежняго, до того, пока кончили ее побѣдною въ слѣдующую кампанію. Все это время султанъ продолжалъ вести переговоры съ нами о томъ-же предметѣ. Овладевъ Гренадой, король и королева отправили Пьера-Мартира къ султану, въ качествѣ посланника, для объясненій съ нимъ. Мартиръ выполнилъ это порученіе весьма удачно; не только смягчилъ султана, но даже испросилъ у него позволеніе возобновить «святыя мѣста» въ Иерусалимѣ и уничтожить раныя налоги и притѣсненія, которымъ подвергались христіанскіе богомольцы въ его владѣніяхъ. Во время этого посольства онъ написалъ книгу *de Legatione babylonica*, содержащую въ себѣ исторію Египта въ ту эпоху.

По возвращеніи въ Испанію, Мартиръ по-

лучилъ отъ своихъ государей, въ награду за успешное посольство, разные мѣста и денежные пенсіи, а въ 1524 году былъ назначенъ министромъ «Совѣта о дѣлахъ Индіи». Важнѣйшее его сочиненіе — «Исторія открытій въ Новомъ - Свѣтѣ,» раздѣленная на восемь «Декадъ,» изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ десять главъ. Оно издано подъ заглавіемъ «*Декады Новаго Свѣта*» или «*Декады Океана*,» и, подобно всѣмъ прочимъ его сочиненіямъ, въ подлинникѣ написано по-Латыше, хотя впоследствии переведено на разные языки. Онъ имѣлъ у себя множество писемъ, бумагъ, дневниковъ и путешествій частныхъ мореходцевъ, сдѣлавшихъ первыя открытія, и притомъ будучи знакомъ съ многими изъ нихъ лично, извлекалъ изъ бесѣдъ съ ними много подробностей, не помѣщенныхъ въ бумагахъ. При составленіи своихъ «Декадъ» онъ всѣми мѣрами старался собирать изустныя свѣденія отъ самаго Колумба и его спутниковъ.

Въ одномъ изъ своихъ «Посланий» къ Помпонію Летусу (январь 1494, № 153) онъ говоритъ, что «сей-часъ только получилъ отъ Колумба письмо:» изъ чего должно заключить, что онъ велъ съ нимъ переписку. Ласъ-Касасъ говоритъ, что «Описанія путешествій Колумба, Пьера Мартира, заслуживаютъ большаго довѣрія, хотя въ «Декадахъ» его встрѣчаются нѣкоторыя невѣрности въ изложеніи

позднѣйшихъ событій въ Индіи.» Мюнхонскъ также высоко цѣнилъ его, какъ писателя современнаго, правдиваго, образованнаго и хорошо знавшаго описываемыя имъ событія. Совсѣмъ-тѣмъ онъ-же прибавляетъ, что Мартиръ въ своихъ сочиненіяхъ часто увлекался первымъ движеніемъ, и при описаніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, изображалъ ихъ совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели какъ они найдены впоследствии; что онъ писалъ безъ всякой методы и небрежно, смѣшивалъ числа и происшествія, такъ что основываться на его сочиненіяхъ должно съ большою осмотрительностью.

Мартиръ имѣлъ обыкновеніе каждый день писать къ кому нибудь изъ извѣстныхъ особъ письма. Въ этихъ письмахъ онъ пересказываетъ все, происходившее при дворѣ и вокругъ него. Во многихъ изъ нихъ онъ упоминаетъ о Коломбѣ и описываетъ важнѣйшія обстоятельства изъ его путешествій, повторяя слухи, носившіеся объ нихъ при самомъ возвращеніи адмирала изъ экспедицій. Эти любопытныя посланія извѣстны только весьма немногимъ ученымъ, которые отъ-времени-до-времени указывали на нихъ въ своихъ твореніяхъ: поэтому мы надѣемся, что читатель не безъ участія встрѣтитъ здѣсь нѣкоторые отрывки, относящіеся къ Колумбу, которые мы извлекли изъ нихъ и которые

весьма живо изображаютъ намъ эпоху его открытій. www.libtool.com.cn

Въ одномъ изъ этихъ писемъ, писанномъ изъ Барселонны 1 мая 1493 года, къ Борромео, Пьеръ Мартиръ говоритъ: «Нѣсколько дней тому назадъ прїѣхалъ сюда нѣкто, по имени Христофоръ Колумбъ, родомъ Лигурецъ, изъ странъ западныхъ антиподовъ. Онъ, въ прошломъ году, съ трудомъ выпросилъ у моихъ государей три судна, для открытїя этихъ странъ: потому-что все, что онъ ни говорилъ объ нихъ, считали баснями. Теперь онъ возвратился и привезъ съ собою образцы многихъ драгоценныхъ вещей, и въ особенности золота, которое само родится въ тѣхъ земляхъ (1).

Въ другомъ письмѣ, писанномъ также изъ Барселонны въ сентябрь того-же года, къ графу Тендилъ, губернатору Гренады, и къ Фернандо Тадаберъ, архіепископу этой области, — тому самому, которому было поручено Испанскими монархами разсмотрѣнїе Колумбова проекта, — онъ входитъ въ нѣкоторыя подробности при изложенїи того-же предмета.

«Послушайте новость, говоритъ онъ. Помните-ли вы Лигурійца Колумба, которому государи наши во время пребыванїя своего въ лагерь, поручили отысканїе западныхъ анти-

(1) *Opus epist. P. Martyris Anglerii, epist. LXXXI.*

подовъ, въ другомъ полушаріи земли? Вы не могли забыть **того**, потому-что сами принимали нѣсколько участія въ этомъ дѣлѣ, которое «безъ вашего совѣта, думаю, не могло-бы и «состояться. . . . Онъ теперь возвратился; «живъ и здоровъ, и рассказываетъ чудеса о «своемъ путешествіи, и обо всемъ, что видѣлъ въ открытыхъ имъ странахъ; привезъ съ собою золото, хлопчатую бумагу и «перецъ, который заключаетъ въ себѣ еще «болѣе праности ямъ Кавказскій. Все это, «онъ говоритъ, земля производитъ тамъ сама собою, также какъ и дерево, которое «даетъ пурпуровую краску. Онъ рассказываетъ, что проплывъ, по теченію солнца, «на западъ отъ Гадеса (Кадикса), пять тысячъ миль, онъ открылъ разные острова, «изъ которыхъ одинъ больше Испаніи; и «взялъ всѣ ихъ во владѣніе на имя нашихъ «государей; что эти острова заселены людьми «особой породы, которые живутъ въ дикамъ состояніи, но счастливо; питаются «плодами, растеніями и хлѣбомъ изъ тертыхъ «кореньевъ, и что у нихъ есть свои цари, болѣе «или менѣе могущественные. Эти народы иногда воюютъ между собою, и оружіе ихъ состоитъ изъ луковъ, стрѣлъ и копій съ заостренными концами, отвержденными ва «огнь. Хотя они живутъ въ природномъ состояніи и ходятъ нагіе, однакожъ страсть «къ властвованію существуетъ и между ними.

«У нихъ есть жены. Неизвѣстно, кого они
«боготворятъ — Существо ли небесное, или ...
«и проч. (1).»

Еще въ одномъ письмѣ, писанномъ въ томъ-
же мѣсяцѣ къ кардиналу и вице-канцлеру Ас-
канию Свореу, Мартиръ говоритъ :

«Желаніе быть намъ приятнымъ, свѣтлѣй-
«шій князь, такъ велико, что я чувствую се-
«бя совершенно счастливымъ, когда въ вели-
«комъ движеніи событій встрѣчается что-
«нибудь достойное занять ваше вниманіе.
«Изъ всѣхъ чудесъ земнаго шара, около ко-
«торого солнце обращается въ продолженіи
«двадцати - четырехъ часовъ, доселѣ, какъ
«вамъ извѣстно, мы знали только тѣ, кото-
«рыя разсыяны на пространствѣ одного по-
«лушарія, отъ Золотога-Херсонеса до Гадеса,
«въ Испаніи. Все остальное космографы счи-
«тали неизвѣстнымъ, и если иногда и упо-
«миналось что-нибудь объ этомъ предметѣ,
«то всегда поверхностно и съ сомнѣніемъ.
«А теперь, о благословенное предпріятіе!
«теперь, подъ счастливымъ вліяніемъ нашихъ
«государей, разоблачается наконецъ то, что
«было сокрыто отъ начала вѣковъ. Вотъ
«какъ это случилось. Прошу вниманія, свѣт-
«лѣйшій князь! Нѣкто, Христофоръ Коломбъ,
«родомъ Лигуріецъ, былъ отправленъ моими
«государями на трехъ судахъ въ ту часть

(1) Opus epist. P. Martyris Anglorii, epist. CXXXI.

« земли; и проплывъ на западъ по теченію
« солнца болѣе пяти-тысячъ миль отъ Гаде-
« са, открывъ путь къ антиподамъ. Онъ плылъ
« цѣлыхъ тридцать дней сряду, ничего не ви-
« дя кромѣ неба и воды; наконецъ сверху
« мачты большого судна, на которомъ нахо-
« дился самъ Коломбъ, сторожевые матросы
« закричали, что видятъ землю, — и дѣйстви-
« тельно это была земля. Впереди открылось
« нѣсколько острововъ. Суда приставали къ
« шести изъ нихъ, и одинъ изъ этихъ остро-
« вовъ, по увѣренію спутниковъ Коломба, —
« можетъ быть обманутыхъ новостью пред-
« ставившагося имъ зрѣлища, — больше Испа-
« нинъ. » Далѣе Мартиръ описываетъ прежнимъ
порядкомъ произведенія открытыхъ Колом-
бомъ острововъ, обычаи и наружность ихъ
жителей и въ особенности распространяется
объ ихъ войнахъ, которыхъ причины между
этими дикими племенами, онъ не можетъ по-
стигнуть. « Они враждуютъ между собой, про-
« должаетъ онъ, какъ будто слова *теим*
« и *теим*, мое и твое, или разорительная рос-
« кошь и страсть къ приобрѣтенію богатствъ,
« существуютъ между ними, подобно какъ у
« насъ! Спрашиваю я васъ, какія потреб-
« ности могутъ быть у людей совершенно
« нагихъ? Я буду извѣщать васъ обо всѣхъ
« послѣдствіяхъ этого событія. Свидѣтель-
« ствую вамъ мое почтеніе (1). »

(1) *Opus epist. P. Martyris Anglerii, epist. CXXXI.*

Въ письмѣ изъ Валладолиды, отъ 1 февраля 1494 года, къ Фернандо Талаверъ, архиепископу Гренадскому онъ говоритъ: «Король и королева, по прибытїи Колумба въ Барселонну послѣ достославнаго предирїя-тїя его, пожаловали его адмираломъ Моря Океана и пригласили съѣсть въ своемъ присутствїи, изъ уваженїя къ его знаменнымъ подвигамъ: это отличїе, какъ вамъ извѣстно, считается у нашихъ государей знакомъ величайшей почести и милости. Теперь они опять послали его въ тѣ страны, поручивъ подъ его начальство флотъ изъ восемнадцати кораблей. Все предвѣщаетъ великія открытїя въ западномъ антарктическомъ полушарїи (1).»

Въ письмѣ къ Помнонію Летусу изъ Алькалы-де-Генаресъ, отъ 9 декабря 1494 года, Пьеръ Мартиръ сообщаетъ первое извѣстїе объ успѣхѣ этого предпрїятїя.

«Испанїя, говоритъ онъ, паритъ, распространяетъ свое владычество, имя и славу до отдаленныхъ странъ антиподовъ. . . . Изъ восемнадцати кораблей, отправленныхъ моими государями съ адмираломъ Колумбомъ во второе его путешествїе въ западное полушарїе, двѣнадцать возвратились, и привезли съ собой хлопчатую бумагу, огромные отрубки красильнаго дерева, много дру-

(1) *Opus epist. P. Martyris Anglerii, epist. CXXXI.*

« эти предметы драгоценны въ Европѣ,
 « которые производитъ природа этого, досе-
 « лѣ сокрытаго отъ насъ, міра, и сверхъ все-
 « го ^{тутъ} значительное количество золота. Гово-
 « рять, что въ тѣхъ странах находятъ на
 « поверхности земли слитки самороднаго зо-
 « лота необыкновенной величины, такъ — что
 « нѣкоторые изъ нихъ вѣсятъ до двухъ
 « сотъ пятидесяти унцовъ, — и судя по
 « разказамъ жителей, Испанцы надѣются
 « найти еще огромнѣйшіе куски этого ме-
 « талла. Не возможно болѣе сомнѣваться въ
 « существованіи Лестригоновъ и Полифемовъ,
 « питавшихся человѣческою плотью: Колумбъ,
 « шмыгнувъ Счастливыхъ — Острововъ, нынѣ
 « называемыхъ Канарійскими, въ Испанію,
 « взявъ направленіе нѣсколько южнѣе, и во-
 « шель въ группу безчисленныхъ острововъ,
 « населенныхъ дикими, которыхъ называютъ
 « Каннибалами или Караибами. Эти люди, хо-
 « тя и наги, но весьма воинственны и краб-
 « ры въ сраженіяхъ; искусно владѣютъ лукомъ
 « и боевою дубиной, и имѣютъ лодки, выдол-
 « биваемыя изъ кряжа одного дерева, которыя
 « однакожь весьма велики. Въ этихъ лодкахъ
 « они дѣлаютъ свои ужасныя набѣги на со-
 « сѣдственные острова, населенныя племена-
 « ми болѣе миролюбивыми. Караибы напада-
 « ютъ на ихъ селенія и уводятъ мужчинъ
 « въ плѣнъ для пожранія (1).»

(1) *Opus epist. P. Martyris Anglerii, epist. CXXXI.*

Другое письмо къ Помпонію Летусу о томъ-же предметѣ, мы очень часто приводили въ разныхъ мѣстахъ этого сочиненія. Сдѣланныя нами выписки не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; все, что приведено здѣсь нами; въполнѣ находится въ «Декадахъ» Пьера Мартира, и изложено тамъ гораздо подробнѣе, но мы желали сообщить нашимъ читателямъ первоначальныя извѣстія объ открытіяхъ Коломба въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ первыхъ рукъ, — извѣстія тѣмъ болѣе любопытныя, что они обнаруживаютъ и то впечатлѣніе, которое эти безпримѣрныя событія произвели на умъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего вѣка.

Въ 1530 году вышло въ свѣтъ «Собраніе писемъ» Пьера Мартира, подъ заглавіемъ *Opus epistolarium Petri Martyris, Anglerii*. Оно раздѣлено на тридцать-восемь книгъ, изъ которыхъ въ каждой заключаются письма въ продолженіе одного года писанныя. Эти письма подверглись тѣмъ-же упрекамъ какъ и Декады; но они запечатлѣны тою-же искренностью и праводушіемъ и доказываютъ, что онъ зналъ, о чемъ писалъ. Особенную цѣну имъ придаетъ то обстоятельство, что они были писаны въ самое время совершенія повѣствуемыхъ въ нихъ событій, прежде нежели предубѣжденіе и клевета успѣли обезобразить ихъ. Его сочиненія исполнены любопытныхъ подробностей, которыхъ нель-

зя найти ни въ одномъ современномъ историкѣ, богаты мыслями и еще болѣе фактами, и отличаются тонкою разборчивостью и благородными чувствами свѣтскаго ученаго. Это одинъ изъ источниковъ, въ которомъ черпали болѣе другихъ, и въ которомъ, съ небольшою только предосторожностью, можно почерпнуть смѣло - Пьеръ - Мартиръ умеръ въ Валладолидѣ, въ 1526 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 28.

О в и д е.

Гонсало Фернандесъ де-Овидо-и-Вальдесъ, вообще известный подъ именемъ Овидо, родился въ Мадридъ въ 1478 году и умеръ въ Валадолидъ шестидесяти-девяти лѣтъ отроду. Онъ происходилъ отъ благородной Астурійской фамилии и еще въ дѣтскомъ возрастѣ, въ 1490 году, поступилъ пажемъ къ принцу Иоанну, наследнику Испанскаго престола, единственному сыну Фердинанда и Изабеллы. Онъ занималъ это званіе во время осады и сдачи Гренады, слѣдственно находился при дворѣ и въ то время, когда Колумбъ заключилъ договоръ съ католическими величествами и когда знаменитый мореплаватель торжественно вступилъ въ Барселонну, сопровождаемый дикими людьми открытыхъ имъ странъ.

Въ 1513 году Фердинандъ послалъ его въ

Новый-Свѣтъ, въ званіи главнаго-надсмотрщика золотыхъ плавильень. Тамъ онъ занималъ разныя важныя мѣста въ продолженіе тридцатишести лѣтъ, въ царствованія Фердинанда и Карла V, внука и наследника его. Въ 1535 году онъ былъ назначенъ алькадомъ Санъ-Домингской крѣпости, въ Испанію, и нѣсколько времени спустя «Историографомъ Индіи.» Онъ служилъ правительству болѣе сорока лѣтъ, и, какъ мы сказали, тридцать-шесть изъ нихъ провелъ въ колоніяхъ, и восемь разъ переплывалъ океанъ, какъ самъ онъ говоритъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Онъ оставилъ послѣ себя разныя теоренія, изъ которыхъ важнѣйшее — *Хроника Индіи*, въ пятидесяти книгахъ, раздѣленныхъ на три части. Первая часть этого произведенія, содержащая въ себѣ девятнадцать книгъ, была напечатана въ Севильѣ въ 1535 году и вновь издана въ 1547, въ Саламанкѣ, съ дополненіемъ двадцатой книги, заключающей въ себѣ свѣденія о кораблекрушеніяхъ. Последнія двѣ части остались въ рукописи. Ихъ начали-было печатать въ Валлаadolidѣ въ 1557 году, но эта работа прекратилась вмѣстѣ съ смертію Овидо — и онѣ остались въ числѣ неизданныхъ сокровищъ исторіи Испанскихъ колоній.

“ Овидо былъ писатель неутомимый, страстный охотникъ собирать факты и излагать ихъ на бумагѣ. Онъ написалъ множество то-

мовъ, которые теперь разсыяны въ разныхъ Испанскихъ библиотекахъ. Онъ описывалъ событія, совершившіяся на его глазахъ, или переданныя ему очевидцами; но въ немъ замѣтенъ недостатокъ разборчивости и *сужденія*. Онъ собиралъ факты безъ всякаго разбора, и часто почерпалъ ихъ въ источникахъ недостоверныхъ. Въ описаніи перваго путешествія Коломба, онъ впалъ въ важныя погрѣшности оттого, что основалъ свое повѣствованіе на изустномъ разказѣ одного лоцмана, по имени Германа Переса Матео, приверженца Пинсонъ и врага адмирала. Во всемъ, что относится до Коломба, не должно слишкомъ доверять ему; но гдѣ онъ изображаетъ позднѣйшія эпохи Исторіи Новаго Свѣта и описываетъ происшествія по личнымъ своимъ наблюденіямъ, тамъ онъ гораздо удовлетворительнѣй, хотя и здѣсь еще обвиняютъ его въ томъ, что онъ легко вѣрилъ народнымъ баснямъ и ложнымъ слухамъ. Свѣденія, сообщенныя имъ о естественныхъ произведеніяхъ Новаго Свѣта, нравахъ и обычаяхъ туземцевъ, исполнены любопытныхъ подробностей; но лучшія его описанія — нѣкоторыхъ путешествій второстепенной важности, послѣдовавшихъ за открытіями Коломба, остались въ неизданной части его сочиненій.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 29.

Лосъ-Палаціосскій патеръ.

Андрей Бернальдесъ, или Берналь, вообще известный подъ именемъ Лосъ-Палаціосскаго патера, по названію города Лосъ-Палаціоса, въ которомъ онъ занималъ званіе священника съ 1488 до 1513 года, родился въ городѣ Фуэнтъ и былъ нѣкоторое время капеланомъ Діэго Деса, Севильскаго архіепископа, — одного изъ самыхъ усердныхъ защитниковъ предложеній Колумба. Бернальдесъ былъ весьма коротко знакомъ съ адмираломъ, который часто бывалъ у него, и въ 1496 году оставилъ ему многія изъ своихъ рукописей и дневниковъ, которые послужили патеру матеріаломъ при сочиненіи «Исторіи царствованія Фердинанда и Изабеллы,» гдѣ онъ помѣстилъ также и описаніе путешествій Колумба. Его описаніе плаванія адмирала у южныхъ береговъ Кубы отличается точностью и подробностью, какихъ нельзя найти ни у одного историка. Произведеніе Берналь-

деса не напечатано: но оно пользуется большею извѣстностью между историками, которые часто прибѣгали къ нему. О. Ричъ обладает одною весьма любопытною рукописною хроникой, о которой мы уже имѣли случай говорить въ нашемъ сочиненіи, и которая составлена по «Исторіи» Лосъ - Палациосскаго патера и по другимъ историкамъ его времени, вѣроятно какимъ-нибудь современнымъ писателемъ. Авторъ этой «Хроники» въ обзоръ путешествій Коломба, иногда отступаетъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ вѣрной копіи съ рукописи патера. Мы тщательно старались сличить и разобрать эти несогласія, и держались «Хроники» во всѣхъ случаяхъ, гдѣ она казалась намъ болѣе заслуживающею довѣрія.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 30.

«*Navigazione del re de Castiglia delle isole e paese nuovamente ritrovate.*»

«*Navigatio Christophori Columbi.*»

Вотъ Италіянское и Латинское заглавія древнѣйшаго печатнаго повѣствованія о первомъ и второмъ путешествіяхъ Колумба. Это повѣствованіе принадлежитъ неизвѣстному автору, и на счетъ его есть нѣкоторыя любопытныя особенности. Первоначально оно написано по-Италіянски Монгальбодомъ Франкансо, или Фракансано, или Франкапано, де-Монгальбодо, — авторы несогласны въ имени, — и напечатано въ Венеціи, въ 1507 году, въ одномъ «Собраніи путешествій», подъ заглавіемъ: *Mondo Novo, e Paese Nuovamente Ritrovati.*

Во второй разъ то-же «Собраніе» издано въ Миланѣ, въ 1508 году, на Италіянскомъ-же языкѣ, съ Латинскимъ переводомъ Ар-

канцеляр Мадридъно, и названо: *Itinerarium Portugallensium*, — по той причинѣ, что оно заключаетъ въ себѣ большею частью путешествія Дуджи Кадамоста, Венеціанца, состоявшаго въ Португальской службѣ.

Впоследствии это «Собраніе» было пополнено Симономъ Гринеусомъ, прибавленіемъ къ нему другихъ путешествій, и напечатано въ Базель въ 1533 году Герважіомъ (1), подъ названіемъ *De Nove Orbis*, и проч. Последнія два изданія, — Миданское на Итальянскомъ языкѣ, 1508 года, и Базельское, 1535, — были приняты въ соображеніе при составленіи нами «Исторіи Коломба.»

Пьеръ-Мартиръ (Дек. II, гл. 7) упоминаетъ объ этомъ произведеніи, называя его первымъ Латинскимъ заглавіемъ *Itinerarium Portugallensium*, и обвиняетъ автора, котораго по ошибкѣ называетъ Кадамостомъ, въ похищеніи матеріаловъ для этой книги изъ первыхъ трехъ главъ его «Декады объ океанѣ,» съ которыхъ рукописныя копии онъ давалъ разнымъ особамъ, и между прочимъ Венеціанскимъ посланникамъ. «Декады» Мартира были изданы не прежде 1516 года.

Слоторно, въ своей «Исторической Запискѣ о Колумбѣ», говоритъ, что повѣствованіе о первыхъ двухъ путешествіяхъ Колумба написано однимъ изъ спутниковъ адмирала,

(1) *Bibliotheca Pinello.*

Читая это повѣствованіе, ясно видно, что хотя, авторъ его и пользовался безъ перемонной рукописью Мартира, однакожь онъ имѣлъ и другіе источники свѣденій. Его описаніе наружности Коломба, котораго онъ изображаетъ рослымъ, широкоплечимъ, съ продолговатымъ и краснымъ лицомъ, — не написано ни изъ Мартира, ни изъ другаго какаго-либо писателя. Очевидно что ему не предшествовалъ въ этомъ трудѣ ни одинъ историкъ, исключая развѣ Сабеликуса, писавшаго въ 1504 году. Портретъ его съ адмирала сходенъ съ изображеніемъ, сдѣланнымъ его сыномъ, Фернандо, въ «Біографіи» его отца.

По всей вѣроятности, повѣствованіе, о которомъ идетъ рѣчь, появившееся черезъ одинъ годъ послѣ смерти Коломба, было написано по заказу для «Собранія путешествій», издававшагося въ Венеціи, и что матеріалы для него были взяты — частью изъ преданій изустныхъ, отчасти изъ Сабеликуса, а болѣе изъ рукописной копій первой Декады Мартира.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 31.

Антонио-де-Геррера.

Антонио Геррера-де-Тордесилласъ, одинъ изъ писателей, на котораго мы такъ часто ссылались въ этомъ сочиненіи, родился въ 1565 году. Родители его были — Родриго Тордесилласъ и Агнеса де-Геррера. Получивъ отличное воспитаніе, онъ вступилъ въ службу Веспасіана Гонсаго, брата герцога Мантуанскаго, бывшаго вице-короля Неаполитанскаго подъ протекторствомъ Филиппа II, Испанскаго короля. Сначала онъ занималъ мѣсто секретаря при этомъ государственномъ чело­вѣкѣ, который повѣрялъ ему всѣ свои тайны. Потомъ Филиппъ II назначилъ его главнымъ истриографомъ Индіи, опредѣливъ этому званію весьма большое содержаніе.

Геррера написалъ много; но знаменитѣйшее его твореніе — *Всеобщая Исторія Индіи*

или Американских колоній, въ четырехъ томахъ, www.libtext.ru разделенныхъ на восемь декадъ. Когда онъ предпринялъ этотъ трудъ, для него повельно было открыть всѣ архивы и сообщить ему всѣ нужные документы. Его обвиняютъ въ излишней торопливости при составленіи двухъ первыхъ томовъ его «Исторіи» и въ недостаточной повѣркѣ и очисткѣ находившихся въ его распоряженіи матеріаловъ. Но дѣло состоитъ въ томъ, что онъ въ этихъ матеріалахъ нашелъ цѣлыя рукописныя сочиненія, заключавшія въ себѣ большую часть первоначальныхъ открытій, и ограничилъ свой трудъ — простымъ изложеніемъ событій въ томъ порядкѣ, какъ они были тамъ описаны, такъ что большая часть его произведенія — не что иное какъ точный списокъ съ рукописной «Исторіи Индін» Ласъ-Касаса, въ которой онъ нѣкоторыя мѣста сократилъ, исправилъ слогъ тамъ, гдѣ онъ былъ слишкомъ напыщенъ, выпустилъ жаркія выходки, въ которыхъ вовлекался добрый епископъ при описаніи бѣдствій, претерпѣваемыхъ туземцами, и отбросилъ разныя обстоятельства, которыя могли бы помрачить характеръ лицъ, участвовавшихъ въ первыхъ открытіяхъ въ Новомъ Свѣтѣ. Поэтому мы должны были часто оставлять «Исторію» Герреры и обращаться къ источнику, откуда онъ почерпалъ свои свѣденія, то-есть къ рукописной исторіи Ласъ-Касаса.

Множественно замѣчаютъ, что весь трудъ Гэррера при составленіи Исторіи Италіи, ограничивался выборомъ и сводомъ цѣлыхъ отрывковъ изъ разныхъ сочиненій — точно такъ какъ поступаютъ при расиредевленіи въ хронологическій порядокъ матеріаловъ, изъ которыхъ намѣреваются составить исторію. — и что еслибъ Гэррера не обладалъ столь обширными познаніями и умомъ, то тщательность, съ какою онъ употреблялъ въ дѣло эти матеріалы, неминуемо возмела-бы его въ безчисленныя погрѣшности. Это замѣчаніе справедливо; однакожь должно взять на видъ и то, что искусство выбрать нужное изъ матеріаловъ, умѣнье расположить ихъ и употребить дѣльно, составляетъ не последнее достоинство историка.

Гэрреру обвиняютъ также въ присираченіи къ своей націи, въ преувеличеніи подвиговъ своихъ соотечественниковъ, въ смирченіи, и даже въ скрытіи, ихъ дурныхъ дѣяній. Этотъ упрекъ не заключаетъ въ себѣ большой важности. Передавать потомству славу своего отечества — есть одна изъ благороднѣйшихъ обязанностей историка; а тогдашнія предпріятія Испанцевъ были столь необыкновенны, подвиги ихъ такъ блистательны, что самыя пышныя выраженія едва достаточны для достойнаго ихъ изображенія. Ослабляя слишкомъ рѣзкія черты въ описаніяхъ непохвальныхъ поступковъ, сво-

ихъ одиоземцевъ, онъ отступилъ отъ истины; но эта нечестность имѣть полное право на свисхожденіе; — если только можно ставить въ вину Испанскому писателю желаніе предать забвенію жестокости и пороки своихъ соотечественниковъ.

Боссій осыпаетъ похвалами Герреру «Никто, говорить онъ, не описалъ съ такою тщательностью и вѣрностью пространства и границъ разныхъ областей и морей; положенія мысовъ, острововъ, гаваней и рейдовъ; извилинъ рѣкъ, протяженій озеръ, положенія и особенностей каждой страны и удобныхъ мѣстъ для построенія городовъ.» Испанцы называли его — царемъ историковъ Америки, и нынѣ еще многіе утверждаютъ, что послѣ него не было писателя, который бы могъ оспаривать у него этотъ титулъ. Большая часть похвалъ Боссіа покажутся явнымъ преувеличеніемъ, всякому, кто только возьметъ на себя трудъ разсмотрѣть рукописныя исторіи, изъ которыхъ Геррера извлекъ для своего сочиненія цѣлыя главы и книги, съ весьма немногими измѣненіями въ текстъ: изслѣдователь увидитъ, что значительная часть воздаваемыхъ ему похвалъ за его «Исторію Индіи,» принадлежитъ по праву Ласъ-Касау, который слишкомъ долго затмевался своимъ конистомъ: Совсѣмъ-тѣмъ Геррера оставилъ и нѣкоторыя доказательства тщательности въ изслѣдованіяхъ, об-

ширности свиденій и отличнаго литературнаго дарованія. Его сочиненія носять на себѣ печать искренности, праводушія и чистосердечнаго желанія говорить истину.

Онъ умеръ въ 1625 году, шестидесяти лѣтъ отроду, получивъ отъ Филипа II объщаніе — опредѣлить его на первое вакантное мѣсто государственнаго-секретаря.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 32.

Епископъ Фонсека.

Мы не одинъ разъ имѣли случай говорить въ этомъ сочиненіи о недоброжелательствѣ епископа Хуана Родригеса де-Фонсеки къ Колумбу и его фамилиі, — недоброжелательствѣ, которое было одною изъ скрытныхъ и главнѣйшихъ причинъ разныхъ непріятностей, испытанныхъ самимъ Колумбомъ лично и членами его семейства. Источникомъ этого враждебнаго расположенія епископа, какъ мы уже замѣтили, были нѣкоторыя несогласія, возникшія между нимъ и адмираломъ въ 1493 году, по поводу замедленій при снаряженіи эскадры ко второму путешествію для открытій, и опредѣленія числа адмиральскихъ служителей. Колумбъ жаловался королю и королеві на стѣсненіе, и Фонсека получилъ отъ нихъ косвенный вы-

говоръ и повеліе — обращать всевозможное вниманіе на удовлетвореніе требованій адмирала и наблюдать, чтобъ ему оказывалось должное уваженіе и почтительность. Этого оскорбленія Фонсека не могъ забыть во всю жизнь свою. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ злопамятныхъ и мстительныхъ людей, которымъ неизвѣстна сладость прощенія, — которыхъ раны никогда не закрываются. Порожденное, такимъ образомъ, враждебное чувство, скрывалось въ его сердцѣ, возрастая все болѣе и болѣе, во все продолженіе жизни Колумба, и послѣ его смерти обратилось на сына и наследника адмирала. Его постоянная ненависть оправдана въ нашемъ сочиненіи фактами, также косвенными замѣчаніями многихъ авторовъ, изъ которыхъ иные были современники Фонсеки; и по этой-то причинѣ, воздерживаемые благоуміемъ, они видимо остерегались излить явное свое негодованіе противъ епископа. И вотъ единственная причина, укрывавшая имя Фонсеки отъ гласныхъ и блискою заслуженныхъ имъ упрековъ.

Фонсека занималъ мѣсто главнаго правителя дѣлъ Испанскихъ колоній отъ самаго учрежденія этого званія во все продолженіе царствованія Фердинанда и Изабеллы и при императорѣ Карлѣ V. Онъ отличался дѣятельностью и мужествомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ — эгоистъ и человекъ коварный. Въ его

политикъ не находимъ ни одного слѣда величія и **благородства души**. Онъ возставалъ противъ великодушныхъ усилій епископа Ласъ-Касаса, когда тотъ ходатайствовалъ объ улучшеніи жребія туземцевъ новооткрытыхъ странъ, и старался преклонить правительство къ уничтоженію участковъ невольниковъ (*herrepartimientos*), и въ личныхъ сношеніяхъ съ нимъ обнаруживалъ надменность, даже грубость (1). Причиной этой неприязненности полагаютъ то, что злоупотребленія, противъ которыхъ возставалъ Ласъ - Касасъ, были источникомъ обогащенія для самого Фонсеки, который содержалъ въ невольничестве множество несчастныхъ туземцевъ и употреблялъ ихъ на работы въ своихъ помѣстьяхъ, въ колоніяхъ Новаго-Свѣта.

Въ доказательство, что сужденіе о Фонсекѣ не заключаетъ въ себѣ излишней строгости, можно привести здѣсь въ примѣръ поведеніе его въ отношеніи къ Фернанду Кортесу: оно исполнено зависти и преслѣдованія. Покровительствуя авантюристовъ никѣмъ не знаемыхъ и бездарныхъ, епископъ не былъ способенъ—ни головой, ни сердцемъ—цѣнить достоинства мореходцевъ знаменитыхъ, каковы были Колумбъ и Кортесъ.

Въ споръ, возникшей между Кортесомъ и Діаго Веласкесомъ, губернаторомъ Кубы, ко-

(1) Herrera, dec. II, lib. II, cap. 3.

торый старался остановить завоевателя Мексики среди его блистательного поприща, Фонсека, не разобравъ дѣла, тотчасъ принялъ сторону Веласкеса. Тайною причиною благоволенія епископа къ губернатору былъ личный интересъ: въ это время велись переговоры о бракѣ между сестрой Фонсеки и Веласкесомъ (1). Послѣдній представилъ двору жалобы и ложныя донесенія на Кортеса, въ которыхъ изображалъ его человѣкомъ безнравственнымъ, — авантюристомъ не признающимъ надъ собою никакихъ законовъ, и замышляющимъ присвоить себѣ верховную власть въ Новой Испаніи. Истинныя заслуги Кортеса давно уже приобрели ему благосклонность и уваженіе двора; но таково было вліяніе Фонсеки, что несмотря на все это, онъ успѣлъ, — также какъ нѣкогда противъ Колумба, — возбудить подозрѣнія въ своемъ государѣ противъ подданнаго, наиболее заслуживающаго довѣріе и признательность монарха. Нѣкто, Кривоваль де-Тапія, человѣкъ безъ всякихъ дарованій, не отличившій себя ничѣмъ, но котораго великая заслуга состояла въ томъ, что онъ былъ исполнителемъ особыхъ порученій епископа (2), получилъ повелѣніе изслѣдовать поступки Кортеса, и если признаетъ нужнымъ — арестовать его, кон-

(1) Herrera, decad. III, lib. IV, cap. 9.

(2) Herrera, decad. III, lib. I, cap. 15.

эксковать все его имущество и отрешить отъ командованія. Но Фонсека, не довольствуясь формальными и официальными бумагами, врученными Тапіа, отправилъ вслѣдъ за нимъ въ Америку Хуанъ де-Нвего, съ бланками за своею подписью и съ письмами къ разнымъ лицамъ, которымъ онъ приказывалъ принять Тапіа какъ губернатора и увѣрялъ, что король призналъ поведеніе Кортеса противозаконнымъ (1). Только благоразуміе и твердость Кортеса въ состояніи были отворотить эту мѣру, грозившую остановить, и даже вовсе уничтожить, все его предпріятіа.

Когда положено было изслѣдовать судебнымъ порядкомъ несогласіа, возникшія между Веласкесомъ и Кортесомъ, отецъ послѣдняго и его приближенные протестовали противъ назначенія Фонсеки въ число судей, по причинѣ извѣстной неприязненности его къ Кортесу, явнаго расположенія къ его противнику и предположеннаго супружества Веласкеса съ сестрой епископа. Требованіе сторонниковъ Кортеса было передано на разсмотрѣніе кардинала Адріана, который, послѣ внимательнаго обсужденія дѣла, рѣшилъ, что оно законно и должно быть удовлетворено. После этого Фонсека получилъ повелѣніе устраниться отъ изслѣдованія. « Утверждали также, говорить Геррера, что епископъ на-

(1) Herrera, decad. III, lib. III, cap. 16.

звали публично Кортеса измѣнникомъ; что недопускали его представленій въ «Совѣтъ о дѣлахъ Индіи,» и сказали открыто, что пока онъ живъ — дѣло Кортеса не поступитъ на разсмотрѣніе Совѣта; также что онъ сообщалъ королю неполныя свѣденія по разнымъ частямъ государственнаго управленія, и наконецъ, что запретилъ «Индійскому дому,» въ Севильѣ, доставлять въ Новую Испанію оружіе, товары, и даже отпускать туда путешественниковъ (1). Самъ Кортесъ говорилъ впоследствии, что «для него несравненно труднѣе было преодолевать затрудненія и препятствія, проистекающія отъ угрозъ и оскорбленій Фонсеки, чѣмъ одерживать победы (2).»

Фонсека умеръ въ Вургосѣ, 4 ноября 1524 года, и погребенъ въ Кокъ (Coca).

(1) Herrera, decad. III, lib. IV, cap. 13.

(2) Herrera, decad. III, lib. I, cap. I.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 33.

Завѣщаніе Колумба.

« Во имя Пресвятой Троицы, внушившей мнѣ мысль, и впоследствии совершенно прояснившей ее для меня — что я могу, отплывъ изъ Испаніи на западъ и переѣхавъ океанъ, достигнуть Индіи, — мысль, сообщенную мною королю дону Фердинанду и королеви донне Изабелле, нашимъ государямъ, которымъ благоугодно было снабдить меня потребнымъ числомъ людей и судовъ и возвести меня въ званіе адмирала помянутаго океана на всемъ его пространствѣ, лежащемъ къ западу отъ мысленной черты, проведенной отъ одного полюса къ другому, востѣ миляхъ къ западу отъ Острововъ-Зеленаго-Мыса и Азорскихъ, и пожаловать меня вице-королемъ и губернаторомъ всѣхъ земель и острововъ, какія я открою за тою чертой, съ правомъ передать вышерѣченные званія и титулы старшему сыну моему, а потомъ

его наследникамъ, на вѣчныя времена, и даровать мнѣ притомъ десятую часть изъ всего, что приобретется въ странахъ, которыми я буду управлять, и со всѣхъ доходовъ и прибылей, какія будутъ съ нихъ получаться, а сверхъ-того восьмую часть всѣхъ земель и всего прочаго, съ окладами жалованья по моему рангу адмирала, вице-короля и губернатора, и со всѣми иными выгодами и преимуществами, тѣмъ званіямъ присвоенными, на основаніяхъ, подробно изложенныхъ въ договорѣ моемъ съ ихъ величествами, одобренномъ и утвержденномъ ими!»

«И было угодно Всемогущему Господу, чтобъ я въ 1492 году открылъ Индѣйскій материкъ и великое множество острововъ, а въ томъ числѣ островъ Испаніолу, называемый Индѣйцами — Аити, а Мониконгосами — Чипанго. Послѣ чего я возвратился въ Кастилію къ ихъ величествамъ, которые повѣляли мнѣ, согласно съ моимъ представленіемъ, предпринять вторичное путешествіе для новыхъ открытій и для учрежденія поселеній въ земляхъ мною найденныхъ; и даровалъ мнѣ Господь побѣду на островъ Испаніоль, который простирается на шесть-сотъ миль разстоянія, и покоришь я его, и жителей сдѣлалъ данниками; и въ семи-стахъ миляхъ отъ того острова, къ западу, открылъ многа иныхъ острововъ, на которыхъ живутъ людоеды, а въ числѣ ихъ — Ямайку, называемую нами

Санта-Яго, да сверхъ того триста-тридцать-три мили матерой *лиземан*, простирающейся въ юго-западномъ направленіи, не считая семидесяти миль на сѣверь, которыя открыты мной въ первое путешествіе; да кромѣ того множество острововъ: что можно яснѣе видѣть изъ моихъ писемъ, записокъ и картъ. И такъ какъ мы надѣемся, что, съ Божіею помощію, въ непродолжительномъ времени получится съ тѣхъ острововъ и твердой земли знатный доходъ, котораго, по вышеизложеннымъ причинамъ, десятая и восьмая доля принадлежатъ намъ, съ окладами и другими выгодами, присвоенными нашему званію: то, принимая въ уваженіе, что всѣ мы смертны, и что всякой обязанъ заблаговременно приводить дѣла свои въ порядокъ и объявлять своимъ наследникамъ и преемникамъ, сколько у нихъ добра, или на что они могутъ имѣть право, — то мы вознамѣрились учредить изъ вышепомянутой восьмой части земель, окладовъ и доходовъ майоратство, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: »

I.

«Прежде всего, назначаю моимъ наследникомъ сына моего, дона Діаго; а если онъ умретъ бездѣтнъ, то преемникомъ его — втораго моего сына, Фернандо; а когда Господь и его возьметъ къ себѣ прежде чѣмъ

будутъ у него дѣти, и послѣ меня не останется болѣе ~~дѣтей~~ мужского пола, то его преемникомъ — брата моего, дона Бартоломея, а по немъ старшаго его сына; еслижъ жена въ послѣднимъ совершится воля Божія прежде нежели онъ будетъ имѣть дѣтей, то ему должны наследовать протіе сыновья донна Бартоломея одинъ за другимъ, послѣдовательно, отъ отца къ сыну, на вѣчныя времена, (точно также какъ и дѣти втораго сына моего, Фердинандо, въ случаѣ смерти старшаго сына, Диего, или дѣти другаго брата моего, донна Диего, по прекращеніи мужского пола донна Бартоломея. А если будутъ суждено Богу, что воцрѣствіи мои, переходя по линии этой однесо изъ вышеозначенныхъ наследниковъ къ другому, останутся бесѣ прямо и законнаго наследника мужского пола, тогда они имѣютъ перейти во владѣніе ближайшаго родственника, законно рожденнаго и носящаго имя Колумба, переданное ему отъ отца и предковъ; къ менѣе же лицу майоратство можетъ перейти въ такомъ только случаѣ, когда ни въ Испаніи, ни въ какомъ другомъ краю свѣта не найдется наследника мужского пола изъ моего истиннаго рода, съ именемъ Колумба, переданнымъ ему отъ предковъ. Въ такомъ только случаѣ (отъ котораго Боже сохрани!) женщина, законнаго рожденія, ближайшая родственница послѣдняго владѣтеля вышео-

наченнаго майоратства, можетъ наследоватьъ ему на нижепоставленныхъ условіяхъ; распространяющихся и на дону Діаго; сына моего, и на всѣ вышепоименованныя лица и наследниковъ ихъ, съ тѣмъ, чтобъ каждое изъ этихъ условій было или выполнено въ точности; въ противномъ случаѣ, неисполнившій ихъ потеряетъ право на майоратство, и оно должно будетъ перейти тогда къ ближайшему преемнику моего рода, который въ свою очередь лишится на него права, если не будетъ выполнять въ предписанномъ видѣ означенныхъ условій, и такимъ порядкомъ далѣе. Но исполненію правъ на владѣніе майоратствомъ не подвергаются наследники за обстояательства маловажныя или незначительныя проступки, подвергаемые разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, а только за дѣла важныя, могущія помрачить славу моего рода. За совершеннымъ исполненіемъ всего нижепоставленнаго мною, прошу судебныхъ мѣстъ имѣть наблюденіе, и умоляю его-святѣйшество и преемниковъ его-священной власти, въ случаѣ еслибъ для исполненія настоящаго акта, который заключаетъ въ себѣ послѣднюю мою волю и завѣщаніе, потребовалось его священное повелѣніе, дать его по силѣ повиновенія, которымъ обязаны его сану всѣ христіане, подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви, — чтобъ означенный актъ ни какимъ образомъ не могъ остаться безъ дѣй-

ствія. Осмѣливаюсь также просить короля и королеву, ~~вашимъ государей,~~ и старшаго сына ихъ, свѣтлѣйшаго принца Иоанна, и вассалниковъ ихъ, въ уваженіе заслугъ, оказанныхъ мнѣ мною, и такъ какъ это дѣло законное, не допускать чтобъ въ моемъ завѣщаніи и учрежденіи майоратства было что-либо измѣнено, но содержать это и другое всегда въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ мною установлено въ славу Всемогущаго, въ утверженіе и укорененіе моего рода и въ память заслугъ, оказанныхъ вашимъ величествами мною — урожденцемъ Генуэзскимъ, прибывшимъ въ Кастилію служить вамъ, который для васъ открылъ за океаномъ, на западъ отъ твердой земли, Индію и прилежащія къ ней острова. И такъ я прошу ваши величества повелѣть, чтобъ настоящее завѣщаніе мое и дарованныя мнѣ преимущества были, признаваемы, соблюдаемы и выполняемы безъ сопротивленія, безъ проволочекъ и по точному смыслу дѣла. Прошу также грандовъ королевства, членовъ Совѣта и всѣхъ, имѣющихъ власть по судебному управленію, не дозволять чтобъ означенное завѣщаніе мое оставалось безъ дѣйствія, но принуждать всякаго властію своею къ исполненію заключающихся въ немъ намѣреній моихъ: ибо справедливость требуетъ, чтобъ послѣдняя воля дворянина, служившаго королю, королеві и государству, и

изъявляя: въ формальномъ его завѣщаніи, была унажена. Относительно распоряженій его своимъ имуществомъ — учрежденіемъ — ли майоратства, или инымъ какимъ-либо образомъ, и чтобы не была она нарушена ни въ целомъ, ни въ частностяхъ.»

«Н.
«Сынъ мой, Діэго, и всѣ мои преемники и потомки, равно какъ и братья мои, Варфоломей и Діэго, должны употреблять мой гербъ; въ томъ видѣ какъ я оставлю его после моей смерти, не прибавляя въ нему ничего, и имѣть его на своихъ печатяхъ. Каждый изъ преемниковъ моего рода, при вступленіи въ владѣніе майоратствомъ, обязанъ принимать и моего подпись, нынѣ мною употребленную, которая состоитъ изъ немозначенныхъ буквъ, расположенныхъ такимъ порядкомъ: X, а надъ нимъ S; потомъ M, надъ нимъ Рицское A, а сверхъ A въ другой разъ S; наконецъ Y а надъ нимъ опять S, — съ чертами и точками, какъ я обыкновенно подписываюсь, что можно видѣть въ множествѣ бумагъ и въ самомъ этомъ завѣщаніи.»

«Какіе-бы титулы владѣтель майоратства ни получалъ отъ короля, въ подписи своей всегда долженъ употреблять только одинъ титулъ *Адмирала*. Но это относится единственно къ подписи, а не касается

прописанія титулаций, которыя онъ можетъ выставлять всѣмъ охотнѣе, буде пожелаетъ; но подписываться должна просто — *Адмиралъ*. Упомянутый донъ Діаго, и всякой другой преемникъ нашего дома, при вступленіи въ обладаніе майоратствомъ, принимаетъ и званіе *Адмирала океана*, лежащаго къ западу отъ мысленной черты, проведенной по повелѣнію его величества во стѣ миляхъ отъ Острововъ Зеленаго Мыса и Азорскихъ, каковымъ званіемъ Адмирала Океана пожалованъ я по указу его величества, со всеми преимуществами, присвоенными дону Генрику, по званію адмирала Кастиліи, и назначенъ губернаторомъ и вице-королемъ острововъ и земель, открытых и которыя впредь будутъ открыты на томъ Океанѣ, я самъ лично и всѣ мои преемники, на вѣчныя времена, — какъ все это подробно означено въ вышеомянутомъ договорѣ моемъ съ ихъ величествами.»

«Обязываютъ рѣчицаго донъ Діаго, и всѣхъ безъ изыятія наследниковъ майоратства, распоряжаться доходами, какіе угодно будетъ Господу даровать имъ, слѣдующимъ образомъ, подлѣ опасеніемъ вышеозначенныхъ лишениій: Во первыхъ, владѣтель долженъ въ годового дохода майоратства, въ настоящее и во вся-

кое другое время, и со всѣхъ иныхъ своихъ доходовъ, выдавать ежегодно четвертую часть брату моему, дону Варфоломею Колумбу, адмитадо Инди, до тѣхъ-поръ, пока выдаваемая сумма не возрастетъ до милліона мараведовъ въ годъ, — за его прежнія и будущія заслуги въ пользу нашего дома; а когда помянутая четвертая часть доходовъ возрастетъ до милліона, тогда уже неувеличивать ее, а выдавать помянутому дону Варфоломею ежегодно только по милліону мараведовъ: но все это въ такомъ только случаѣ, если самъ онъ ничего не будетъ имѣть; еслижъ онъ пріобрететъ себѣ доходъ, равный вышеопредѣленной нами суммѣ, или нѣкоторой части ея, тогда выдѣль ему означеннаго милліона долженъ прекратиться — вполнѣ, или отчасти, смотря по тому какъ великъ будетъ его собственный доходъ, а производить ему изъ доходовъ майоратства только такую сумму, какая придетъ по расчету до милліона мараведовъ въ добавокъ къ его собственнымъ доходамъ, — если притомъ на такое дополненіе достаточно будетъ четвертой части всѣхъ доходовъ наследника. Но означенный вычетъ относится исключительно къ его собственнымъ доходамъ съ помѣстьевъ, или съ должностей и званій, какія онъ будетъ занимать, а не распространяется на приданое его жены, — въ чемъ-бы оно не состояло, — изъ котораго никакая часть не должна быть

вычитъема въ дополненіе помянутого милліона. А когда www.ucoz.ru будетъ Богу, что онъ, или наслѣдникъ его, или потомки, станутъ получать съ своихъ помѣстьевъ и званій не менѣе милліона мараведовъ доходу, тогда уже ни онъ, ни преемники его, не должны имѣть права ни на какую часть помянутой четверти доходовъ съ майоратства, а должна та четверть въ такомъ случаѣ обратиться въ пользу донъ Діэго и его наслѣдниковъ.»

IV.

«Изъ тѣхъ-же доходовъ майоратства, или изъ другой четверти ихъ, выдавать каждый годъ сыну моему Фернандо, два милліона мараведовъ, до-тѣхъ-поръ пока собственные его доходы не сравняются съ этой суммой, на томъ-же основаніи какъ выше постановлено въ разсужденіи донъ Варфоломея и его наслѣдниковъ.»

V.

«Упомянутые, сынъ мой донъ Діэго и братъ донъ Варфоломей, имѣютъ выдавать другому брату моему, дону Діэго, изъ доходовъ, какіе они будутъ получать съ вышеозначеннаго майоратства, сумму достаточную для пристой-

наго его содержанія: ибо онъ братъ мой. Не назначаю ему никакой особой суммы; такъ-какъ онъ посвятилъ себя духовному званію, а предоставляю это дѣло на совѣтъ сына моего Діэго, и брата, Варфоломея. Эта сумма должна быть выдаваема ему сполна, въ одинъ разъ, прежде выдѣловъ сыну моему, Фернандо, и брату, Варфоломею, или наследникамъ ихъ, соразмѣрно съ доходами майоритета и прочимъ имуществомъ; а въ случаѣ спора, могущаго возникнуть по этому предмету, дѣло должно быть предано разсмотрѣнію двухъ нашихъ родственниковъ, или другихъ лицъ, извѣстныхъ своею добросовѣстностью; еслижъ и они не согласятся въ мнѣніи, то избрать посредникомъ челоуѣка добродѣтельнаго, пользующагося довѣренностью обѣихъ сторонъ, и исполнить какъ онъ опредѣлитъ.»

VI.

«Всѣ вышеозначенные доходы, завѣщаемые мной въ пользу Варфоломея, Фернандо и Діэго, должны быть имъ выдаваемы, а ими получаемы, именно на тѣхъ основаніяхъ, какія мною здѣсь постановлены; а они и дѣти ихъ обязываются за то быть всегда вѣрными и преданными сыну моему, Діэго, и наследникамъ его. А если случится, что они, или кто-либо изъ нихъ, учинитъ ему вредъ, въ обстоятельстве, касающемся чести и благо-

состоянія фамиліи, или въ ущербъ его владѣніямъ, словомъ или дѣломъ, и изъ того произойдетъ огласка и униженіе моей фамиліи, или раздробленіе майоратства, — въ такомъ случаѣ виновному должна быть немедленно прекращена выдача пенсіи.»

VII.

«Такъ-какъ при учрежденіи майоратства намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобъ удѣлять, — или вмѣсто себя вмѣнить въ обязанность сыну моему, Діэго, дѣлать то же, — ежегодно десятую часть доходовъ со всего нашего имуществва на вспоможеніе нуждающимся, какъ десятину во имя Всемогущаго и Превѣснаго Бога; и такъ-какъ я остаюсь при томъ-же намѣреніи и понынѣ, въ надеждѣ на содѣйствіе его величества какъ мнѣ лично, такъ и наслѣдникамъ моимъ, здѣсь въ Европѣ и въ Новомъ-Свѣтѣ: то и распределяю означенную десятину слѣдующимъ образомъ:

«Во первыхъ, поелику само собою разумется, что четвертая часть доходовъ съ майоратства, которую я вмѣнилъ въ обязанность и приказалъ наслѣдникамъ моимъ выдѣлять дону Варфоломею до-тѣхъ-поръ пока у него составитя миллионъ своего дохода, заключаетъ въ себѣ и десятину всего дохода съ вышеозначеннаго майоратства; — и какъ

по мѣрѣ ~~увеличенія~~ ^{увеличенія} собственныхъ доходовъ брата моего, Варфоломея, доходы сіи будутъ вычитаться изъ той четверти: то надлежитъ вести счетъ означенной десятины, опредѣляя — до какой суммы она будетъ ежегодно простираться; и если что останется за вычетомъ изъ ней суммы, опредѣленной на пополненіе милліона дона Варфоломея, въ такомъ случаѣ остатокъ раздѣлять между членами моей фамиліи наиболѣе нуждающимися въ пособіи, — если только доходъ означенныхъ родственниковъ не будутъ пресвѣщать пятидесяти-тысячъ мараведовъ; еслижъ нѣкоторые изъ нихъ будутъ получать доходъ, равный этой суммѣ, то такимъ выдавать изъ остатковъ той же десятины столько денегъ, сколько опредѣлено будетъ двумя особами, собственно для того избранными, и дономъ Діэго, или наследниками его. И такъ должно въ точности разумѣть, что милліонъ, отказываемый мною дону Варфоломею, заключаетъ въ себѣ и десятую долю всего дохода съ майоратства, и что эта собственно десятая доля должна быть обращена на вспоможеніе ближайшимъ и бѣднѣйшимъ нашимъ родственникамъ, такимъ порядкомъ, какъ я установилъ выше; а когда донъ Варфоломей станетъ получать милліонъ собственнаго своего дохода, и ему уже ничего не будетъ слѣдовать изъ означенной четверти, тогда сынъ мой Діэго, или кто будетъ владѣть майорат-

ствомъ, совокупно съ двумя другими особами, означенными мною ниже, обязаны рассмотреть счета и устроить дѣла такимъ образомъ, чтобы десятина со всего дохода по-прежнему была уплачиваема бѣднѣйшимъ родственникамъ нашей фамили, живущимъ въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта, которыхъ поручаю моимъ наследникамъ тщательно отыскивать и производить имъ вспоможеніе, вычитая выдаваемую имъ сумму изъ десятины: и если десятина будетъ больше той суммы, какая окажется нужною на вспоможеніе, то излишекъ снова раздѣлять между наиболѣе нуждающимся, какъ сказано выше.»

VIII.

« Упомянутый донъ Діэго, сынъ мой, или кто наследуетъ по мнѣ, имѣетъ избрать двухъ степенныхъ и безкорыстныхъ особъ, находящихся въ весьма близкой связи съ нашею фамиліей, для веденія самого вѣрнаго и точнаго счета доходамъ майоратства и для надзора за выдачей съ нихъ десятины (изъ той четверти, которая опредѣлена на уплату милліона дону Варфоломею) бѣднѣйшимъ нашимъ родственникамъ, которые тогда будутъ находиться здѣсь или въ другихъ мѣстахъ, отыскивая ихъ тщательно и по совѣсти. Въ случаѣ-жъ, еслибъ упомянутый донъ Діэго,

или кто изъ его преемниковъ, по видамъ лич-
ныхъ выгодъ, или для сохраненія чести и
поддержанія майоратства, не заблагоразсу-
дѣвъ объявлять настоящаго дохода съ своихъ
владѣній, въ такомъ случаѣ предоставляю на
совѣсть наследника вымачивать упомянутую
сумму по назначенію, а имъ, то есть род-
ственникамъ, приказываю, ради ихъ душъ и
совѣсти, не объявлять о томъ, иначе какъ съ
его согласія.»

IX.

«Въ избѣжаніе всякаго несогласія при из-
браніи двухъ ближайшихъ родственниковъ,
долженствующихъ дѣйствовать совокупно съ
дономъ Діэго, или наследниками его, назна-
чаю для этого — брата моего, дона Варфо-
ломея и сына, дона Фернанда, которые каж-
дый равъ, приступая къ возложенному на
нихъ дѣлу, обязаны избирать двухъ другихъ
родственниковъ изъ самыхъ близкихъ и до-
стойнѣйшихъ довѣренности; а эти, въ свою
очередь, назначать отъ себя еще двухъ; и та-
кимъ образомъ — да устроится все это дѣло
со тщаніемъ на служеніе и во славу Господу,
и на пользу майоратству.»

X.

«Приказываю помянутому дону Діэго, сы-

ву моему, или тому, кто наследует выше-
означенное майоратство, содержать всегда
въ городѣ Генуѣ одного члена нашей фа-
миліи, производя ему такую пенсію, чтобъ
онъ могъ жить прилично, какъ слѣдуетъ род-
ственной намъ особѣ, съ тѣмъ чтобъ онъ
пребывалъ тамъ постоянно, съ своимъ семей-
ствомъ, — и не прерывать своихъ связей съ
Генуей, а считаться ея гражданиномъ, дабы
означенный родственникъ, въ случаѣ надоб-
ности, могъ всегда найти тамъ помощь и
защиту: ибо я оттуда и родился тамъ.»

XI.

«Обязываю помянутаго дона Діэго и его
наслѣдниковъ: всѣ деньги, какія они въ со-
стояніи будутъ сберегать за своими издерж-
ками, въ векселяхъ или инымъ какимъ обра-
зомъ, откладывать особо и обращать ихъ на
покупку, на имя владѣтеля майоратства, ак-
цій банка Св. Георгія, которыя приносятъ
шесть процентовъ на сто, и гдѣ помѣщаемыя
суммы обезпечены вѣрно, — на составленіе
особаго капитала. Капиталь-же тотъ употре-
бить какъ означено ниже.»

VII.

«Поелику въ обязанности каждаго человѣка
знатнаго ранга, владѣющаго помѣстьями, слу-

жить Богу лично или имуществомъ, а капиталы, помещаемые въ банкъ Св. Георгія, находятся тамъ въ совершенной сохранности, ибо Генуя городъ благородный и могущественный, — и такъ-какъ я, предпринимая путешествіе для открытія Индіи, имѣлъ намѣреніе просить короля и королеву, нашихъ государей, дабы они посвятили на завоеваніе Іерусалима всѣ деньги, сколько ихъ приобретется въ Индіи, и привелъ въ дѣйствіе это намѣреніе — просилъ ихъ о томъ: то если они исполнять мою просьбу — хорошо; если жъ нѣтъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, то помянутый Діаго, или кто наследуетъ по немъ, обязывается собрать столько денегъ, сколько будетъ въ состояніи, и сопровождать короля, своего государя, когда онъ отправится для завоеванія Іерусалима; а если король не предприметъ этого похода, то идти туда самому со всѣми силами, какія можно будетъ собрать. И въ совершеніи столь благочестиваго подвига Господь ниспошлетъ ему свою помощь, такъ-что если онъ и не покоритъ всей страны, по крайней мѣрѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что завоюетъ хотя нѣкоторую часть ея. И такъ, да вносить онъ всѣ суммы, которыя у него будутъ оставаться отъ годовыхъ издержекъ, въ банкъ Св. Георгія, въ Генуѣ, и пусть онъ тамъ приращаются процентами до-тѣхъ-поръ, пока можно будетъ предпринять что-либо для завоеванія Іерусалима; ибо

и полагаю, что если ихъ величества увидятъ, что это предпріятіе содержитсяъ въ виду и не оставлется безъ вниманія, то и сами они пожелаютъ совершить его; или, по крайней мѣрѣ, даровать преемнику моему, какъ своему вассалу, состоящему у нихъ на службѣ, средства привести его въ исполненіе.»

XIII.

«Возлагаю на сына моего, Діэго, и потомковъ моихъ,—въ особенности на тѣхъ, которые наследуютъ мое имущество, состоящее, какъ показано выше, изъ десятой части всего, что найдется въ Индіи, или что можно будетъ получить оттуда, и изъ восьмой доли земель и доходовъ, что, совокупно съ моимъ жалованьемъ и другими окладами по званію адмирала, составить болѣе двадцати-пяти процентовъ на сто, — возлагаю, говорю, въ особенности на Діэго и наследниковъ его: весь означенный доходъ, равно какъ и самихъ себя и все средства свои, обращать и употреблять на доброе и вѣрное служеніе ихъ величествамъ и наследникамъ ихъ, и поддерживать ихъ власть, жертвуя за нихъ жизнью и имуществомъ: ибо, послѣ Бога, ихъ величества даровали мнѣ средства совершить открытіе и приобрести имущество; хотя и то правда, что я самъ явился въ ихъ королевство съ предложеніемъ моего предпріятія; и что про-

ццо много времени, пока они взяли мѣры къ приведенію его въ исполненіе, — но это шло не удивительно: ибо предметъ означеннаго предпріятія никому не былъ извѣстенъ и никто не имѣлъ къ нему довѣрія: и за это-то я еще больше обязанъ имъ, равно какъ и за почести и милости, которыми они съ тѣхъ поръ удостоили меня.»

XIV.

« Приказываю также дону Діэго и всемъ наследникамъ его, которые будутъ владѣть помянутымъ майоратствомъ: въ случаѣ если послѣдуетъ въ Католической Церкви расколъ, или если кто, — какого-бы онъ роду и званія ни былъ, — попытается двинуть ее присвоенныхъ ей правъ, имуществъ и почестей: повергнуть къ стопамъ его святѣйшества, — разумья если означенные наследники сами не будутъ еретики (отъего Боже сохрани!) — себя, власть свою и имущество на подавленіе означеннаго раскола и на предупрежденіе всякаго посягательства на честь и достоиніе Католической Церкви.»

XV.

« Приказываю помянутому дону Діэго, или тому, кто наследуетъ до немъ, во всехъ дѣлахъ и предпріятіяхъ всегда имѣть въ виду

славу, благоденствіе и приращеніе могущества города: Гену и, и употребить все средства и способности свои на защиту и увеличеніе благосостояніа и славы этой республики; во всемъ, что не будетъ противно служенію Церкви Господней и достоинству короля и королевы, нашихъ государей, и преемниковъ ихъ.

« Когда приспѣетъ время, дню Діаго, имъ тотъ, кто будетъ тогда, владѣть майоратствомъ, долженъ соорудить на островѣ Испаніоля, въ притойнѣйшемъ мѣстѣ: Перкюнь до имя святой Девы-Маріи, а при церкви и учредить госпиталь по возможно дуншему плану, на манеръ Итальянскихъ и Кастильскихъ; также построятъ часовню для совершенія въ ней службы. Божіей, за упокой душъ—моей, предковъ и потомковъ моихъ, съ великимъ благоуміемъ: ибо, безъ сомнѣнія, Господу угодно будетъ даровать намъ доходъ достаточный, какъ на этотъ предметъ, такъ и на вышеозначенныя.»

XVII.

« Приказываю сыну моему, Діаго, и наслѣдникамъ его, содержать постоянно на островѣ Испаніоля четырехъ искусныхъ профессоровъ богословія, съ тѣмъ, чтобы цѣль

трудоу и занятій, какъ достоянн въ обращеніи Индійцевъ въ нашу святую веру: и по мѣрѣ того, какъ, при помощи Божіей, доходы съ майоратства будутъ возрастать, увеличивать въ той-же соразмѣрности и число духовныхъ особъ, которыми вмѣнить въ обязанности стараться всеми силами, посредствомъ назиданія, обращать туземцевъ къ христіанству, — и для достиженія этой цѣли недолжно щадить издержекъ, какъ-бы волки оныя на быдѣ.

XVIII.

Наконецъ, призываю сына моему, Діаго, и всякому, кто по немъ будетъ владѣть помянутымъ майоратствомъ, каждый разъ, когда оныя будетъ на исповѣди, прежде ея начатія, предъявлять духовнику своему это завѣщаніе, или копію съ него, и просить его прочесть оное, дабы духовникъ, принимая покаяніе, могъ удостовѣриться, въ точности ли исполнены преемникомъ всѣ возложенныя на него обязанности: и будетъ изъ того много добра и пользы для его души.

S.

S. A. S.

X. M. Y.

El Almirante.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 34.

Подпись Коломба.

Такъ-какъ все, что касается Коломба, исполнено "занимательности", то и подпись его дала поводъ къ нѣкоторымъ преніямъ. Въ ней видны, нѣкоторымъ образомъ, отпечатокъ вѣка — существенно религіознаго, а, быть-можетъ также, и частнаго характера человека, который считалъ себя таинственнымъ избранникомъ, предвѣщеннымъ для исполненія великихъ преднамѣреній Неба, и воображалъ, что всѣ его дѣйствія должны были сопровождаться формальностями важными и торжественными. Вотъ какъ онъ подписывался:

S.

S. A. S.

X. M. Y.

XPO FERENS.

Первая половина подписи *XPO* (*CHRISTO*) состоитъ изъ Греческихъ буквъ; послѣдняя — *FERENS*, изъ Римскихъ. Таковъ былъ обычай въ ту эпоху, и даже въ наше время въ Испаніи употребляются еще въ подписяхъ и надписяхъ буквы Греческія и Римскія.

Предполагають, что шифры, или начальные буквы, находящіяся сверхъ подписи Колумба, изображаютъ благочестивое воззваніе къ Богу. Чтобъ прочесть ихъ, должно начинать съ нижнихъ буквъ и связывать ихъ съ верхними. Споторно думаютъ, что онѣ значать: *Xristus (Christus), Sancta Maria, Yosephus*, или: *Salva Me, Xristus, Maria, Yosephus*.

Въ журналѣ, подъ заглавіемъ: «Северо Американское Обозрѣніе» (апрѣль, 1827) изъяснено мнѣніе, что вмѣсто *Yosephus* должно читать — *Yesus*.

Прибавленіе къ подписи нѣсколькихъ благочестивыхъ изреченій или словъ есть древній обычай, существовавшій въ Испаніи, и еще насовсѣмъ вышедшій изъ употребленія. Причиной этого обычаевенія полагають — желаніе подписывающагося показать, что онъ христіанинъ; причина довольно важная въ странѣ, гдѣ жидаы и магометане были нетерпимы и преслѣдуемы.

Донъ Фернандо, сынъ Колумба, говоритъ, что отецъ его каждый разъ какъ только принимался за перо, обыкновенно писалъ вначалѣ: *Yesus cum ariâ sit nobis in viâ*. Книга,

составленная адмираломъ изъ выписокъ разныхъ мѣстъ изъ пророчествъ, которыя, по его мнѣнiю, относились къ его открытiямъ и къ освобожденiю Гроба-Господня, посланная имъ къ Фердинанду и Изабелѣ, началась тѣми-же словами. Этотъ обычай имѣеть близкое отношенiе къ другому обыкновенiю — ставить начальныя буквы нѣкоторыхъ благочестивыхъ словъ надъ подписью имени, и придаетъ весьма много вѣроятности способу, которымъ объясняютъ подпись Колумба (1).

(1) Мы позволяемъ себѣ замѣтить, что она нисколько не объяснена предшествовавшимъ, потому-что многiя начальныя буквы оставлены въ ней вовсе неразобранными. Замѣненiе словомъ *Jesus* слова — *Josephus*, намъ кажется несовсѣмъ основательнымъ. Колумбъ употребляеть слово *Christus* и ставилъ за нимъ *Maria*: съ какой-же стати было ему повторять *Jesus*? Мы думаемъ, что его подпись можно истолковать слѣдующимъ образомъ:

Supplex

Servus Altissimi Salvatoris

Christi, Mariae, Iosephi,

XPO Ferens.

Что касается до послѣдней строки, *Christo ferens*, очевидно, что Колумбъ употребляетъ эти слова для означенiя собственнаго своего имени — *Christophe*, *Christophorus*, или *Christopherus*, какъ его писали иногда. (*Примѣчанiе Французскаго переводчика.*)

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

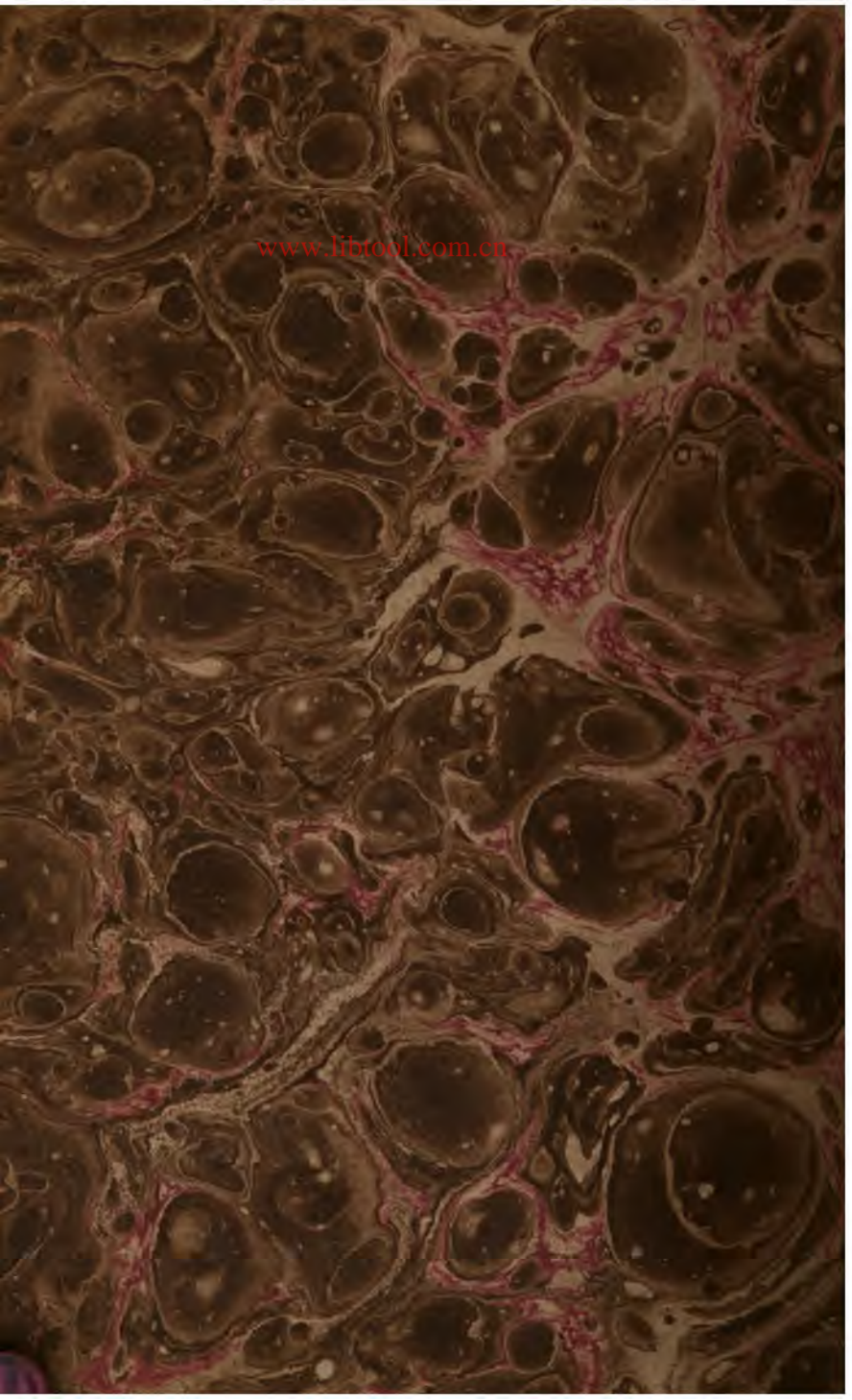
www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

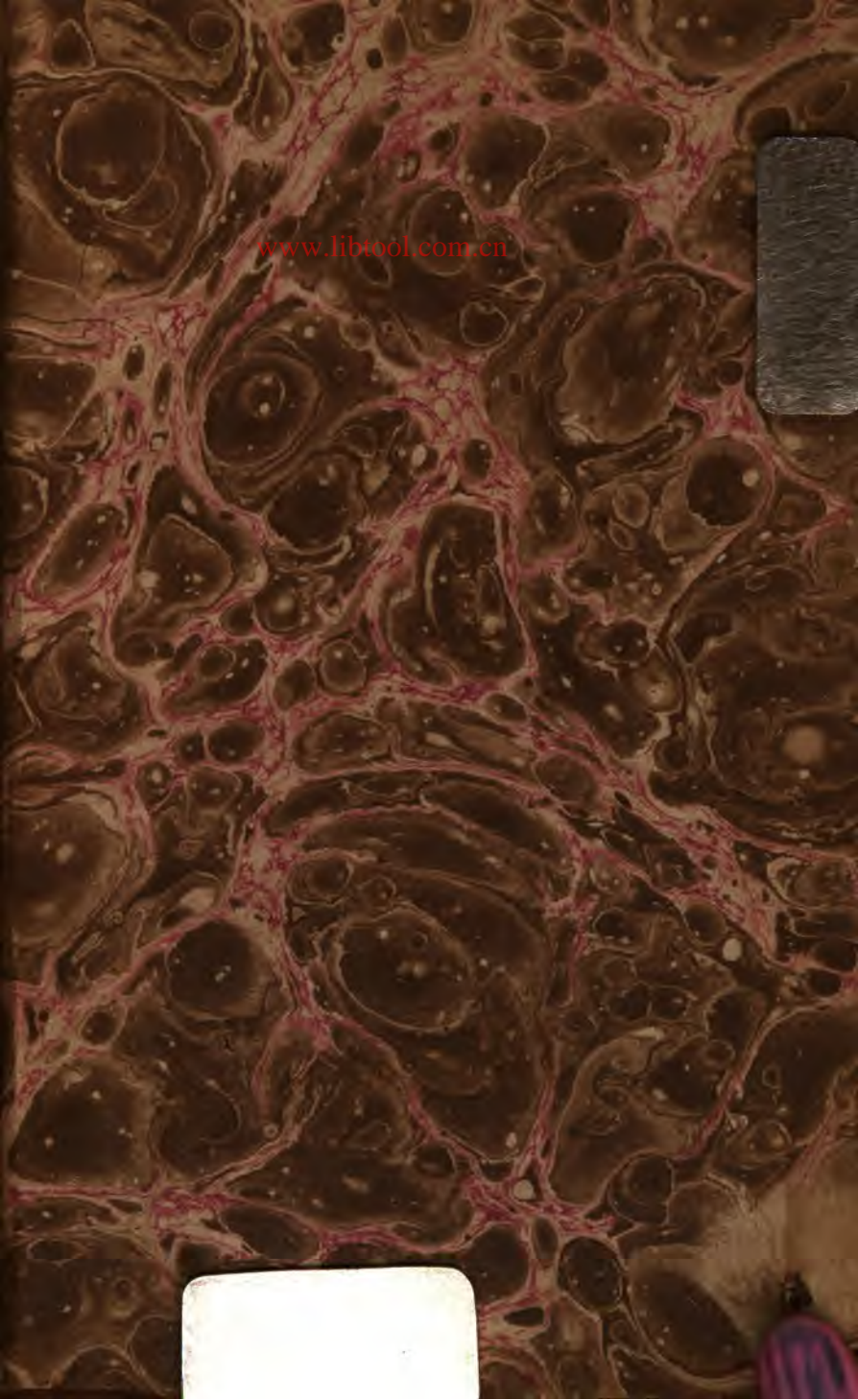
www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn



www.libtool.com.cn



www.libtool.com.cn